W 50/113

МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

ВЪ I ПОЛОВИНѢ XIV ВѢКА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

П. В. ПОЛЕЖАЕВА.

XX-8902

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. СУЩИНСКАГО.
Екатерининскій каналъ, 168.

1878.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 марта 1878 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ГЛАВА I.—Южныя славянскія общества до XIV вѣка . . . 1

ГЛАВА II.—Сѣверовосточныя волости. Москва—какъ поселеніе и стольный городъ до XIV столѣтія 10

ГЛАВА III.—Юрій Даниловичъ. Борьба съ Тверью. Великое княжество Литовское. 18

ГЛАВА IV.—Іоаннъ Даниловичъ. Его отношенія къ церкви, къ ордѣ и русскимъ князьямъ 33

ГЛАВА V.—Іоаннъ Даниловичъ. — Его смерть. — Состояніе Московскаго княжества 47

ГЛАВА VI.—Симеонъ Іоанновичъ Гордый. — Его отношенія къ церкви, къ ордѣ и къ русскимъ князьямъ сѣверовосточной группы. 62

ГЛАВА VII. — Симеонъ Іоанновичъ Гордый. Его смерть. Состояніе московскаго княжества и причины его возвышенія . . . 78

ГЛАВА VIII.—Правительственная власть 97

ГЛАВА IX.—Органы верховной власти 106

ГЛАВА X.—Контингентъ княжества 116

ГЛАВА XI.—Судъ 148

ГЛАВНѢЙШІЕ ОПЕЧАТКИ.

стран.		Напечатано:	Должно читать:
3	въ примѣч.	Ипат. лѣт. с. Т.	Ипат. лѣт. с. 7
13	строка 21 и 22	Иорги	Гюрги
15	въ примѣч.	потребностей поселенія	отношеній поселенія.
16	строка 22	Дюделя	Дюденя
54	» 12	и эти	а эти прибавленія
55	» 4 примѣч.	но это вѣрно	но это невѣрно
94	» 23	въ разрѣшеніи	въ разрѣженіи
96	» 3	Іустинской	Густинской
83	» 29	Клонскаго	Клопскаго
96	» 10	начата	начаша
108	» 22	Князь	Князь
111	» 31	тгуны	тіуны

МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

въ 1-ой половинѣ XIV вѣка.

Историческій этюдъ.

ГЛАВА I.

Южныя славянскія общества до XIV вѣка.

Съ XIV вѣка начинается рядъ великихъ князей московскихъ, рядъ, завершившій въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ послѣдовательно и неуклонно объединеіне сѣверовосточныхъ славянъ въ одно плотное и сильное государство. До XIV столѣтія общественная жизнь славянскихъ, варяго-русскихъ княжествъ проявлялась лишь только преслѣдованіемъ сохраненія тѣхъ началъ, которыя легли при самомъ образованіи княжествъ, какъ самостоятельныхъ единицъ, а между тѣмъ эти начала, по самой природѣ своей, не могли да и не способны были выработать силы, достаточной для органическаго развитія государственныхъ элементовъ. Необходимъ былъ поворотъ къ болѣе жизненному началу, и этотъ поворотъ совершился развитіемъ Москвы, представительницы новаго направленія, и тяготѣніемъ къ ней, какъ къ центру. Изъ такого знаменательнаго положенія открывается особенная важность этого періода нашей исторіи.

Предварительно изложенія историческихъ событій первыхъ Московскихъ князей, необходимо бросить бѣглый взглядъ на предшествующее состояніе русскихъ княжествъ до XIV вѣка, т. е. до времени возвышенія Москвы.

Въ нашихъ лѣтописяхъ, хотя и скудныхъ извѣстіями о внутреннемъ бытѣ, имѣется однакожъ достаточно данныхъ, изъ которыхъ можно получить понятіе объ организаціи древнихъ княжествъ. Славянскія племена, занимавшія территорію нынѣшней Россіи, состояли изъ отдѣльныхъ группъ, обладавшихъ необходимыми по ихъ потребностямъ поземельными участками, съ опредѣленными пунктами населенія [1]). Эти то пункты, избранные по ихъ выгодности и удобствамъ, населенные болѣе густо, составляли такъ называемые города—civitas или castrum, которыхъ окружали земли (основной и главный источникъ существованія), вѣроятно въ неопредѣленномъ пространствѣ, такъ какъ въ землѣ въ тѣ времена недостатка не могло быть. Устроенные города, съ окружавшими землями, составляли *волости* различныхъ племенъ «живяху кождо съ родомъ своимъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ» [2]). Затѣмъ съ теченіемъ времени, съ размноженіемъ населеній, по эстественному ходу явилась необходимость въ занятіи болѣе отдаленныхъ мѣстъ отъ первоначальнаго пункта города, мѣстъ, составившихъ собою особыя поселенія: города второразрядные, пригороды, входившіе сначала въ составъ волости.

Управленіе волостью и вообще веденіе всѣхъ общественныхъ дѣлъ поселеній составляло право и обязанность всѣхъ

---

[1]) „Словѣни же ови пришедше и сѣдоша на Вислѣ и прозвашося Ляхове; а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляховѣ другіи Лютичѣ, или Мазовшане, или Поморяне. Такоже и тѣ же Словѣне пришедше сѣдоша по Днепру и нарекошася Поляне, а другіи Деревляне зане сѣдоша в лѣсахъ; а другіи сѣдоша межи Припѣтью и Двиною и нарекошася Дреговичи; и инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчьки ради, яже втечетъ въ Двину, именемъ Полота... Словѣне же сѣдоша около озера Илмера и прозвашася своимъ именемъ и сдѣлаша городъ и нарекоша и Новъ-городъ, а другіи же сѣдоша на Деснѣ и по Семи и по Сулѣ и нарѣкошася Сѣвера". Лѣтопись по Ипатскому списку изд. Арх. Ком. 1871 г. стр. 3 и 4.

[2]) ibid. c. 5.

полноправныхъ членовъ волости, пользующихся самостоятельнымъ голосомъ. На основаніи этого права всѣ общественные вопросы обсуждались и рѣшались въ общемъ собраніи членовъ племени *на вѣчѣ* общимъ равнымъ голосованіемъ, съ исключеніемъ всякаго обязательнаго преимущества какого либо голоса,—neminem ferant imperantem по выраженію Императора Маврикія. Конечно при многочисленномъ составѣ вѣча, при полномъ отсутствіи всякой опредѣленности и порядка, при розни племенныхъ нравовъ и обычаевъ («имяху бо обычая своя и законы отецъ своихъ и преданья кождо свой норовъ») [1]) и при розни единичныхъ интересовъ необходимо должны были возникать смуты и раздоры, какъ въ средѣ самого общества, такъ и въ отношеніяхъ поселеній между собою, и дѣйствительно «небѣ въ нихъ правды и вста родъ на родъ и быста въ нихъ усобицѣ» (Ип. лѣт. с. 11)). Такое безотрадное положеніе внутреннихъ безпорядковъ и усобицъ естественно породило мысль объ избраніи лица Князя, чуждаго ихъ эгоистическимъ интересамъ и потому болѣе способнаго къ установленію порядка. «Поищемъ себѣ Князя иже бѣ *володѣлъ нами и судилъ по праву*» (ibid.) рѣшилъ союзъ нѣсколькихъ племенъ, и рѣшеніе свое привелъ въ исполненіе приглашеніемъ къ себѣ Князей изъ варяжскаго рода.

Но призванные Князья и приближенныя ихъ дружины не произвели никакой коренной реформы во внутренней организаціи славянскихъ обществъ, частью по малочисленности своей, частью по невысокой степени собственнаго гражданскаго развитія. Сама Скандинавія (Швеція, Норвегія и Данія) IX-го вѣка не имѣла опредѣленныхъ политическихъ началъ. Власть Конунговъ,—число которыхъ простиралось до 40,—была необширна, неопредѣленна и касалась преимущественно военнаго распорядка; дѣлами же внутренняго правленія, гражданскаго и религіознаго, завѣдывали народные сеймы. Не было опредѣленности и въ преемственности Конунговъ: нерѣдко умершему Конунгу наслѣдовало лицо изъ совершенно другаго рода, нерѣдко изъ сыновей умершаго только одинъ получалъ на-

[1]) Ипат. лѣт. с. т.

слѣдственную власть, а прочіе дѣлались искателями приключеній, нерѣдко наконецъ власть Конунга раздѣлялась между сыновьями умершаго. По характеру области существовали различные Конунги: полевые (Filhis Konungar), лѣсные (Sweks Konungar), горные (Holmis Konungar) и морскіе (Seekonungar). Изъ этихъ Конунговъ только послѣдніе, по особому свойству промысла, пользовались властью болѣе значительною и болѣе опредѣленною взаимными договорами товарищества (föst bródralang [1]).

Слѣдовательно и наши Князья, выходцы варяжскаго сѣвера, могли явиться къ Славянамъ только въ качествѣ военачальниковъ, судей, охранителей порядка, но отнюдь не вводителями государственнаго устройства. При нихъ, точно также, какъ и прежде, разрѣшающая сила всѣхъ общественныхъ вопросовъ оставалась за вѣчемъ въ прежнемъ его составѣ и формѣ. Вѣче призывало и удаляло Князей, дѣлало съ ними рядъ, рѣшало вопросы о войнѣ и мирѣ, если только они не были личнымъ дѣломъ Князя и его дружины. [2]) Такимъ образомъ существовали вѣча въ продолженіи многихъ столѣтій во всѣхъ почти главныхъ пунктахъ населеній въ волостяхъ того времени: Кіевѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Смоленскѣ, Полоцкѣ, Бѣлгородѣ, Брянскѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Владимірѣ Волынскомъ и Залѣскомъ, Торжкѣ, Твери, Ростовѣ, Костромѣ, Суздалѣ, Звенигородѣ и проч. Княжеское присутствіе не измѣнило къ лучшему сущности вещей. Если съ одной стороны дѣй-

---

[1]) Далина Шведская Исторія. II 142. Strinnholm, Wikingszuge I. 254—264.

[2]) На самостоятельныя дѣйствія народа, относительно призыва и удаленія князей, въ лѣтописяхъ встрѣчаются весьма многочисленныя указанія Такъ въ 1146 году Кіевляне, недовольные Игоремъ посылаютъ къ Изяславу „рекуще: поидемъ, княже, хочемъ тебе". (П. С. Р. Л. I. 136), такъ въ 1150 году Кіевляне выгоняютъ Юрія, высказывая ему „поѣди, Княже, прочь (ibid. 141), такъ Ростовцы и Суздальцы „сдумавше вси, поляша Андрея (сына Юрія) и посадиша и въ Ростовѣ на отнемъ столѣ и въ Суздали (ibid. 149); въ 1175 году Владимірцы посадили у себя Князя Ярополка на столѣ во Св. Богородицѣ весь *порядъ* положише", а затѣмъ въ слѣдующемъ году тѣже Владимірцы говорятъ Князьямъ Ростиславичамъ: „мы есмы вольные князя себѣ пріяли" (ibid 159) и мн. друг.

ствительно выиграло дѣло правосудія и полицейское охраненіе, то съ другой стороны явились новыя причины смутъ въ столкновеніяхъ правъ Князей между собою, ихъ старѣйшинствъ и ихъ притязаній на володѣнье тою или другою волостью, какъ такихъ столкновеній, къ которымъ населенія не могли относиться совершенно равнодушно уже вслѣдствіе однихъ своихъ личныхъ симпатій.

Государственнаго организма не было; не могъ онъ развиться по отсутствію единаго начала, проникающаго все общество, какъ одно цѣлое и нераздѣльное, стирающаго индивидуальные интересы во имя общаго. Въ продолженіи многихъ столѣтій волости оставались все тѣми же одинокими, разрозненными единицами, хотя и одноплеменными, но не укрѣпленными нетолько въ отношеніяхъ другъ къ другу, но даже и въ самихъ себѣ, единствомъ духа. Контингентъ волости составляли: Князь, его дружина и народъ,—и всѣ эти элементы не сливались въ единую жизнь. Князь, составляя высшую ступень общественной іерархіи въ княжествѣ, не былъ продуктомъ этаго княжества; напротивъ, преслѣдуя свои личные интересы, онъ относился къ своему княжеству болѣе или менѣе благопріятно, но не жилъ его жизнью. Этимъ обстоятельствомъ объясняется обыкновенное явленіе въ нашемъ такъ называемомъ удѣльномъ періодѣ—легкость покиданія Княземъ своей волости, когда ему выпадала возможность завладѣть волостью болѣе выгодной. Происходя изъ одного рода, занимая и смѣняя столы по отношенію родственнаго старшинства, Князья заняты были исключительно своими личными счетами по старѣйшинству, хотя это послѣднее нисколько въ сущности не увеличивало значенія ихъ власти. Даже самый старшій изъ нихъ считавшійся старшимъ или Великимъ Княземъ, столъ котораго былъ въ старѣйшемъ изъ городовъ русскихъ—Кіевѣ, въ великомъ княжествѣ Кіевскомъ, не имѣлъ надъ прочими князьями почти никакого фактическаго преобладанія, кромѣ нравственнаго и родственнаго вліянія.

Второй элементъ—княжескую дружину—составляли приближенные къ Князю, чуждые остальному населенію и по происхожденію и по интересамъ, какъ это ясно обнаруживается

изъ записанныхъ лѣтописцами жалобъ народныхъ на дружину, изъ уговоровъ съ Князьями относительно обузданія ея своевольствъ. Впрочемъ, не всегда и не вся дружина относилась враждебно или индеферентно къ мѣстному населенію. Княжеская дружина раздѣлялась на старѣйшую и молодшую; первую составляли самые приближенные къ Князю, видѣвшіе въ немъ и свое отечество и все свое благосостояніе, вторую же составляли вновь поступающіе на службу къ Князю изъ мѣстныхъ жителей.

Третій элементъ (народъ),—раздѣлявшійся по промысламъ и занятіямъ на различныя группы: смердовъ, огнищанъ, житыхъ людей, гостей, лучшихъ людей и бояръ, составлялъ ядро свободнаго населенія съ обычнымъ характеромъ народной массы. Затѣмъ кромѣ свободнаго населенія существовали еще несвободный и полусвободный классы: въ первомъ холопы и челядины, во второмъ закупы и наймиты. Несвободный классъ, рабы, не участвовалъ въ народномъ собраніи, какъ непмѣвшій никакихъ гражданскихъ правъ (рабство не было въ характерѣ славянъ и вѣроятно въ первыя времена его составляли только военноплѣнные), но участвовалъ ли на вѣчѣ полусвободный классъ, объ этомъ, по сохранившимся источникамъ, положительно сказать невозможно; можно предполагать, что, неся повинности, онъ не могъ имѣть рѣшающаго вліянія и въ вопросахъ, установляющихъ эти повинности.

Безъ сознанія идеи единства, каждый изъ этихъ элементовъ, участвуя на вѣчѣ, способенъ былъ только преслѣдовать свои личные интересы и, слѣдовательно, быть источникомъ раздоровъ и внутреннихъ усобицъ. И дѣйствительно, смуты возникали то въ отношеніяхъ волостей между собою, то въ отношеніяхъ волости къ своему Князю, то отъ частной вражды Князей. Даже въ самомъ городѣ нерѣдко возставалъ одинъ конецъ города на другой, и споръ оканчивался побоищемъ. Яркое описаніе княжескихъ усобицъ находится въ поэтическомъ словѣ о полку Игоревѣ: «тогда земля сѣялась и росла усобицами, погибала жизнь... въ княжескихъ крамолахъ вѣкъ человѣческій сократился. Тогда по русской землѣ рѣдко раздавались крики земледѣльцевъ, но часто каркали вороны, дѣля между собою

трупы» и потомъ далѣе... «сказалъ братъ брату: это мое и это мое же, и за малое стали Князья говорить большое, начали сами на себя крамолу, а поганые со всѣхъ сторонъ приходили съ побѣдами на землю русскую».

По вычисленіямъ покойнаго Погодина, отъ 1055 до 1228 г. встрѣчается 80 лѣтъ, въ которыхъ происходили усобицы, а изъ остальныхъ 93 лѣтъ должно исключить 45 значительныхъ нападеній Половцевъ и Литовцевъ. Слѣдовательно, изъ 173 лѣтъ можно считать мирными только 48 лѣтъ (междоусобныя войны. Временникъ Общ. Истор. и древ. Росс. № 2).

Принятая съ X вѣка христіанская религія хотя и пыталась смягчить суровость нравовъ, умиротворять возникавшіе споры, но ея вліяніе еще не могло быть особенно значительнымъ какъ потому, что первые наши Святители Церкви изъ грековъ не могли быть сочувственны народу, такъ и потому, что спасительное, умиряющее ученіе Христа еще не могло уже по краткости времени проникнуть въ глубину народной массы.

Къ довершенію такого печальнаго положенія, съ первой четверти XIII столѣтія новая бѣда обрушилась надъ русской землей въ видѣ сплошнаго, неотразимаго врага. Нашествіе монголовъ сожгло и залило кровью всѣ восточныя и южныя княжества, неспособныя, по разъединенности своей, противустоять напливу. Монголы опустошили и раззорили Русь, но не произвели въ ея общественныхъ, внутреннихъ отношеніяхъ никакихъ существенныхъ перемѣнъ. Побѣдители и побѣжденные всегда оставались враждебными: на столько несогласны были ихъ религія, нравы и обычаи, на столько оказалось невозможнымъ никакое нравственное единеніе между ними. Единственная перемѣна состояла въ подчиненіи Князей волѣ Хана, въ назначеніи послѣднимъ Князей и Великихъ Князей, однимъ словомъ въ низведеніи князей на ступень монгольскихъ улусниковъ, но при этомъ однакожъ необходимо замѣтить, что при назначеніяхъ въ княжеское достоинство Ханы почти всегда руководствовались правами, признаваемыми самими русскими. Монголы смотрѣли на русскія княжества, какъ на средство обогащенія, требовали дани, собирали полонъ и затѣмъ

уже вовсе не касались внутренняго распорядка. По всей вѣроятности дань, наложенная ордою, была значительна, но точный, положительный размѣръ [1]) ея неизвѣстенъ. По описанію Плано-Карпини, миссіонера, проѣзжавшаго чрезъ Россію въ 1246 году. татары требовали десятины, какъ отъ людей, такъ и отъ имущества. Отсчитывали десять и брали одного. Затѣмъ остальное населеніе, по переписке, облагалось данью, обязательною къ платежу для всякаго, богатаго и бѣднаго, большаго и малаго, даже для однодневнаго младенца. Дань того времени платилась преимущественно мѣхами медвѣдей, бобровъ, соболей, хорьковъ и лисицъ, а впослѣдствіи — серебромъ. Несостоятельныхъ плательщиковъ дѣлали рабами и уводили въ орду. Сборъ дани, какъ и вообще управленіе, ввѣрялось баскакамъ или басхатамъ, которымъ повиновалось все населеніе, не исключая и самихъ Князей. Тяжесть дани еще болѣе усиливалась отъ безчеловѣчныхъ способовъ взиманія и отъ злоупотребленій баскаковъ или ханскихъ пословъ, видѣвшихъ въ этомъ средство къ личному обогащенію.

При такомъ положеніи, политическое значеніе княжествъ не могло развиваться и крѣпнуть, напротивъ того, съ истощеніемъ матеріальныхъ средствъ и при существованіи прежней розни, оно должно было все болѣе и болѣе умаляться до тѣхъ поръ, пока новыя политическія явленія не создали бы новаго порядка, укрѣпившаго преобладаніе одного элемента, какъ центра, около котораго должно было бы сгруппироваться національное дѣло. Но возникновеніе и развитіе новой политической силы не могло произойдти на старой почвѣ, слишкомъ пропитанной старыми воззрѣніями на взаимныя отношенія. Новая сила требовала и новой почвы, и этой почвой явилась Москва, сначала, какъ простое поселеніе и потомъ, какъ самостоятельное княжество въ сѣверо-восточной Руси, въ мѣстности населеній Мери, Муромы и Вятичей.

До половины XII вѣка всѣ политическія движенія сосредоточивались исключительно въ южныхъ и западныхъ русскихъ княжескихъ волостяхъ. Сѣверовостокъ, оставаясь внѣ

[1]) Собран. путеш. къ татарамъ 1825 стр. 105

этихъ движеній, не переживалъ разорительной неурядицы, не выносилъ на себѣ вліянія спутанныхъ княжескихъ отношеній. Въ противуположность скученному южному населенію, живому и постоянно занятому общественными вопросами, малолюдное сѣверовосточное населеніе Суздальской области, хотя и имѣло свои сосредоточенные пункты, города—Суздаль, Ростовъ, Владиміръ и друг., но вообще, раскинутое на обширныхъ земельныхъ пространствахъ, жило уединенно, сдержанно само въ себѣ, спокойно пользовалось естественными произведеніями, уплачивая наложенныя на него повинности южными Князьями. Удаленное отъ торговыхъ путей того времени, оно не раздѣляло и жизненныхъ интересовъ своихъ южныхъ собратьевъ.

Около половины XII вѣка Суздальская область сдѣлалась столомъ Юрія Владиміровича Долгорукаго, одного изъ младшихъ сыновей Великаго Князя Мономаха. Новый Суздальскій Князь, несмотря на всѣ благопріятныя условія для расширенія княжеской власти въ этомъ отдаленномъ краю, не любилъ впрочемъ свой столъ, постоянно стремился къ родному югу и, когда по старшинству въ родѣ ему досталась очередь быть кіевскимъ Великимъ Княземъ, онъ, безъ колебанія, бросилъ свой столъ. За то его сынъ, уже рожденный и воспитанный на сѣверѣ, Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, наоборотъ предпочиталъ свой сѣверъ югу и, когда въ свою очередь сдѣлался старшимъ Великимъ Княземъ, остался на сѣверѣ, съ образованіемъ новаго великаго княжества Владимірскаго, по имени столичнаго города Владиміра, прежняго пригорода Суздаля. И съ этихъ поръ, съ образованіемъ новаго великаго княжества Владимірскаго, центръ тяжести политическихъ движеній перенесся на сѣверъ. Разоренный югъ, не выработавъ жизненнаго начала, способнаго привести къ единству разрозненные элементы, не имѣлъ будущности, и политическое значеніе Кіева, послѣ татарскаго разгрома (1240 г.) и перенесенія Митрополіи во Владиміръ, все болѣе и болѣе умалялось до половины XIV столѣтія, когда Кіевъ окончательно уже сдѣлался добычей литовскихъ князей.

ГЛАВА II.

Сѣверовосточныя волости. Москва — какъ поселеніе и стольный городъ до XIV столѣтія.

Старые сѣверовосточные города—Суздаль, Ростовъ и потомъ Владиміръ, выросшіе въ иныхъ мѣстныхъ условіяхъ, тѣмъ не менѣе скроились по общему типу старыхъ южныхъ городовъ, хотя и безъ ихъ рѣзкихъ опредѣленныхъ чертъ. И въ этихъ городахъ существовало вѣче, но оно не ограничивало власти Князя въ томъ размѣрѣ, какъ на югѣ, и въ лѣтописяхъ почти не встрѣчается упоминаній о рядѣ вѣча съ Княземъ, при вступленіи его на столъ. А если не было такихъ ограниченій въ старыхъ сѣверовосточныхъ городахъ, то тѣмъ болѣе ихъ не могло быть въ поселеніяхъ и пригородахъ новыхъ, къ числу которыхъ принадлежитъ Москва.

Когда именно основана была Москва—неизвѣстно; вѣроятно, какъ незначительное поселеніе Владимірской волости, она долго не обращала на себя особаго вниманія. Впослѣдствіи уже, когда Москва пріобрѣла важное значеніе, лѣтописцы стали раскрашивать основаніе ея различными вымыслами, ясно выдающими свою поэтическую вольность при первомъ внимательномъ взглядѣ. Болѣе вѣроятный разсказъ объ основаніи Москвы находится въ лѣтописи о началѣ царствующаго великаго града Москвы: „Въ лѣто 6666 (1158) Великому князю Юрью грядущу изъ Кіева во Владиміръ къ сыну своему Андрею, пріиде на мѣсто, иде же нынѣ царствующій градъ Москва, обополы Москвы рѣки. Сими же селы владѣющу тогда Болярину нѣкоему, богату сущу, именемъ Кучку Иванову; той Кучко возгордѣвся зѣло и не почте великаго Князя и поносивъ ему. Князь же великій не стерпя хулы, повелѣ боляриша того смерти предати; сыны же его видѣвъ млады суща и лѣпы зѣло именемъ Петръ и Іоакимъ и дщерь едину благообразну именемъ Улиту, отсла во Владиміръ ко Андрею. Самъ же взыде на гору и обозрѣ очима своима сѣмо и овамо по обѣ страны Москвы рѣки и за Неглинною, возлюби села оныя, и повелѣваетъ вскорѣ содѣлати малъ

древянъ градъ, и прозва его Москва градъ, и потомъ Князь великій отходитъ къ сыну Андрею во Владиміръ, и сочетоваетъ его бракомъ со дщерію Кучковою. И бывъ у него Великій Князь Юрій довольно, заповѣда ему градъ Москву людьми населити и распространити и паки возвращается въ Кіевъ“ (примѣч. 301 къ 2 т. Ист. Гос. Рос. Карамзина). Въ этомъ разсказѣ невѣрность заключается въ означеніи года 1158, такъ какъ въ этомъ году Юрія уже не было въ живыхъ, но ошибка могла произойдти и отъ описки переписчика. Къ этому разсказу въ раскольничьей лѣтописи Татищева прибавлено, что Юрій имѣлъ связь съ женою Стефана Кучки Тысяцкаго, и что мужъ во время отсутствія Князя увезъ жену въ деревню, на берегъ Москвы рѣки, въ намѣреніи бѣжать къ Пзяславу, но что Юрій, оставивъ подъ Торжкомъ войско, поспѣшилъ освободить любовницу, убилъ мужа, дочь его выдалъ за Андрея и заложилъ городъ Москву.

Что же касается до другихъ разсказовъ, то объ нихъ, какъ наполненныхъ явными вымыслами и анахронизмами, не стоитъ упоминать; за достовѣрное признать можно только то, что на мѣстѣ поселенія Москвы прежде находились села Кучково, Воробьево, Симоново, Кудрино, Сухощево и Кузнецкая слобода, принадлежавшія боярину Степану Ивановичу Кучкѣ и потомъ отобранныя Великимъ Княземъ въ свою собственность. Подъ 1147 годомъ (28 марта) въ лѣтописяхъ упоминается имя Москвы, какъ о мѣстѣ, гдѣ пировалъ Великій Князь Юрій Владиміровичъ съ Княземъ Черниговскимъ и другими своими союзниками въ борьбѣ съ Княземъ Изяславомъ [1]) Несмотря на скудость извѣстій объ основаніи Москвы, не подлежитъ сомнѣнію, что поселки Москвы и Кучки были княжескими вотчинами, лежащими въ такомъ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, что иногда имена ихъ въ лѣтописяхъ смѣшивались между собою, такъ въ Ипатіевской лѣтописи говорится подъ 6684 (1176) годомъ: „идоша съ нимъ до Куцкова (по Хлѣбниковскому до Кучкова) реките до Москвы..... и приде ему вѣсть..... и выйдоша изъ Москве“. [2]) Изъ болѣе же позд-

[1]) П. С. Р. Л. II. 29.
[2]) П. С. Р. Л. II.

нихъ извѣстій видно, что поселеніе собственно Кучково лежало отдѣльно, хотя и въ близкомъ разстояніи отъ Москвы: на Кучковомъ полѣ (нынѣшняя Срѣтенка) казненъ былъ Вельяминовъ, сынъ послѣдняго Тысяцкаго, [1]) село Кучково въ 1472 году подарено было Юріемъ Васильевичемъ, братомъ Іоанна III, Троицко-Сергіевскому монастырю. [2]).

Какія отношенія существовали у московскаго поселенія къ своему стольному городу Владиміру до тѣхъ поръ, пока оно само не организовалось въ городъ? По естественному ходу развитія русскихъ населенныхъ мѣстностей, обыкновенно поселеніе, даже достигнувшее значенія пригорода, выносило рѣшительное вліяніе своего города, получало отъ него Намѣстника или Посадника и обязывалось повинностями; только значительная степень развитія, достигнувшая, или даже перевѣсившая развитіе самого города, давала пригороду фактическое право образовать свой столъ. Отношенія между городами и ихъ пригородами почти всегда оказывались натянутыми, если не враждебными. Новгородъ и Псковъ, Ростовъ и Владиміръ сходились рѣдко, только въ случаяхъ общихъ интересовъ, обыкновенно же они разъединялись гордостью старѣйшаго города, стремленіемъ его—подчинить своей полной волѣ пригородъ, и постояннымъ усиліемъ послѣдняго—высвободиться изъ подъ этого вліянія, стать на равную ногу, получить свой столъ. Такъ во времена даже великаго княжества Владимірскаго (1174 г.) Ростовцы обращались къ Владимірцамъ, какъ къ своимъ подвластнымъ, называли ихъ каменьщиками, слугами недостойными имѣть своего Князя. Существовали ли такія же отношенія у Владиміра съ Москвою? Такихъ отношеній не могло быть. Когда поселеніе садилось на вольной землѣ или по крайней мѣрѣ на землѣ, не считавшейся фактически собственностью частнаго лица, оно должно было относиться къ городу, какъ къ верховному своему управленію, но когда поселеніе занимало поземельную собственность частнаго лица и въ особенности, когда оно само состояло изъ людей несвободныхъ и селилось поземельнымъ владѣльцемъ, то въ этомъ слу-

---

[1]) Никон. Лѣт. IV. 85.

[2]) С. Г. Г. и Д. № 96.

чаѣ всѣ отношенія такого поселенія тянули не къ городу, а къ своему владѣльцу, управлявшему имъ по своему усмотрѣнію. А именно такого рода поселеніе и составляло Москву. До насъ не дошло лѣтописныхъ извѣстій, по которымъ можно было бы съ положительною точностью прослѣдить развитіе Москвы, до превращенія ея изъ простаго поселенія въ стольный городъ княжества, но можно сказать, что до XIII столѣтія Москва не пользовалась никакой самостоятельностью, была поземельной собственностью Владимірскихъ Князей, ихъ любимымъ мѣстомъ жительства или отдохновенія. Впрочемъ Великій Князь Владимірскій Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, несмотря на живописныя московскія окрестности и семейныя отношенія, жилъ не въ Москвѣ, а въ селѣ Боголюбовѣ (въ 11 верст. отъ Владиміра), гдѣ, 29 іюня 1073 г., и былъ убитъ заговорщиками, въ главѣ которыхъ находился братъ его жены. [1]). 1173!

Первое извѣстіе о Москвѣ, какъ уже о значительномъ поселеніи, находится въ Лаврентьевской лѣтописи въ началѣ XIII столѣтія: „Въ лѣто 6721 (1213) Володиміръ сынъ Всеволожъ, Великаго Князя, ѣха въ Москву“ и затѣмъ далѣе... „и идоста изъ Ростова къ Москвѣ Юрги съ Ярославомъ и изведъ Юрги изъ Москвы Володимера и посла й въ Рускыи Переяславль“. [2]) Слѣдовательно въ это время Москва не была стольнымъ городомъ, иначе лѣтописецъ не преминулъ бы упомянуть объ этомъ, такъ какъ за уводомъ Владиміра столъ оставался бы не занятымъ.

Во время нашествія Батыя подъ 1237 годомъ [3]) встрѣчается простое извѣстіе о сожженіи Москвы, о плѣненіи въ ней князя Владиміра, втораго сына Юрьева (вѣроятно или шестаго сына Всеволода, или втораго сына Андрея Боголюбскаго), объ умерщвленіи тамошняго воеводы Филиппа Ивanьку и другихъ жителей, но не объясняется, по какому случаю тамъ находился Владиміръ, въ качествѣ ли временнаго пребыванія поземельнаго собственника, или по обязанности На-

[1]) П. С. Р. Л. II. 113.
[2]) П. С. Р. Л. I. 185.
[3]) П. С. Р. Л. IV. 31. Никон. Лѣт. II. 372 и 373.

мѣстника, и въ послѣднемъ случаѣ, когда и съ какого времени, или же наконецъ въ достоинствѣ самостоятельнаго Князя.

Болѣе опредѣлительное извѣстіе встрѣчается подъ 1248 годомъ [1]), а именно, что въ отсутствіи Александра Невскаго меньшой его братъ Михаилъ Московскій Храбрый изгналъ изъ Владиміра дядю своего Святослава Всеволодовича, но въ ту же зиму былъ убитъ въ войнѣ съ Литвою. Тѣло его Суздальскій Епископъ Кирилл перевезъ во Владиміръ и положилъ въ стѣнѣ соборнаго храма. Изъ этого извѣстія можно заключить, что Михаилъ Ярославовичъ уже считался *Княземъ Московскимъ*, что онъ уже дѣйствовалъ самостоятельно, изгоняя дядю и воюя съ Литвою, но что тѣмъ не менѣе за Москвою все еще не было значенія самостоятельнаго города, такъ какъ тѣло Князя положено не въ Москвѣ, а въ соборномъ храмѣ Владиміра. Лѣтописи не говорятъ о заключеніи ряда между Михаиломъ Храбрымъ и Москвитянами, и дѣйствительно такого ряда не могло быть. Рядъ устанавливался вѣчемъ, а вѣче съ половины XIII вѣка стало исчезать изъ народной жизни не только въ сѣверовосточной Руси, но даже и въ старѣйшихъ южныхъ городахъ, во 1-хъ потому, что разгромъ и полонъ монгольскій значительно прорѣдилъ свободное населеніе, фактически ограничивъ народное право, во 2-хъ — существованіе большаго количества вотчинъ княжескихъ и боярскихъ не могло не повліять не только на самостоятельность и свободу выбора, но даже на самое существованіе его и наконецъ въ 3-хъ—гибельный примѣръ разъединенности не могъ не заставить поселенія городовъ болѣе тяготѣть и тѣснѣе примыкать къ центральной власти, какъ къ болѣе надежной точкѣ опоры. Что же касается до Москвы, то лѣтописи вовсе не упоминаютъ о существованіи московскаго вѣча, а если и встрѣчаются два или три указанія, то они объясняются смутнымъ временемъ общаго безпорядка, но ни въ какомъ случаѣ существованіемъ его, какъ обычнаго учрежденія.

Такимъ образомъ можно безошибочно сказать, что княже-

[1]) П. С. Р. Л. IV. 38. Ник. Лѣт. III. 30 и 31.

ніе Москвою переходило по преемству въ родѣ Великихъ Владимірскихъ Князей на правѣ владѣнія ею, какъ собственностью [1]), безъ всякаго ряда или народнаго участія.

Послѣ Михаила Ярославича на московскомъ столѣ сидѣлъ четвертый сынъ Александра Невскаго—Даніилъ, вѣроятно на томъ основаніи, что большіе братья садились на большія мѣста, а меньшимъ братьямъ, поэтому доставались мѣста младшія, меньшія. [2]) Этому Князю Москва обязана первымъ расширеніемъ своей территоріи въ видѣ сліянія, но никакъ не временнаго присоединенія удѣла. Управляя Москвою не въ качествѣ начальника дружинниковъ, пропитаннаго понятіями о старѣйшинствѣ городовъ и своей княжеской родовой чести, а какъ добрый, разумный хозяинъ своей отчины, Даніилъ желалъ округленія своихъ владѣній естественными границами, по хозяйственнымъ соображеніямъ. Сознавая, до какой степени обладаніе всѣмъ теченіемъ рѣки Москвы, какъ самымъ удобнымъ и дешевымъ путемъ сообщенія, представлялось для Москвы дѣломъ выгоднымъ, Князь Московскій искалъ ссоры съ Рязанью и достигъ своей цѣли. При этомъ надобно замѣтить объ общей характеристикѣ Московскихъ Князей, заключавшейся въ отсутствіи воинственности, въ уклоненіи отъ безцѣльныхъ ссоръ и не желаніи рисковано ставить на карту свои интересы. Если Московскіе Князья и объявляли войну, то уже тогда, когда имѣли всѣ шансы на успѣхъ. Такъ и теперь. Начавшаяся война съ Рязанью кончилась весьма счастливо для Москвы: рязанская рать была разбита, князь Константинъ Романовичъ взятъ въ плѣнъ, множество татаръ, находившихся въ рязанской дружинѣ, убито, а *Коломна*,—мѣстность впаденія рѣки Москвы въ Оку,—*присоединена* къ московскимъ владѣніямъ [3]).

По поводу избіенія татаръ въ усобицѣ Москвы съ Ря-

---

[1]) Вліяніе поземельныхъ отношеній, кажется, ускользнуло отъ вниманія нашихъ изслѣдователей, между тѣмъ какъ оно не могло не имѣть преобладающаго значенія, составляя собою всю сущность всѣхъ главныхъ потребностей поселенія въ первый періодъ существованія.

[2]) С. Г. Г. и Д. т. II. № 141.

[3]) Воскрес Лѣт. ч. I. 26 и 27.

запью нашъ знаменитый исторіографъ говоритъ: [1]) „смѣлость удивительная и не имѣвшая никакихъ слѣдствій. Такимъ образомъ Россіяне начинали ободряться и, пользуясь дремотою хановъ, издалека острили мечи свои на конечное сокрушеніе тиранства". Мысль—далеко невѣрная. Въ эту эпоху Россіяне не могли острить мечей на конечное сокрушеніе ига, напротивъ, здравая политика передовыхъ выдающихся людей того времени, какимъ былъ напримѣръ Александръ Невскій, именно заключалась въ рабольпномъ угожденіи ханамъ, въ отдаленіи всѣми возможными средствами прямаго и непосредственнаго вмѣшательства ихъ въ свои внутреннія дѣла. Безслѣдность убійства татаръ объясняется не дремотою хановъ, а присутствіемъ въ княжествахъ, а въ особенности въ ближайшихъ къ ордѣ, большаго количества всякой сволочи, прибывшей туда при служилыхъ ханскихъ людяхъ въ качествѣ совершенно частныхъ лицъ и оставшихся тамъ ради своей частной выгоды. Что наши Князья, и въ особенности Московскіе, не думали объ открытомъ сопротивленіи, къ чему они не имѣли и возможности, доказывается ихъ дѣйствіями. Этотъ же самый Даніилъ Московскій, избивший татаръ въ Рязанской схваткѣ, за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ (1293 г.) безпрепятственно допустилъ Дюделя, брата Тохты, въ Московскіе предѣлы и не принималъ никакихъ мѣръ противъ грабежей и опустошеній монголовъ.

Другое, также весьма важное, пріобрѣтеніе составляло присоединеніе Переяславля. Іоаннъ кроткій Переяславскій, сынъ Дмитрія Александровича, всегда любившій своего Московскаго дядю, умирая бездѣтнымъ въ 1302 году, завѣщалъ ему свою волость. [2]) Въ то время Переяславль считался одною изъ важныхъ крѣпостей по значительному числу людей ратныхъ, а еще болѣе по значительнымъ крѣпостнымъ сооруженіямъ изъ 12 башенъ въ двойной стѣнѣ, изъ рва наполненнаго водою кругомъ города и т. п. Вслѣдствіе своего положенія на сѣверѣ, Переяславль сталъ для Москвы лучшимъ оборонительнымъ и сторожевымъ пунктомъ.

[1]) Карамз. изд. Смир. т. IV. 160
[2]) Никон. Лѣт т. III. 99.

3-го марта 1303 года „преставись князь, говоритъ лѣтописецъ, Даніило Александровичъ въ черницѣхъ и въ схимѣ и положенъ бысть въ церкви св. Михаила въ Москвѣ"; [1]) въ Степенной же книгѣ мѣстомъ погребенія Князя называется, основанный имъ, Даніиловъ монастырь. Изъ всѣхъ дѣтей Александра Невскаго, на самомъ младшемъ изъ нихъ, князѣ Даніилѣ Александровичѣ, отразились даровитость и государственный тактъ отца. Ему Московское княжество обязано своей самостоятельностью, расширеніемъ своей территоріи и дальнѣйшимъ развитіемъ, такъ какъ всѣ преемники его болѣе или менѣе неуклонно слѣдовали пути, начертанному имъ. Подобно отцу, онъ сознавалъ могущественное вліяніе церкви, какъ государственнаго учрежденія, чтилъ ея совѣты, раздѣлялъ ея интересы и подобно отцу причисленъ къ числу святыхъ угодниковъ.

У Даніила Московскаго было 5 сыновей: Юрій, Александръ, Борисъ, Иванъ (Калита) и Аѳонасій. Какимъ образомъ подѣлилось наслѣдство Даніила, по недостатку лѣтописныхъ извѣстій, опредѣлить трудно, тѣмъ болѣе, что къ этому времени сила понятій о родовомъ старѣйшинствѣ начинаетъ терять обязательное значеніе. По всей вѣроятности Княземъ Московскимъ сдѣлался старшій сынъ Даніила—Юрій; по крайней мѣрѣ извѣстно, что тотчасъ же по смерти Даніила, Переяславцы, нераздѣльные съ Москвитянами, изъ боязни вмѣшательства Великаго Князя Андрея Александровича, объявили Юрія своимъ Княземъ и даже непозволили сму выѣхать на погребеніе отца [2]).

Весною 1303 года Юрій овладѣлъ Можайскомъ (Смоленскимъ удѣломъ) и присоединилъ его къ Московской волости. [3]) Подобный примѣръ самоуправнаго, безъ всякаго участія великаго князя и ряда, вступленія на столъ и потомъ самоуправнаго завоеванія чужой области, не можетъ быть объясненъ только однимъ отсутствіемъ Великаго Князя, бывшаго тогда въ ордѣ, но кажется ближе и вѣрнѣе видѣть въ подоб-

[1]) Ник. Лѣт. III. 100.
[2]) Никон. Лѣт. т. III.
[3]) Воскрес. II. 272.

ныхъ примѣрахъ послѣдствіе разрушенія родоваго значенія и выдѣленія личности. Затѣмъ осенью того же 1303 года воротился изъ орды Великій Князь Андрей Александровичъ съ ханскими послами и тотчасъ же участвовалъ на княжескомъ съѣздѣ въ Переяславлѣ. На этомъ совѣщаніи Князей было утверждено существующее status quo, удержаніе за каждымъ изъ князей его владѣній, а слѣдовательно и за Юріемъ обладаніе Переяславлемъ, хотя это обладаніе совершилось безъ участія Великаго Князя.

Установившаяся тишина продолжалась недолго. Въ слѣдующемъ 1304 году, 27 іюля, умеръ схимникомъ въ Городцѣ Великій Князь Андрей Александровичъ [1]) и смерть его послужила поводомъ къ кровавой драмѣ борьбы за первенство, непримиримой борьбы старыхъ понятій съ новыми, погубившей столько замѣчательныхъ людей того вѣка и кончившейся преобладаніемъ Москвы. Для полнаго выясненія этой борьбы необходимо воротиться нѣсколько назадъ.

ГЛАВА III.

Юрій Даниловичъ. Борьба съ Тверью. Великое княжество Литовское.

Съ XIII столѣтія Суздальское или лучше сказать Владимірское княжество, подобно Кіевскому, составило федерацію нѣсколькихъ княжествъ, имѣвшихъ центромъ стольный великокняжескій городъ Владиміръ, съ типомъ тѣхъ же княжескихъ отношеній, какія существовали въ Кіевской области, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ тѣми измѣненіями, какія вызвались ходомъ событій и мѣстными условіями. Владимірскій Великій Князь, какъ и Кіевскій, получалъ право на это достоинство по старшинству степеней родства и былъ остальнымъ Князьямъ родичамъ въ отца мѣсто, причемъ, по ущѣлѣвшему еще воззрѣнію на родство, дяди считались выше племянниковъ и имѣли право на особенное почтеніе со стороны послѣднихъ. Великій

---

[1]) П. С. Р. Л. III. 68.

Князь, какъ глава семьи, имѣлъ власть родоначальника, разбиралъ права по степенямъ родства своихъ родичей, судилъ, мирилъ, наказывалъ, дѣлалъ выговоры, увѣщанія и т. п. Разумѣется вліяніе его обусловливалось собственной силой и нравственнымъ достоинствомъ; съ отсутствіемъ же этихъ послѣднихъ условій возникали безпрерывныя усобицы и возникали съ бо́льшей силой, такъ какъ обязательность правъ родства слабѣла, не выдѣливъ еще новаго, опредѣленнаго начала. Власть княжеская, въ ущербъ значенію вѣча, получила бо́льшее развитіе; — въ то время какъ населенія старшихъ суздальскихъ городовъ все еще пытались удерживать самостоятельность и продолжали обсуждать права князей, каждый удѣльный князь, чувствуя себя болѣе сильнымъ, стремился съ своей стороны къ независимости и къ увеличенію своихъ владѣній на счетъ другаго, что естественно вело къ самымъ гибельнымъ послѣдствіямъ, къ разъединенности и войнамъ.

По преемственному праву Владимірскій великокняжескій столъ занимали князья: Юрій Долгорукій, Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, Михаилъ II Юрьевичъ, Всеволодъ III Юрьевичъ великій (большое гнѣздо), Юрій и Константинъ Всеволодовичи и наконецъ Ярославъ II и Святославъ Всеволодовичи. У великаго князя Ярослава II Всеволодовича, умершаго въ 1247 году въ ордѣ,—были сыновья: Оедоръ, Александръ (Невскій), Андрей Суздальскій, Константинъ Галицкій, Афонасій, Даніилъ, Михаилъ, Ярославъ Тверскій и Василій Костромскій.

Замѣчательный умъ Александра Невскаго ясно видѣлъ причины бѣдственнаго положенія Руси въ ея разъединенности, въ самовластіи и независимости князей, въ ихъ безпрерывныхъ спорахъ и усобицахъ при преслѣдованіи своихъ эгоистическихъ цѣлей и задался мыслью возвысить великое княженіе, сдѣлать его регуляторомъ государственной жизни и лишить князей не только правъ, но и возможности опустошать и раззорять области. Для достиженія этой цѣли, по вступленіи своемъ на Владимірскій великокняжескій столъ, онъ воспользовался самымъ главнымъ врагомъ Руси, тѣми же самыми монголами. Сдѣлавшись другомъ послѣднихъ, ихъ непосредственнымъ пособникомъ, баскакомъ или сборщикомъ дани,

онъ за то получилъ средства, достаточныя для обузданія своевольствъ князей, а съ обузданіемъ ихъ, естественно, должна была все болѣе и болѣе крѣпнуть народная сила. Дѣйствительно, русскій народъ въ его княженіе отдохнулъ, но все-таки задуманная цѣль не была вполнѣ достигнута отчасти по кратковременности княженія Александра, отчасти по господствовавшему еще взгляду на родство, дающему преимущество боковой линіи передъ нисходящей, дядямъ передъ сыновьями.

Александру Невскому, умершему въ 1263 году, наслѣдовали по великому княжеству, по праву родства, сначала его братья Ярославъ (умер. въ 1272 г.) и Василій (ум. въ 1276 г.) Ярославичи, а потомъ уже его дѣти Дмитрій и Андрей Александровичи. Къ несчастью, наслѣдники не обладали умомъ и энергіей Невскаго. Начались усобицы, дѣло его погибало, значеніе великаго княжества все болѣе и болѣе умалялось и умалилось до того, что при Дмитріѣ Александровичѣ нѣкоторые изъ князей, Михаилъ Тверскій и Ѳедоръ Ярославскій, достигнули признанія себя независимыми, а своихъ владѣній великими княжествами т. е. отдѣльными, самостоятельными единицами. При Андреѣ Александровичѣ того же домогался и Даніилъ Московскій, но достигнулъ ли цѣли—неизвѣстно, хотя въ надписи, находящейся въ Даниловомъ монастырѣ, онъ и называется благовѣрнымъ великимъ княземъ Московскимъ. Къ довершенію бѣдствія, внѣшнія отношенія ставили сѣверо-восточную Русь въ самое опасное положеніе: съ сѣвера постоянно воевали шведы и нѣмцы, съ запада напирала литва съ Гедиминомъ, а съ юго-востока монголы.

По смерти Андрея Александровича (1304 г.), изъ нисходящаго потомства Александра Невскаго, находились на лицо только внуки его, сыновья Даніила Московскаго: Юрій, Александръ, Борисъ, Іоаннъ I (Калита) и Аѳанасій, по они, по существовавшему тогда праву, не должны были домогаться великаго княжества, такъ какъ находился въ живыхъ двоюродный дядя ихъ, сынъ Ярослава Ярославича—Михаилъ Тверской. Послѣдній имѣлъ неоспоримое право на великое княжество Владимірское, отецъ его дѣйствительно былъ великимъ

княземъ Владимірскимъ, да и самъ онъ *великимъ княземъ* тверскимъ, тогда какъ Даніилъ Московскій только домогался признанія великаго княжества Московскаго, но княземъ Владимірскимъ не бывалъ, а по понятіямъ того времени сынъ не могъ получить того, чѣмъ не пользовался его отецъ.

Въ силу такого вѣскаго права, тотчасъ по кончинѣ Андрея Александровича, Владимірскіе бояре отправились въ Тверь звать Михаила Ярославича на великое княженіе. [1]) Но старый порядокъ теперь встрѣтилъ противника въ лицѣ умнаго и изворотливаго Юрія Даниловича. Потому ли, что отецъ его домогался великаго княжества, хотя и Московскаго, а можетъ быть и дѣйствительно былъ имъ, или вслѣдствіе внушеній монгольскихъ вельможъ, обѣщавшихъ успѣхъ за болѣе значительный выходъ, [2]) или просто по сознанію своей силы, или, что всего вѣроятнѣе, вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ въ совокупности, только Юрій, не слушая добрыхъ увѣщаній митрополита Максима и обѣщаній матери Михаила Ярославича Ксеніи увеличить Московскую область, [3]) открыто объявилъ претензію на великое княжество и отправился съ подарками къ хану, куда также уѣхалъ и Михаилъ Ярославовичъ. Въ отсутствіе Юрія, тверичи рискнули было овладѣть, какъ сильнымъ опорнымъ пунктомъ Москвы,—Переяславлемъ, но, послѣ упорной битвы, были разбиты переяславцами, къ которымъ на помощь подоспѣла московская рать, подъ предводительствомъ Іоанна Даниловича. [4]) Въ Никоновской лѣтописи говорится даже, что Іоаннъ Даниловичъ, по отъѣздѣ брата, прибылъ изъ Москвы въ Переяславль и сѣлъ тамъ на великое княженіе. Хотя это извѣстіе, вѣроятно, говоритъ объ Іоаннѣ Даниловичѣ въ качествѣ представителя его брата, но тѣмъ не менѣе оно весьма важно, какъ указаніе на солидарность отношеній Не-

---

[1]) Никон. Л. 101.

[2]) На это обстоятельство положительно указываютъ наши лѣтописи (Воскр. II. 281): сводиша (ханскіе послы) братью, рекуще князю Юрью: оже ты даси выходъ болши князя Михаила, а мы тебѣ княженіе великое дадимъ. Итако превратиша сердце его.

[3]) Воскресен. Лѣт. II. 281.

[4]) П. С. Р. Л. IV. 46.

реяславля съ Москвой и на дѣятельное участіе въ честолюбивыхъ стремленіяхъ Московскихъ князей, а не лично одного Юрія [1]).

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ т, е. уже въ 1305 году князь Михаилъ Ярославовичъ воротился въ Владиміръ съ ханскою грамотою, утверждавшею его великимъ княземъ Владимірскимъ. Дѣло Юрія казалось пропграннымъ на всегда, но не такъ думалъ самъ Юрій. Упругій характеръ его могъ согнуться, но не сломиться. Не имѣя возможности силою одолѣть противника, онъ ждалъ, ждалъ терпѣливо нѣсколько лѣтъ и наконецъ дождался благопріятнаго момента, когда собственныя ошибки Михаила поставили послѣдняго въ трудное положеніе. Зналъ эту несокрушимую настойчивость и Михаилъ Ярославовичъ, два раза ходилъ онъ подъ Москву (1305 и 1308 г.) съ сильнымъ войскомъ, но каждый разъ возвращался безъ всякаго результата [2]).

Прошло нѣсколько спокойныхъ лѣтъ, не безполезныхъ для Юрія, благодаря ошибкамъ Михаила, естественно вытекшимъ изъ личнаго характера этого князя. Михаилъ — рыцарь того вѣка, честный представитель стараго порядка, весь беззавѣтно преданный средѣ, окружавшей и воспитавшей его. Сдѣлавшись великимъ княземъ Владимірскимъ, онъ остался тѣмъ же княземъ тверскимъ, жилъ постоянно въ своемъ отечественномъ городѣ Твери, а Владиміромъ и Новгородомъ управлялъ посредствомъ намѣстниковъ своихъ изъ тверскихъ бояръ. Естественно такой порядокъ не могъ нравиться ни Владиміру, гордому своимъ старшинствомъ, ни Новгороду, гордому своей самостоятельностью и богатствомъ. Раздраженіе поддерживалось и росло еще болѣе отъ корыстныхъ дѣйствій намѣстниковъ и вообще отъ неумѣнія тверичей пріуравниваться къ обстоятельствамъ. Въ Новгородѣ тверскіе бояре нерѣдко нарушали права, утвержденныя грамотами, права на собственный судъ, управленіе и землевладѣніе. Неудовольствія превращались въ открытыя возстанія, которыя усмирялись вой-

---

[1]) Никон. Л. III. 102.
[2]) Воскрес. Лѣт. II. 281.

ной, что не могло не утвердить еще болѣе непріязненныхъ отношеній. [1]) Самое сосѣдство Твери съ Новгородомъ было неблагопріятно для послѣдняго. Это сосѣдство давало возможность великому князю непосредственно во всякое время вмѣшиваться въ новгородскія дѣла и вліять на торговыя обороты, что не могло не казаться опаснымъ и подозрительнымъ для своевольнаго народа. Этимъ обстоятельствомъ легко объясняется симпатія Новгорода къ Москвѣ, стоявшей за Тверью и не имѣвшей съ нимъ прямыхъ столкновеній по землевладѣнію. Между тѣмъ доброе согласіе съ Новгородомъ было для великаго князя въ то время существенною необходимостью, такъ какъ въ орду требовались деньги, а деньгами богатъ былъ только одинъ Новгородъ.

Въ это время въ ордѣ хану Тохтѣ наслѣдовалъ сынъ его молодой Узбекъ, отъ котораго слѣдовало получить новое утвержденіе (ярлыкъ) на великое княженіе. Поэтому великій князь въ 1313 году снова отправился въ орду [2]) съ поклономъ и съ 1,500 гривнами серебра, взятыхъ имъ съ Новгородцевъ. Вѣроятно Юрій Даниловичъ имѣлъ усердныхъ пособниковъ въ ордѣ, вредившихъ Михаилу Ярославовичу: только черезъ два года великій князь воротился домой съ ярлыками и съ сильнымъ монгольскимъ войскомъ. Но насколько онъ выигралъ въ ордѣ, на столькоже, если не болѣе, потерялъ дома. Пользуясь его отсутствіемъ, Юрій Даниловичъ интриговалъ и успѣлъ возбудить сильное неудовольствіе въ Новгородцахъ, у которыхъ агитировалъ въ его пользу князь Ѳедоръ Ржевскій съ такимъ успѣхомъ, что въ 1315 году Новгородъ призналъ Московскаго князя, въ разрѣзъ обычнаго порядка, своимъ княземъ. Правда, съ возвращеніемъ великаго князя, дѣло измѣнилось; подъ вліяніемъ силы, Новгородъ принужденъ былъ выдать Михаилу Ярославовичу и князя Ржевскаго и Афонасія, брата Юрія, оставленнаго послѣднимъ въ Новгородѣ, по случаю своего отъѣзда въ орду, но тѣмъ не менѣе тотъ же Новгородъ золотомъ и чрезъ торговцевъ своихъ, жив-

---

[1]) П. С. Р. Л. III. 71. С. Г. Г. Д. I. № 12.
[2]) Никон. Лѣт. III. 108.

шихъ въ ордѣ, тайно неперестававъ поддерживать московскіе интересы. [1]) Великій князь поѣхалъ жаловаться въ орду, но тамъ Юрій Даниловичъ, снабжаемый постоянно изъ Новгорода матеріальными средствами, бралъ рѣшительный перевѣсъ. Послѣ трехлѣтнихъ неутомимыхъ хлопотъ, интригъ и прислуживаній, Московскій князь достигнулъ полнаго успѣха.

Въ 1318 году Юрій Даниловичъ женился на любимой сестрѣ Узбека Кончакѣ, по святомъ крещеніи Агафьи, и получивъ грамоту на великое княженіе всея Руси, воротился съ монгольскимъ войскомъ, подъ начальствомъ ханскихъ пословъ Кавгадыя, Астрабыла и Острева. [2]) Такъ какъ грамота ханская, поддерживаемая силой, исключала всякое другое право,, то занятіе велико-княжескаго стола Юріемъ признано было безропотно всѣми князьями сѣверовосточной группы и даже самимъ бывшимъ великимъ княземъ Михаиломъ Ярославовичемъ Тверскимъ. [3]) Но Юрій очень хорошо понималъ нетвердость своего положенія при существованіи права за Тверью по старшинству родства и въ особенности при обладаніи тверскимъ княжествомъ значительными матеріальными средствами. Необходимо было обезсилить Тверь и потому первымъ дѣломъ Юрія, по возвращеніи во Владиміръ, не смотря на покорность Михаила, было идти съ сильнымъ войскомъ опустошать тверскую волость. Вынужденный защищать свои собственныя владѣнія, Михаилъ съ тверскою дружиной встрѣтилъ Юрія при Боршовѣ (въ 40 верст. отъ Твери) и разбилъ на голову, взявъ въ плѣнъ Кончаку, брата великаго

---

[1]) П. С. Р. Л. III. 71 Никон. Лѣт. III. 115.

[2]) Никон. Лѣт. III. 112.

[3]) Въ этомъ отношеніи встрѣчаются различныя извѣстія. Въ Воскресен. Лѣт. (II. 282) говорится, что Михаилъ отступился отъ своего права: „оже далъ царь тебѣ великое княженіе, то и азъ отступаюся тебѣ: княжи на великомъ княженіи, но въ мою опришнину не вступайся и распусти своя воя“, но Никон. же лѣт. (III. 112) Юрій, сошедшись съ Михаиломъ на Волгѣ у Костромы, уступилъ ему великое княженіе. Зная характеръ Юрья нельзя не отдать болѣе вѣроятія извѣстію Воскрес. Лѣт. Впрочемъ могла быть уступка и со стороны Юрія, но временная, вынужденная случайными обстоятельствами напр. превосходствомъ силъ Михаила, при встрѣчѣ на Волгѣ.

князя Бориса Даниловича и Кавгадыя. [1]) Юрій бѣжалъ въ Новгородъ, собралъ тамъ новое войско и выступилъ съ нимъ на встрѣчу Михаила. Но битвы не было: князья договорились искать суда въ ордѣ, куда рѣшили отправиться обоимъ. Къ несчастію для Михаила, въ это время въ Тверп скоропостижно умерла Кончака, по свидѣтельству нашихъ лѣтописей, насильственной смертью [2]) и это обстоятельство дало Юрью новое и вѣское оружіе. Съ помощью новгородскаго золота и вліянія Кавгадыя, Юрій въ ордѣ располагалъ сильною партіей въ свою пользу. Михаила Ярославовича обвинили въ отравленіи Кончаки, въ бунтѣ противъ хана и въ сношеніяхъ съ папскимъ западомъ съ цѣлью свергнуть татарское владычество. Не смотря на отрицаніе взводимыхъ обвиненій и на совершенное отсутствіе доказательствъ, пристрастный ордынскій судъ, подъ вліяніемъ Кавгадыя, призналъ обвиненія доказанными, а обвиненнаго достойнымъ смертной казни. 22-го Ноября 1319 года Михаила Ярославовича звѣрскимъ образомъ зарѣзали [3]).

Борьба такихъ соперниковъ, типическихъ представителей стараго порядка родовитой Руси съ новымъ стремленіемъ вотчинной власти, не могла разрѣшиться иначе, какъ кровью и кровь дѣйствительно пролилась и даже не одной, а нѣсколькихъ жертвъ. Юрій Даниловичъ сѣлъ на великокняжескій столъ Владимірскій или всея Руси, но старый складъ не вымеръ съ кончиной Михаила; его семейные, его сыновья хранили свято родныя преданья и ожидали только случая стать живымъ, упорнымъ протестомъ. Отъ Михаила Ярославича осталось четверо сыновей Дмитрій Грозныя Очи, Александръ, Константинъ и Василій, изъ которыхъ старшій сѣлъ на великокняжескій Тверской столъ тотчасъ же по полученіи извѣстія изъ орды о кончинѣ отца.

По возвращеніи на родину, новый великій князь всея Руси основался во Владимірѣ, а младшаго брата Афонасія, [4]) какъ

---

[1]) Воскресен. Лѣт. II. 283 и 284.
[2]) П. С. Р. Л. III. 72. IV. 49.
[3]) Никон. Л. III. 115—121. Воскр. лѣт. II. 286—295.
[4]) П. С. Р. Л. IV. 49.

любимаго Новгородцами, отправилъ туда въ качествѣ намѣстника. Затѣмъ уладивъ свои отношенія къ Рязани на всей своей волѣ, [1]) Юрій заключилъ миръ съ Дмитріемъ Тверскимъ, обѣщавшимся не спорить о великомъ княженіи всея Руси и заплатить 2,000 рублей. Вѣроятно великій князь сознавалъ ненадежность мирнаго договора и не упустилъ бы случая принять своевременныя мѣры къ обезсиленію Твери, но въ это время его вниманіе отвлекли другія отношенія. Новгородъ много помогалъ ему въ борьбѣ съ Тверью и потому естественно онъ не могъ отказать ему въ просьбѣ о помощи противъ шведовъ, овладѣвшихъ Корелою и Кексгольмомъ. Юрій лично предводительствовалъ Новгородцами, но, простоявъ безуспѣшно подъ Выборгомъ около мѣсяца, принужденъ былъ возвратиться въ Новгородъ [2]).

Между тѣмъ совершился новый оборотъ счастія въ пользу Твери. Князь Дмитрій Михайловичъ, Грозныя Очи, успѣлъ выходить себѣ ярлыкъ на великое княженіе Владимірское [3]) и какъ энергическій и симпатичный представитель стараго направленія нашелъ въ общественномъ строѣ старыхъ городовъ рѣшительную поддержку. При такихъ обстоятельствахъ бороться съ нимъ было трудно. За Юрія, кромѣ Москвы, сталъ только Новгородъ, правда располагавшій значительными силами, но занятый собственными своими дѣлами, войнами съ шведами, ливонцами и защитой своихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій на сѣверо-востокѣ за Устюгомъ, въ Югорской землѣ. Слѣдовательно, Юрію, по необходимости, ос-

---

[1]) Въ Рязани въ это время княжилъ Іоаннъ Ярославовичъ, зависѣвшій фактически отъ Юрія Даниловича. Вообще Рязань находилась подъ сильнымъ вліяніемъ Москвы, пытавшейся даже на уничтоженіе ея самобытности. Плененный Даніиломъ Московскимъ рязанскій князь Константинъ, содержавшійся въ заключеніи въ Москвѣ, по распоряженію Юрія Даниловича въ 1307 году былъ убитъ, но впрочемъ это злодѣйство оказалось безплоднымъ, такъ какъ Узбекъ назначилъ Рязанскимъ княземъ сына убитаго Ярослава.

[2]) П. С. Р. Л. III. 72.

[3]) По извѣстію Татищева, Дмитрій сдѣлалъ доносъ хану объ утайкѣ Юріемъ суммы, переданной тому для хана. Это извѣстіе подтверждается перемѣной расположенія хана къ Юрію и, еще болѣе, казнью Кавгадыя, о которой упоминается и въ лѣтописяхъ (П. С. Р. Л. V. 214.).

тавалось терпѣливо выжидать болѣе благопріятнаго случая и стараться только возможно тѣснѣе соединить свои интересы съ интересами Новгорода. Онъ такъ и сдѣлалъ. Предводительствуя новгородскими дружинами въ войнѣ со шведами, обезпечивъ границы Новгорода основаніемъ на Орѣховомъ островѣ крѣпости Орѣховца (Шлиссельбургъ) и защитивъ новгородскія ватаги отъ нападеній устюжанъ [1]), онъ пріобрѣлъ преданность великаго города, а съ тѣмъ вмѣстѣ и денежныя средства. Съ запасомъ этого то могущественнаго орудія, Юрій Данловичъ въ 1324 году снова явился въ ордѣ хлопотать для себя великаго княженія, а въ слѣдующемъ году прибылъ туда и великій князь Дмитрій Михайловичъ.

Снова обѣ партіи стояли у ханской ставки съ тѣми же претензіями, съ тѣми же средствами и съ тѣмъ же упорнымъ преслѣдованіемъ своихъ цѣлей. Въ одномъ только сходились обѣ партіи: въ желаніи высвободиться изъ подъ власти монголовъ, но средствъ къ достиженію этого обѣ партіи искали въ различныхъ путяхъ, смотря по личнымъ своимъ воззрѣніямъ. Честный, пылкій тверской дружинникъ вѣрилъ въ свои силы, вѣрилъ въ неизмѣнность и святость тогдашняго общественнаго строя и въ безкорыстную помощь своего тестя, литовскаго Гедимина, и мечталъ въ открытомъ бою завоевать свободу. Сдержанный же и болѣе дальновидный владѣтель московскій ясно видѣлъ всю политическую несостоятельность современнаго ему общества, немощность его, невозможность съ успѣхомъ противустать силамъ монголовъ и рѣшился всѣми возможными средствами, даже путемъ низкаго, раболѣпнаго угодничества ханамъ, поднять единоличную великокняжескую власть, около которой, какъ около центра, тѣсно сплотились бы всѣ разъединенныя силы русскихъ владѣній. Что, дѣйствительно, таковъ былъ смыслъ разыгравшейся борьбы, это ясно раскрывается при внимательномъ разсматриваніи причинъ и слѣдствій событій того времени, записанныхъ въ лѣтописяхъ.

Каждая изъ партій слѣпо держалась своихъ убѣжденій,

---

[1]) П. С. Р. Л. IV. 73.

не допускала никакихъ компромиссъ и потому столкновеніе ихъ необходимо должно было кончиться гибелью одной, какъ это и было уже нѣсколько лѣтъ назадъ. Теперь очередь стояла за Юріемъ. 21 Ноября 1325 года, слѣдовательно наканунѣ дня убіенія Михаила Ярославича, при личномъ свиданіи, безъ всякаго суда, въ кровную месть за своего отца, необузданный и пылкій сынъ его двадцатисемилѣтній Дмитрій Михаиловичъ, Грозныя Очи, раздробилъ черепъ заклятому московскому лиходѣю своего дома. [1]) Тѣло убитаго перевезено было въ Москву, гдѣ и погребено въ церкви Архангела Михаила. Юрій Даниловичъ палъ, но съ нимъ не погибло его дѣло. Его мысль крѣпко засѣла въ головѣ владѣтелей московскихъ, какъ это ясно будетъ видно изъ послѣдующаго изложенія.

Вѣроятно глазамъ хана убійство Юрія Даниловича сначала казалось не слѣдствіемъ политической распри, а дѣломъ личной мести и можетъ быть даже извинительной. По крайней мѣрѣ такъ можно заключить изъ того, что Дмитрій Михайловичъ, послѣ совершенія преступленія, жилъ въ ордѣ совершенно свободно, въ достоинствѣ великаго князя, а братъ его Александръ спокойно воротился на родину съ ханскими пошлинниками. Но черезъ десять мѣсяцевъ обстоятельства измѣнились. Юрій оставилъ послѣ себя преданныхъ друзей въ новгородцахъ и московскихъ боярахъ. Новгородцы не желали усиленія сосѣдняго княжества и притомъ же такого безпокойнаго, а московскіе бояре, какъ вотчинники-землевладѣльцы видѣли въ интересахъ своего князя свои собственные. Соединенныя усилія этихъ друзей успѣли представить хану дѣло въ иномъ свѣтѣ и, подъ вліяніемъ ихъ внушеній, Дмитрій Михайловичъ вмѣстѣ съ Александромъ, княземъ Новосильскимъ, были казнены 15 сентября того же 1325 года, а братъ его Александръ Михайловичъ получилъ русское великое княженіе. [2]) Но, не смотря на поддержку орды, тверскіе великіе князья, по личному своему характеру, какъ и вообще по характеру тверичей, оказались неспособными из-

---

[1]) Никон. Лѣт. III. 129.
[2]) Никон. Лѣт. III. 130.

влечь какую либо пользу изъ такой поддержки, напротивъ того, они сами стрѣмились къ своей гибели.

Лѣтомъ 1327 года прибылъ въ Тверь ханскій посолъ, Шевкалъ или Щелканъ Дюденевичъ, двоюродный братъ Узбека, съ толпой хищниковъ, искавшихъ всякаго удобнаго случая обогатиться и обыкновенно сопровождавшихъ въ то время каждое посольство. Вѣроятно цѣль прибытія пословъ состояла въ наблюденіи за дѣйствіями велпкаго князя, но увлекающемуся и необузданному характеру тверичей почудилась громовая опасность. Въ народѣ распространилось убѣжденіе, будто татары, въ день Успенія Пресв. Богородицы, 15 августа, намѣрены воспользоваться большимъ наплывомъ парода въ городъ, на праздникъ, истребить княжескій родъ, уничтожить самостоятельность княжества и привести христіанъ въ магометанскую вѣру. Послѣдствіемъ такого неосновательнаго увлеченія явилось крайнее народное возбужденіе, приведшее къ ужасному событію. На разсвѣтѣ 15-го августа все вооруженное населеніе Твери, съ великимъ княземъ во главѣ, ринулось на татаръ, изъ которыхъ большая часть погибла въ кровавой и неравной сѣчѣ, а остальные, вмѣстѣ съ Шевкаломъ, сгорѣли въ дворцѣ, подожженномъ народомъ [1]).

Трудно объяснить цѣль этого необузданнаго увлеченія, тѣмъ болѣе, что самъ великій князь, руководившій возстаніемъ, не могъ не знать всей его неосновательности. Если видѣть въ немъ несокрушимое народное движеніе, попытку высвободиться изъ подъ владычества орды, то послѣдующія событія доказали полное отсутствіе всякой разумной подготовки. Силъ одного великаго княжества тверскаго, конечно, было далеко недостаточно, а въ лѣтописяхъ не встрѣчается никакого указанія на предварительныя сношенія и переговоры между княжествами. Мало того, даже уже и послѣ совершенія событія въ Твери терпѣливо и неподвижно ожидали послѣдствій. И послѣдствія разразились самымъ чувствительнымъ образомъ.

Московскій князь Іоаннъ Даниловичъ, по распоряженію

---

[1]) Никон. Лѣт. III. 137. П. С. Р. Л. VI. 50 и 51.

хана Узбека, съ помощью суздальцевъ, бывшихъ подъ начальствомъ ихъ князя Александра Васильевича, и 50 тысячь ордынцевъ, двинулся къ тверскимъ предѣламъ, несмотря на зимніе морозы. Князь Александръ Михайловичъ убѣжалъ въ Псковъ; Тверь, Кашинъ и Торжокъ, со всѣми тянувшими къ нимъ землями, были взяты и опустошены начисто, сосѣдній Новгородъ избѣжалъ печальной участи только богатыми подарками ордынскимъ вельможамъ и уплатой тысячи рублей. Эту катастрофу можно считать послѣднимъ проявленіемъ самостоятельности Твери. Послѣ разгромленія она уже не въ силахъ была вновь подняться и стать во главѣ русской федераціи. Между тѣмъ, князь Іоаннъ Даніловичъ, въ награду за полное послушаніе, получилъ милостивую грамоту на великое княженіе всея Руси. Обыкновенно называютъ, со словъ Карамзина, (т. IV ст. 282 изд. Смирд.) Симеона Гордаго первымъ *великимъ княземъ всея Руси*, но это ошибочно. Въ жалованной грамотѣ Печерскимъ Сокольникамъ говорится: „*Се азъ князь великій* Иванъ Даніловичъ всея Руси пожаловалъ есть.....[1]) Ошибка, кажется, произошла оттого, что изъ московскихъ княжескихъ печатей дѣйствительно въ первый разъ на печати Симеона вырезано прибавленіе „всея Руси“.

Въ 1328 году Іоаннъ Даниловичъ сдѣлался великимъ княземъ.[2]) Въ числѣ современныхъ княжескихъ родовъ не оказывалось больше претендентовъ и опасныхъ соперниковъ. Рязанскіе князья, хотя и сохраняли внѣшнюю княжескую самостоятельность (въ 1328 году, казненному по повелѣнію хана рязанскому князю Іоанну Ярославичу, наслѣдовалъ его сынъ Іоаннъ Коротополъ), но въ дѣйствительности выдерживали сильное московское давленіе; князья Суздальскіе, не смотря на старшинство родства, сознавали свое безсиліе и потому не отдѣляли своихъ интересовъ отъ Москвы и ихъ полки почти постоянно начали встрѣчаться рядомъ съ полками московскими; предпріимчивая Тверь ослаблена надолго; Новгородъ, занятый своими промышленными предпріятіями, никогда не

---

[1]) А. А. Э. I. № 3.
[2]) Никон. Лѣт. III. 141.

стремился къ полной политической самостоятельности и постоянно старался только обезпечивать свои интересы, поддерживая княжескія вражды, принимая стороны слабѣйшихъ противъ сильнѣйшихъ и болѣе отдаленныхъ противъ ближайшихъ; Псковъ силился только отдѣлиться отъ Новгорода, скинуть съ себя значеніе пригорода; затѣмъ другія княжества, или по отдаленности своей, или по незначительности, не могли быть серьёзными соперниками Москвы. Весь русскій современный сѣверовостокъ началъ инстинктивно сознавать разумность московскаго политическаго стремленія и тянуть къ нимъ. Что же касается до западной и южной Руси, то она составляла собою совершенно отдѣльную самостоятельную единицу подъ общимъ названіемъ Литвы, которая относилась къ Москвѣ по временамъ то враждебно, то союзно, смотря по обстоятельствамъ, но во всякомъ случаѣ отношенія эти становились все чаще и непосредственнѣе. Князья сѣверовосточной Руси женились на княжнахъ литовскихъ и, наоборотъ, князья литовскіе на княжнахъ московской Руси. Народная связь не прерывалась: люди, недовольные московскими порядками, искали защиты и покровительства въ Литвѣ и, наоборотъ, бѣглецы литовскіе находили вѣрное убѣжище въ Москвѣ. Вообще съ XIV столѣтія *великое княжество литовское* стало занимать на западѣ такое же мѣсто, какое на востокѣ занимала Москва, съ тѣми же стремленіями и съ тѣми же цѣлями. Границы обоихъ великихъ княжествъ близились другъ къ другу и, въ недальнемъ будущемъ, предстояло рѣшеніе вопроса о преобладаніи.

Историческія свидѣтельства застаютъ литовскій народъ подъ управленіемъ князя Миндовга, современника знаменитаго галицкаго короля Даніила, съ которымъ у Миндовга существовали постоянныя отношенія. Литвяне-язычники, населяя бѣдную мѣстность по обѣимъ сторонамъ средняго теченія рѣки Нѣмана и по берегамъ Вилін, между областями польскими, русскими и владѣніями нѣмецкихъ рыцарей, составляя пестройныя толпы подъ управленіемъ особыхъ князей, жили по преимуществу грабежемъ и разбоемъ. Изъ этихъ то бродячихъ шаекъ Миндовгу удалось, посредствомъ умерщвленія нѣкоторыхъ

литовскихъ князей и захвата ихъ земель и имѣній, образовать цѣлое, довольно значительное владѣніе, уже опасное для сосѣдей. Противъ такого усиливающагося значенія новаго литовскаго князя, Даніилъ Галицкій и братъ его Василько нѣсколько разъ возставали, нѣсколько разъ побѣждали, нѣсколько разъ возстановляли противъ него и поляковъ и рыцарей нѣмецкихъ, но каждый разъ Миндовгъ выпутывался изъ бѣды или оружіемъ, или хитростью.

Миндовгъ погибъ отъ руки своего оскорбленнаго родственника Довмонта, не кончивъ полнаго объединенія литовскаго народа. Сынъ его Войшелгъ отличался страннымъ сочетаніемъ христіанской набожности съ неестественнымъ звѣрствомъ. Еще при жизни отца-язычника и несмотря даже на его увѣщанія и запрещеніе, принявъ христіанскую вѣру, онъ постригся въ монахи и жилъ въ одномъ изъ галицкихъ монастырей до тѣхъ поръ, пока не вызвало его оттуда извѣстіе объ убіеніи его отца. Умертвивъ многихъ родственниковъ изъ князей литовскихъ въ личную месть за убійство отца, Войшелгъ сдѣлался главнымъ повелителемъ Литвы, владѣнія которой простирались къ западу до Малой Польши, къ югу до верховьевъ рѣки Буга и Припяти, къ востоку до Смоленскаго княжества и заключали въ себѣ черную Русь, Полѣсье, нынѣшнія губерніи Виленскую, Ковенскую, Гродненскую и Минскую. Въ продолженіи своего княженія Войшелгъ постоянно оставался въ дружескихъ отношеніяхъ съ Даніиломъ и даже третьяго его сына, Шварна, своего зятя, назначилъ литовскимъ княземъ. Послѣ смерти Даніила, старшій его сынъ, Левъ, умертвилъ Войшелга, но не могъ воспрепятствовать упроченію на литовскомъ престолѣ Шварна.

Княженіе Шварна, умершаго въ молодости, продолжалось не долго и по смерти его обладаніе литовскимъ престоломъ снова перешло въ руки туземца въ лицѣ знаменитаго Гедимина. Одаренный обширнымъ умомъ, изворотливостью и храбростью, Гедиминъ не только достигнулъ обладанія литовскимъ престоломъ посредствомъ убійства князя Буйвида, но и съумѣлъ организовать сильное княжество, сдѣлавшись великимъ княземъ литовскимъ и русскимъ. То оружіемъ, то хитростью,

то супружескими связями своихъ сыновей, Гедиминъ присвоилъ себѣ, одно за другимъ, многія русскія княжества. Хотя потомъ русскіе князья южной Руси и сознали опасность, соединились между собою, призвали даже на помощь татаръ, но въ битвѣ на берегахъ Ирпени были разбиты. Гедиминъ овладѣлъ Кіевомъ, Брестомъ, Овручемъ, Житоміромъ и всею старинною Кривскою областью (Бѣлоруссіею). Сознавая трудность удержанія за собой сдѣланныхъ завоеваній, онъ дѣйствовалъ чрезвычайно искусно: пользуясь верховной властью и достоинствомъ великаго князя, онъ не изгонялъ прирожденныхъ князей, уважалъ народные обычаи, нисколько не стѣснялъ православія,—хотя самъ былъ язычникомъ,—и дозволялъ новымъ подданнымъ зависѣть въ церковныхъ дѣлахъ отъ московскаго митрополита. Какъ этими мѣрами, такъ и защитой отъ ордынскихъ набѣговъ, онъ успѣлъ привлечь къ себѣ народную любовь и тѣмъ упрочилъ единство княжества.

Съ княженія Гедимина начинаются постоянныя отношенія Литвы съ московской Русью: Новгородцы избираютъ себѣ въ защитники сына Гедимина, Нарманта, князь тверской Александръ ищетъ защиты въ Литвѣ отъ московскаго гнета, сынъ московскаго князя женится на дочери Гедимина и т. п. Отношенія эти становятся все сильнѣе и тѣснѣе... преслѣдованіе одной и той же цѣли наконецъ поставило ихъ лицомъ къ лицу. Въ это время на русской территоріи явилось два центра: Москва и Вильна.

ГЛАВА IV.

Іоаннъ Даниловичъ. Его отношенія къ церкви, къ ордѣ и русскимъ князьямъ.

Іоаннъ Данловичъ, четвертый сынъ Даніила Московскаго, младшаго сына Александра Невскаго, шолъ неуклонно дорогой отца и дѣда. Если онъ не выказалъ блестящихъ воинскихъ дарованій дѣда, то нельзя отказать ему въ способностяхъ дальновидныхъ политическихъ соображеній. Слѣдуя указанію Невскаго на единственный способъ освобожденія

изъ подъ ига орды—способъ возвышенія единоличной власти великаго князя и лишенія самостоятельности второстепенныхъ князей, онъ достигалъ предположенной цѣли мирно, незамѣтно, не раздражая безполезными спорами и не увлекаясь славой воинскихъ подвиговъ, обыкновенно тяжело ложащихся на народъ. Во все время его княженія не возникало ни одной разорительной войны. Ободранный то грабительствами, то налогами ордынцевъ, то княжескими усобицами, народъ отдохнулъ и сталъ набираться силъ. Для достиженія цѣли онъ пользовался двумя средствами, самыми могучими и дѣйствительными въ то время—самими монголами и вліяніемъ церкви. По личному характеру Іаннъ Даніловичъ былъ прежде всего хорошимъ, рачительнымъ хозяиномъ—скопидомомъ. Онъ понималъ необходимость и важность хозяйскаго глаза и личнаго наблюденія, недовѣрялъ случайности и не любилъ рискованности,

Никто изъ нашихъ великихъ князей не бывалъ такъ часто въ ордѣ, какъ Іоаннъ Даніловичъ и никто не старался быть ей столько угодливымъ. Первыя поѣздки его относятся къ тому времени (1320), когда, послѣ казни Михаила Ярославича, положеніе Юрія Даніловича дѣлалось въ ордѣ все болѣе и болѣе шаткимъ. Безъ всякаго сомнѣнія онъ своевременно замѣтилъ неблагопріятный оборотъ счастія брата и заранѣе старался проторить себѣ дальнѣйшій путь. А средствъ къ расчисткѣ этого пути, онъ, вѣроятно, имѣлъ не мало, такъ какъ ни Юрій Даниловичъ, весь поглощенный спорами и безпрерывными поѣздками то въ орду, то въ Новгородъ, то на Двину, ни Афанасій, занятый дѣлами Новгорода, ни Александръ и Борисъ, уѣхавшіе въ Тверь, не могли заниматься своими имуществами и сборомъ съ нихъ доходовъ. При своихъ поѣздкахъ къ хану, Іоаннъ Даніловичъ не щадилъ ни своего самолюбія, ни казны, но за то въ его княженіе орда почти совершенно не вмѣшивалась во внутреннія дѣла сѣверо-восточной Руси и не появлялось въ ея предѣлахъ ни одного ордынскаго грабителя-вельможи. „Сѣде князь Иванъ Даниловичъ, говоритъ Никон. Лѣтопись (III. 142. П. С. Р. Л. IV. 51), на великомъ княженіи и бысть тишина велика кресть-

ярлыкъ по всей русской землѣ на 40 лѣтъ, и престаша Татарове воевати русскую землю". Состоя у хана единственнымъ представителемъ Руси, онъ этимъ сплачивалъ свое отечество въ одно цѣлое. Затѣмъ, въ преслѣдованіи этой послѣдней цѣли, онъ съумѣлъ и успѣлъ найдти себѣ надежнаго союзника въ церкви. Сознавая важность все болѣе и болѣе усиливающагося вліянія церкви, а можетъ быть и по собственному религіозному чувству, онъ успѣлъ убѣдить митрополита Петра перенести въ 1325 году митрополію изъ Владиміра въ Москву.

Личность митрополита Петра имѣетъ огромное историческое значеніе. Хотя, по недостатку положительныхъ лѣтописныхъ указаній, трудно опредѣлить всю сущность вліянія этого святителя на политическія событія того времени и выяснить всѣ подробности его отношеній къ Калитѣ, но тѣмъ не менѣе нельзя не признать существованія этихъ отношеній и неизбѣжнаго вліянія въ виду положенія современной церкви и развитаго ума митрополита. Въ ряду русскихъ іерарховъ этотъ московскій святитель, просвѣщенный сподвижникъ и руководитель Калиты, занимаетъ самое видное мѣсто. Соединяя съ живительнымъ духомъ христіанской религіи вѣрный политическій тактъ, онъ много содѣйствовалъ къ развитію духовнаго просвѣщенія, къ правильному установленію отношеній церкви къ обществу и, главное, къ упроченію преобладающаго вліянія Москвы.

Митрополитъ Петръ родился въ Волынской землѣ [1]) и съ отроческихъ лѣтъ предался изученію церковной литературы. Двѣнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ монастырь; единственный въ то время проводникъ образованія, — и всѣмъ существомъ проникнулся высокимъ ученіемъ Христа. Черезъ нѣсколько лѣтъ, уже по посвященіи въ священники, онъ удалился изъ монастыря въ пустыню, близъ рѣки Раты, гдѣ впослѣдствіи образовался извѣстный Ратьскій монастырь. Высокія нравственныя достоинства молодаго инока привлекли къ нему глубокое уваженіе всѣхъ отъ княжескаго стола до очага поселянина. Поэтому то, по смерти митрополита Максима, по

[1]) Степен. кн. I. 410.

пастоянію галицкаго князя, съ письмомъ отъ послѣдняго къ константинопольскому патріарху Афонасію, Петръ отправился въ Царьградъ, гдѣ и посвященъ былъ въ санъ Русскаго митрополита. Прибывъ во Владиміръ, столицу митрополіи, новый святитель съ неутомимою дѣятельностью принялся за исполненіе своихъ обязанностей. Къ сожалѣнію, въ то время раздоры волновали наше церковное вѣдомство, раздѣлявшее мірскіе, интересы и неспособное возвыситься до уровня своего назначенія. Противъ новаго митрополита образовалась партія, во главѣ которой сталъ *епископъ тверской*. Посыпались клеветы и обвиненія, послужившія поводомъ къ созванію собора въ Переславлѣ, на которомъ положительно обнаружилась невинность Петра.

Взглядъ митрополита на обязанности духовенства весьма рельефно высказанъ имъ въ его высоко-поучительномъ, краснорѣчивомъ окружномъ посланіи къ игуменамъ, священникамъ и діаконамъ: „помните дѣти, писалъ онъ, въ какое достоинство вы призваны Богомъ. Вы называетесь стражами церкви, пастырями словесныхъ овецъ, за которыхъ Христосъ пролилъ свою спасительную кровь. Будьте же истинными пастырями, а не наемниками... Будьте, дѣти, образцомъ для своего стада по слову Спасителя, говорившаго своимъ апостоламъ: вы свѣтъ міра, вы соль земли. Такъ да просвѣтится свѣтъ вашъ передъ людьми, чтобы они, видя ваши добрыя дѣла, прославили отца вашего, который на небесахъ. Прежде всего вамъ должно просвѣтиться сими добродѣтелями: кротостію и смиреніемъ; также блюстись отъ всѣхъ дѣлъ непристойныхъ, которыми міръ соблазняется. Оградившись страхомъ Божіемъ, отсѣките отъ сердецъ вашихъ всякую страсть, пагубную для души: гнѣвъ, ярость, зависть, ненависть, пьянство, которое есть корень всякому злу и смѣхотворство. Будьте, дѣти, въ домѣ Божіемъ, какъ маслина плодовитая и приносите плоды духовные-святость. *Упражняйтесь въ чтеніи священныхъ книгъ и въ ученіи день и ночь.* Нужно, чтобы дѣла ваши соотвѣтствовали имени вашего священства: вѣра безъ дѣлъ мертва есть. Облекитесь какъ избранные Божіи въ оружіе свѣта....

Бога ради старайтесь всѣми силами проводить жизнь въ страхѣ Божіемъ, чтобы упасти себя и стадо свое". Въ заключеніи святитель проситъ молитвъ о себѣ: „прошу васъ помолитесь о моемъ недостоинствѣ, по словамъ писанія: молитесь другъ за друга, яко да исцѣлѣете".

Подобное краснорѣчіе могло вылиться только изъ души, прочувствовавшей высказанныя истины въ самой себѣ, только въ глубокомъ сознаніи своего нравственнаго назначенія и въ полномъ отреченіи всякихъ мірскихъ выгодъ и интересовъ. Естественно, что при такомъ руководителѣ, при такомъ направленіи, наше духовенство не могло идти путемъ духовенства западнаго и если не отрѣшалось отъ земныхъ благъ, то тѣмъ не менѣе не только не стремилось къ пріобрѣтенію политической власти, но даже постоянно служило прочнымъ орудіемъ верховной, свѣтской власти, самымъ твердымъ ея оплотомъ.

Доказательствомъ того, какимъ глубокимъ уваженіемъ пользовался митрополитъ Петръ отъ современниковъ не только православныхъ, но даже отъ язычниковъ, служитъ данная Узбекомъ русскому духовенству, льготная грамота, въ которой находится значительное прибавленіе противъ грамоты хана Менгу-Тимура (1270) относительно правъ духовенства на церковный судъ. «Да никто, говорится въ ярлыкѣ, не обидитъ въ Руси церковь соборную, Петра митрополита и людей его, архимандритовъ, игуменовъ, поповъ и проч. Ихъ грады, волости, села, земли, ловли, борти, луга, лѣса, винограды, сады, мельницы, хуторы, свободны отъ всякой дани и пошлины: ибо все то есть божіе, ибо сіи люди молитвою своею блюдутъ насъ и наше воинство укрѣпляютъ. Да будутъ они подсудны единому митрополиту, согласно съ древнимъ закономъ ихъ и грамотами прежнихъ царей ордынскихъ. Да пребываетъ митрополитъ въ тихомъ и кроткомъ житіи; да правымъ сердцемъ и безъ печали молитъ Бога за насъ и дѣтей нашихъ. Кто возметъ что нибудь у духовныхъ, заплатитъ втрое, кто дерзнетъ порицать вѣру русскую, кто обидитъ церковь, монастырь, часовню—да умретъ и проч. Конечно, эта грамота не устано-

вила новыхъ гражданскихъ отношеній [1]) церкви, но она утвердила на всегда ея высокое положеніе.

Близкія, хорошія отношенія связывали Іоанна Даниловича съ великимъ святителемъ. Часто видѣлись и бесѣдовали между собою великій князь и митрополитъ еще въ то время, когда послѣдній находился во Владимірѣ, и безъ всякаго сомнѣнія бесѣда не разъ касалась общественныхъ современныхъ интересовъ. Невозможно одними дружескими отношеніями или пріятнымъ мѣстоположеніемъ московскихъ окрестностей объяснить такое многовліятельное событіе, каково было перенесеніе митрополіи въ Москву и совершенное такимъ проницательнымъ человѣкомъ, каковъ былъ митрополитъ Петръ. Безъ всякаго сомнѣнія, святитель находилъ Москву обладающею всѣми условіями для дальнѣйшаго развитія, способнаго стать впослѣдствіи средоточіемъ русской жизни. Самое перенесеніе составляло немаловажный шагъ въ исторіи ея развитія. Дѣлаясь главою церкви, Москва становилась государственною столицею всѣхъ русскихъ княжествъ. Такъ смотрѣлъ на это и самъ святитель, какъ это можно видѣть изъ пророчества его, переданнаго митрополитомъ Кипріяномъ въ описаніи жизни св. Петра: „если ты, говорилъ св. митрополитъ Петръ великому князю, успокоишь мою старость и воздвигнешь здѣсь храмъ, достойный Богоматери, то будешь славнѣе всѣхъ иныхъ князей и *родъ твой возвеличится*; кости мои останутся въ семъ градѣ; святители захотятъ обитать въ немъ, *руки его взыдутъ на плещи враговъ нашихъ* [2]). Особенно замѣчательно въ приведенномъ выраженіи указаніе на общность интересовъ церкви и государства, на общихъ ихъ враговъ. Исполняя желаніе митрополита, Іоаннъ Даниловичъ заложилъ 4-го августа 1326 года каменную церковь Успенія Богородицы, въ стѣнѣ которой святитель устроилъ себѣ вѣчное жилище. Но великій іерархъ не дождался окончанія храма, скончавшись 20 декабря 1326 г., съ благословеніемъ своему московскому другу и съ мольбою при послѣднемъ вздохѣ за Русь. Храмъ освященъ уже въ 1327 г. ростовскимъ епископомъ Прохоромъ.

---

[1]) П. С. Г. Г. и Д. т. II. № 7.

[2]) Степен: Книг. I 419. Никон. Лѣт: III. 135.

Говоря о построеніи церквей кстати замѣтить, что самою древнею церковью въ Москвѣ, кажется, должно считать соборъ Спаса Преображенія на бору, находящійся на нынѣшнемъ царскомъ дворѣ, также какъ и въ древности. По преданію, въ половинѣ XII вѣка на мѣстѣ этого собора существовала въ дремучемъ лѣсу хижина отшельника Вукола, а впослѣдствіи построена деревянная церковь съ мужскимъ монастыремъ, куда сначала и привезено было тѣло Михаила Ярославича. Въ 1330 году Іоанномъ Даниловичемъ вмѣсто деревянной церкви построена каменная, затѣмъ уже въ 1333 году построенъ имъ же Архангельскій соборъ.

Положеніе, данное московской церкви св. Петромъ, не измѣнилось и при преемникѣ его грекѣ митрополитѣ Ѳеогностѣ, прибывшемъ изъ Царьграда въ Москву въ 1328 году и поселившемся на митрополичьемъ дворѣ. Да и немогло измѣниться это направленіе: въ это время началась дѣятельность нашихъ великихъ духовныхъ іерарховъ, св. митрополита Алексѣя, знаменитаго крестника Калиты и св. Сергія Радонежскаго.

Заручившись благоволеніемъ хана и надежной поддержкой церкви, московскій князь могъ дѣйствительно назваться великимъ княземъ всея Руси. Но при всемъ томъ положеніе политическихъ дѣлъ требовало крайней осторожности. Повидимому, судьба Твери вполнѣ стала зависѣть отъ воли великаго князя московскаго, казалось, настала возможность присоединить ее къ московскимъ владѣніямъ, но въ дѣйствительности подобная попытка была бы чрезвычайно рискованной. Практическій умъ Іоанна Даниловича не могъ не предвидѣть тѣхъ опастностей, которыя неминуемо возникли бы при первомъ шагѣ къ присоединенію. Ослабленная катастрофой, Тверь все еще была сильна и духомъ жителей и слишкомъ еще свѣжимъ преданіемъ и потому всякая попытка на уничтоженіе ея самостоятельности не могла не вызывать серьезнаго противодѣйствія какъ со стороны ея населенія, такъ и со стороны другихъ князей.

При оставленіи же самостоятельности княжества, естественно возникъ вопросъ о назначеніи князя тверскаго. По положенію обстоятельствъ, разрѣшеніе этого вопроса весьма много зависѣло отъ московскаго князя, который былъ, de facto, сильнѣе всѣхъ и который при томъ по связямъ своимъ имѣлъ сильную поддержку въ ордѣ, гдѣ недавняя ревность, оказанная имъ при усмиреніи Твери, давала ему нѣкоторое право на уваженіе къ его голосу. Дальновидный умъ московскаго князя рѣшилъ вопросъ въ пользу князей тверскаго дома. Нельзя не отдать справедливости глубокой обдуманности и основательности этого рѣшенія. Тверской домъ сдѣлался для Москвы не страшенъ, да и немогъ быть опаснымъ по своимъ наслѣдственнымъ качествамъ. Борьба между Тверью и Москвою рѣшилась навсегда въ пользу послѣдней и новаго домогательства безъ посторонней, внѣшней поддержки ожидать было трудно. Съ другой стороны, становясь обязаннымъ Москвѣ, дѣти честнаго Михаила Ярославича должны были видѣть въ Москвѣ свою покровительницу, подводить свои интересы къ ея интересамъ и такимъ образомъ укоренившаяся было вражда между этими княжескими столами должна была постепенно сглаживаться и уступать мѣсто новой дорогѣ будущаго сліянія. Что подобные выводы вѣрны и не могутъ быть только измышленіями изъ предвзятой идеи современнаго историка — это доказывается всѣми послѣдующими дѣйствіями московской политики.

Изъ четырехъ сыновей Михаила Ярославича, старшій—Дмитрій Грозный Очи, казненъ въ ордѣ, второй, Александръ лишился княженія вслѣдствіе избіенія татаръ въ Успеньевъ день,— затѣмъ оставались Константинъ и Василій. Въ лѣтописяхъ сохранилось извѣстіе, что тотчасъ же по вступленіи на великокняжескій столъ, князь Іоаннъ Даниловичъ, въ сопровожденіи новгородскихъ представителей, Федора Колесницы и Константина Михайловича отправился въ орду, гдѣ и было испрошено Константину Михайловичу княжество тверское [1]). По утвержденіи Константина, Узбекъ потребовалъ отъ великаго князя выдачи ему виновнаго Александра Михайловича. Великій

[1]) Никол. Лѣт. Ш. 141.

князь повиновался, но опять таки повиновался посвоему, сообразно со своими видами. Великому князю не было расчета въ конецъ губить Александра Михайловича,—тотъ не былъ ему опасенъ, напротивъ, даже при случаѣ могъ служить хорошимъ противовѣсомъ существующей княжеской власти въ Твери. Поэтому, воротившись въ отечество, великій князь ограничился только отправкой къ Александру Михайловичу въ Псковъ, куда тотъ убѣжалъ во время опустошенія тверскихъ владѣній, отъ себя и отъ Новгорода архіепископа Моисея и тысцкаго Авраама (а по другимъ извѣстіямъ московскаго боярина Луку Протасьева) съ приглашеніемъ немедленно явиться къ хану. Но Александръ Михайловичъ, поддерживаемый псковитянами, отказался исполнить требованіе. Тогда Іоаннъ Даниловичъ, въ сопровожденіи митрополита Ѳеогноста, князя Суздальскаго, Александра Васильевича, братьевъ Александра, Константина тверскаго и Василія и другихъ князей, двинулся, изъ Новгорода къ Пскову съ войскомъ, но шелъ медленно, видимо избѣгая напраснаго кровопролитія и давая достаточно времени одуматься. Когда же эта внушительная угроза не подѣйствовала, то вмѣсто битвъ и осады великій князь прибѣгнулъ къ совершенно новому способу, заставилъ митрополита Ѳеогноста положить проклятіе на ослушниковъ на князя Александра и всѣхъ псковитянъ. Мѣра оказалась дѣйствительной: Александръ убѣжалъ въ Литву къ Гедимину, митрополитъ снялъ проклятіе, а великій князь воротился, считая данное порученіе оконченнымъ [1]).

Черезъ 18 мѣсяцевъ Александръ Михайловичъ, вѣроятно, по приглашенію псковитянъ, снова явился въ Псковѣ уже въ достоинствѣ псковскаго князя. Въ то время псковитяня желали имѣть своего особаго князя. До сихъ поръ Псковъ, какъ пригородъ Новгорода, зависѣлъ отъ послѣдняго, получалъ отъ него посадниковъ и не имѣлъ особаго архипастыря. Между тѣмъ такая духовная и гражданская зависимость не могла не казаться тягостной для Пскова, достигшаго значительной степени развитія. Кромѣ того, положеніе его, какъ порубежнаго города,

---

[1]) П. С. Р. Л. IV. 4. Нов. 51. 1-я Псков. 185.

постоянно угражаемаго неожиданными нападеніями, требовало постояннаго присутствія власти главнаго воначальника. Съ цѣлью добиться самостоятельности, псковитяне выбрали себѣ княземъ любимаго ими Александра Михайловича и, воспользовавшись вакантной архіепископской кафедрой въ Новгородѣ, по случаю пострижения въ схиму Моисея, въ 1330 году, одновременно выбрали себѣ особаго епископа Арсенія, котораго и послали ставиться къ митрополиту [1]). Послѣдній, однакожъ, не уважилъ ихъ ходатайства, а посвятилъ архіепископомъ новгородскимъ, слѣдовательно и псковскимъ, избраннаго одними новгородцами, Василія, бывшаго священника Григорія Калѣку.

Не сохранилось свѣдѣнія, какъ отнесся великій князь къ своевольному избранію Псковомъ себѣ князя. Но такъ какъ со стороны Іоанна Даниловича не было заявлено никакой протестаціи, о чемъ, въ противномъ случаѣ, лѣтописцы не преминули бы сказать, то можно заключить, что онъ оставался къ псковскимъ событіямъ совершенно равнодушнымъ. Да оно и понятно. Отдѣленіе Пскова ослабляло Новгородъ, а ослабленіе послѣдняго совпадало совершенно съ видами московскаго князя. При ослабленіи Новгородъ имѣлъ болѣе нужды въ покровительствѣ и защитѣ князя, а слѣдовательно и тароватѣе былъ при выдачѣ ему субсидій, такъ необходимыхъ для поддержанія милостей хана.

Каждое княжеское путешествіе въ орду обходилось весьма дорого съ выходами или данью и подарками всѣмъ приближеннымъ хана, а князь Іоаннъ Даниловичъ бывалъ въ ордѣ весьма часто (въ 1328, 1331, 1333, 1336 и 1338 и проживалъ тамъ по нѣсколько мѣсяцевъ). Какъ разсчетливый хозяинъ, не желая раззорять *своихъ людей*, онъ, по необходимости, долженъ былъ особенно налегать на богатую область. Порой новгородцы отказывали князю, но каждый разъ все-таки платились—если не добровольно, то реквизиціей. Такъ въ 1332 году, по возвращеніи изъ орды, куда великій князь ѣздилъ вмѣстѣ съ Константиномъ Михайловичемъ Тверскимъ

---

[1]) Новг. л. 6839 г.

первый потребовалъ отъ Новгорода *закамскаго серебра*; а получивъ отказъ, въ сопровожденіи князей низовскихъ и рязанскихъ, занялъ Торжокъ, вызвалъ своихъ намѣстниковъ изъ Новгорода и сталъ опустошать новгородскія волости. Въ этомъ положеніи новгородцы пытались умплостивить князя, но напрасно послы его, архимандритъ Лаврентій, Твердиславъ и Варфоломеевъ молили о милости „свободы ся отступилъ по крестному цѣлованію и миръ взялъ“, напрасны были также старанія самого архіепископа Василія и даже предложенія 500 руб., великій князь оставался недовольнымъ и вѣроятно достигнулъ бы большаго результата, еслибы въ это время не принужденъ былъ снова ѣхать въ орду по зову ханскаго посла Саранчака (1333 г.) [1]).

Прибывъ изъ орды въ слѣдующемъ 1334 году, великій князь неизвѣстно на какихъ условіяхъ помирился съ Новгородомъ чрезъ посредство митрополита Ѳеогноста и даже лично посѣтилъ вольный городъ. Мало того, въ 1335 году онъ съ особенной лаской угощалъ новгородскихъ пословъ у себя въ Москвѣ, обѣщалъ имъ изгнать навсегда изъ Руси князя Александра Михайловича и возвратить Новгороду его прежній пригородъ Псковъ. Но отъ обѣщанія до дѣла далеко. Не въ расчетахъ князя мисковскаго было заботиться объ усиленіи Новгорода и обѣщаніе оставалось безъ исполненія,—по крайней мѣрѣ въ лѣтописяхъ нѣтъ на это никакихъ указаній. Даже, напротивъ, вымогательная политика князя нисколько не измѣнилась. Такъ въ прямое нарушеніе клятвеннаго договора, онъ отправлялъ вооруженную рать на Двину, на волокъ, или для перехвата новгородской сибирской казны, или съ цѣлію изслѣдовать торговый путь для торговыхъ людей своего княжества. Однако экспедиція потерпѣла полную неудачу и отъ незнакомыхъ утомительныхъ переходовъ и отъ противодѣйствія новгородскихъ ватагъ [2]).

Съ своей стороны и политика Новгорода также оставалась вѣрной себѣ, т. е. своимъ интересамъ. Во время борьбы Тве-

---

[1]) П. С. Р. Л. III. 77.

[2]) Новг. л. 6845 г.

ри съ Москвой, Новгородъ постоянно дѣятельно поддерживалъ послѣднюю, какъ для себя болѣе безопаснаго и болѣе отдаленнаго врага, но теперь, съ паденіемъ Твери, Москва стала ближе и едва ли не болѣе опасной. Болѣе опасной уже и потому, что Москва, не какъ Тверь, представляла плотное единое цѣлое, съ разумной единой волей, неувлекающейся идеальными рыцарскими побужденіями. Поэтому и необходимо было искать себѣ гдѣ нибудь поддержки, выставить Москвѣ соперника вѣскаго. А такъ какъ соперника въ средѣ русскихъ княжествъ неоказывалось, то, естественно, Новгородъ долженъ былъ обратиться къ Литвѣ, стремящейся къ одинаковой цѣли съ Москвою. Онъ такъ и поступилъ. Еще въ октябрѣ 1333 года, сынъ великаго князя литовскаго Гедимина, Нариманть, по крещеніи Глѣбъ, предложилъ Новгороду свои услуги, вслѣдствіе чего Новгородъ отдалъ ему пограничныя области Ладогу, Орѣховъ, Кексгольмъ, Корелу и половину Капорья въ отчину и дѣдину [1]). Іоаннъ Даниловичъ не протестовалъ противъ этого, по замѣчательно, что въ этомъ же году совершился бракъ сына Іоанна Даниловича Симеона съ дочерью Гедимина Августой, по крещеніи Настасьей. Равнодушіе великаго князя московскаго къ своевольному поступку Новгорода, кажется, легко объясняется созваніемъ своей безопасности съ этой стороны. Литва въ это время была языческой, слѣдовательно не могла пользоваться народной симпатіей Руси, да притомъ же поддержка хана давала ему рѣшительную силу.

Также спокойно смотрѣлъ великій князь и на попытку Новгорода сблизитьвя съ Псковомъ. Хотя эта попытка и казалась спачала удачной, такъ какъ новгородцы помирились съ княземъ Александромъ Михайловичемъ и даже архіепископъ Василій съ клиросомъ былъ въ Псковѣ и крестилъ сына у князя, но едва ли не въ слѣдующемъ же году того же архіепископа въ Псковѣ встрѣтили уже холодно, не дали обыкновенной судной пошлины — десятой части всѣхъ судебныхъ, казенныхъ доходовъ и даже не обратили особеннаго вниманія

---

[1]) Никон. III 160.

на объявленное на нихъ пастыремъ проклятіе. Интересы стараго города и пригорода, стремленіемъ къ господству перваго и желаніемъ высвободиться втораго, были до такой степени противуположны, что не допускали никакого значенія и прочности подобнымъ попыткамъ.

И дѣйствительно, московскій князь имѣлъ полное основаніе не обращать вниманія на подобныя интриги; онъ чувствовалъ себя великимъ княземъ по силѣ и могъ предвидѣть въ будущемъ еще большее развитіе неограниченной власти. Политика, начатая геніемъ Невскаго, развитая даровитымъ отцомъ его Даніиломъ и братомъ Юріемъ, привела къ прочнымъ послѣдствіямъ. Подтвержденіе этой мысли можно видѣть въ самовластныхъ распоряженіяхъ самого Іоанна Даниловича при всей его крайней осторожности.

Строго говоря, Іоаннъ Даниловичъ, по понятіямъ существовавшаго родоваго старѣйшинства, не имѣлъ права на великое княженіе, такъ какъ болѣе его имѣлъ правъ Александръ Васильевичъ суздальскій—старшій сынъ внука Ярослава. Есть даже извѣстіе въ лѣтописяхъ, будто ханъ Узбекъ раздѣлилъ великое княженіе между Іоанномъ московскимъ и Александромъ суздальскимъ [1]), назначивъ первому Новгородъ и Кострому, а второму Владиміръ и поволжье. Въ какой степени справедливо это извѣстіе, положительно сказать невозможно, хотя извѣстно, что Іоаннъ Даниловичъ считался единымъ великимъ княземъ, что Александръ суздальскій нетолько уступалъ ему первенство, но даже поддерживалъ его, постоянно присоединяя къ войскамъ великаго князя свои собственныя и, хотя извѣстно въ тоже время, что Александръ Васильевичъ безспорно обладалъ стольнымъ городомъ Владиміромъ и даже на одно время перевозилъ владимірскій вѣчевой колоколъ св. Богородицы къ себѣ въ Суздаль.

По смерти же Александра Васильевича (1333 г.), умершаго бездѣтнымъ, московскій князь сталъ распоряжаться совершенно самопроизвольно, не далъ меньшему брату умершаго Константину Васильевичу, женатому на дочери (своему

---

[1]) Карамз. примѣч. 302. къ IV т.

зятю), какъ бы слѣдовало по родовымъ понятіямъ, Владиміра, а посадилъ въ Ростовъ воеводами своего московскаго боярина Василія Кочеву и нѣкоего Миняя, которые распоряжались тамъ, какъ въ исконной отчинѣ [1]). Лѣтописецъ описываетъ отношенія Ростова къ Москвѣ весьма характеристично: «Увы, увы, тогда граду Ростову, паче же и княземъ ихъ, яко отъяся отъ нихъ власть и имѣніе и честь и слава; и потягнуша къ Москвѣ». Далѣе объ образѣ дѣйствій московскихъ уполномоченныхъ (Кочевы и Миняя) лѣтописецъ говоритъ: «едва внидоша во градъ Ростовъ, тогда возложиша велику нужу на градъ и на вся живущая въ немъ, и не мало отъ ростовецъ москвичемъ имѣнія своя съ нужею отдаваху, а сами противу того раны на тѣлеси своемъ съ укоризною взимающе... Только дерзновенія надъ Ростовомъ содѣяша, яко и Епарха градскаго, старѣйшаго боярина, именемъ Аверкія, стремглавъ обѣсиша и возложиша на ня руцѣ свои, и оставиша поругана точію жива». Нельзя не видѣть въ этомъ краснорѣчивомъ описаніи лѣтописца увлеченія, подъ вліяніемъ оскорбленной гордости. Трудно представить, чтобъ осторожный Іоаннъ Даниловичъ могъ послать уполномоченными людей, способныхъ такъ безпощадно грабить; да и воспоминаніе недавней самостоятельности было еще слишкомъ живо, чтобъ не опасаться открытаго возстанія. Но тѣмъ не менѣе фактъ самопроизвольнаго распоряженія московскаго князя остается неоспоримымъ.

Отношенія Москвы къ Рязани оставались прежнія: еще при предшественникѣ Іоанна Даниловича, Юрьѣ Даниловичѣ, послѣдняя значительно ограничилась въ своей самостоятельности. Ярославское княжество точно также выдерживало рѣшительное и тягостное вліяніе Москвы, что можно видѣть изъ того, что князь Василій Ярославичъ, не смотря на то, что былъ женатъ на дочери Калиты не приминулъ стать на сторону его враговъ, какъ только представилась къ тому возможность. Изъ остальныхъ княжествъ—опаснымъ не выдавалось; они были малосильны и за потерей независимости ста-

[1]) Никон. Л. IV. 204. Повѣсть о св. Сергіи.

рѣйшими городами, могли пользоваться своей самостоятельностью, какъ милость.

Съ этихъ поръ княжескія отношенія сѣверо-восточной Руси почти уже не представляли собою прежняго федеративнаго устройства.

ГЛАВА V.

Іоаннъ Даниловичъ. — Его смерть. — Состояніе московскаго княжества.

Москва стала въ главѣ русской семьи, но не прежней главой до монгольскаго ига, какой былъ Кіевъ, главой безурядной и порывистой, но сдержанной, ровной, умѣвшей выжидать и пользоваться обстоятельствами. Князь Іоаннъ Даниловичъ умѣлъ ревниво охранять интересы Москвы, какъ интересы свои собственные и понимая, что ея интересы есть единственно вѣрное орудіе свободы и будущаго развитія. Скоро представился случай тяжкаго испытанія и онъ съумѣлъ восторжествовать безъ риска, не подводя свой народъ къ тяжкимъ жертвамъ.

Бѣжавшій изъ Твери отъ татарскаго погрома князь Александръ Михайловичъ, при поддержкѣ Гедимина, успѣлъ утвердиться въ Псковѣ въ достоинствѣ князя. Народъ псковскій полюбилъ его, какъ вообще любили въ Твери и его и весь симпатичный родъ Михаила Ярославича, отличившійся добродушіемъ и привѣтливостью. Но самъ князь Александръ не считалъ своего положенія прочнымъ; онъ понималъ, что Новгородъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ отдѣленію своего пригорода и что рано или поздно, при всякомъ удобномъ случаѣ, онъ снова подчинитъ Псковъ и что тогда ему придется быть скитальцемъ по русской землѣ. Это убѣжденіе, а можетъ быть и воспоминаніе о дорогомъ отечествѣ, гдѣ княжилъ его братъ Константинъ Михайловичъ, заставило его снова искать себѣ долю въ родномъ краю. На содѣйствіе великаго князя московскаго конечно онъ не могъ разсчитывать,

кровавыя тѣни слишкомъ близкихъ, родныхъ лицъ стояли между нимъ и москвичемъ,—завоевать открытой силой прежнее достояніе не было возможности, а потому и оставалось только одно средство: дѣйствовать черезъ хана. Онъ такъ и сдѣлалъ. Но предварительно окончательнаго шага онъ рѣшился послать въ орду на развѣдки своего сына Федора. Въ 1336 году Федоръ воротился изъ орды съ позывомъ къ отцу отъ хана. Вѣроятно вѣсти, привезенныя сыномъ, не были безнадежными, по крайней мѣрѣ они заставили рѣшиться ѣхать лично къ хану съ повинной. Лѣтописецъ передаетъ намъ рѣчь Александра къ Узбеку: «господине великій царю! аще много зла сотворихъ ти, но пріидохъ къ тебѣ или смерть, или животъ отъ тебе пріяти, како тебѣ Богъ навѣстить: на все есмь готовъ. Аще по своему царскому величеству даси ми животъ, благодарю Бога и твою милость. Аще ли смерти предаси мя, достоинъ есмь смерти и се глава моя предъ тобою есть». Униженная ли рѣчь Александра, или привезенныя имъ подарки подѣйствовали благопріятно на хана, извѣстно только, что князь Александръ Михайловичъ воротился на Русь съ послами ханскими Кандыкомъ и Авдуломъ въ достоинствѣ князя тверскаго [1]).

Назначеніе Александра Михайловича княземъ тверскимъ ставило великаго князя московскаго въ весьма затруднительное положеніе. Оно снова поднимало старый вопросъ о старшинствѣ, вопросъ о старомъ и новомъ порядкѣ, о федераціи и единачаліи. Не могъ забыть этихъ вопросовъ Александръ Михайловичъ, въ глазахъ котораго пали невинными, по его убѣжденіямъ, жертвами его любимый отецъ и братъ; онъ выросъ и созрѣлъ въ понятіяхъ права родства. Сдѣлавшись снова княземъ и именно въ той области, гдѣ онъ прежде былъ *великимъ княземъ*, онъ долженъ былъ продолжать старые счеты не безъ нѣкоторыхъ шансовъ на успѣхъ. Тверское княжество во время его отсутствія, благодаря заботливости Константина Михайловича, успѣло отдохнуть, окрѣпнуть и собраться людьми [2]); число князей недовольныхъ московскимъ поряд-

[1]) Троицк. Лѣт. 6846 г.
[2]) Никон. Л. IV. 167.

комъ и готовыхъ поддержать тверскаго князя, какъ представителя любимой имъ старины, было вѣроятно немалое. Въ числѣ недовольныхъ, даже открыто взявшихъ сторону Твери, находился, напримѣръ, зять Калиты Василій Давыдовичъ Ярославскій. И безъ всякаго сомнѣнія это число еще болѣе увеличилось бы, если бы перевѣсъ сколько нибудь склонился на сторону Твери. Но разумно воспользоваться всѣми этими благопріятными обстоятельствами не въ состояніи была хотя и симпатичная, но опрометчивая природа дѣтей Михаила Ярославича. Мало того, что князь Александръ не воспользовался ими, онъ даже самъ передалъ врагу своему одно изъ могущественныхъ орудій противъ себя. Вмѣсто того, чтобы, по возвращеніи въ Тверь, сплотить около себя, закрѣпить за собою интересы вліятельнаго класса народа, онъ, наоборотъ, успѣлъ возбудить его противъ себя. Привезя съ собою въ Тверь изъ Пскова прежнихъ любимыхъ сотрудниковъ своихъ и оказывая имъ явное предпочтеніе, онъ возстановилъ мѣстныхъ тверскихъ бояръ и заставилъ ихъ переѣзжать въ Москву. На одного изъ такихъ псковскихъ любимцевъ наши источники указываютъ на нѣкоего нѣмца Доля, уроженца Вдова (Виндау), по крещеніи Василія, сдѣлавшагося въ Твери при Александрѣ знатнымъ боярином[1]).

Переѣхавшіе въ Москву недовольные бояре, конечно, не замедлили передать московскому князю все, что знали о замыслахъ Александра, а знать они могли все, такъ какъ у князя Александра, какъ у покойныхъ его отца и брата, душа была нараспашку. Да и кромѣ нихъ Іоаннъ Даніловичъ могъ получить полныя свѣдѣнія чрезъ своихъ расторопныхъ слугъ въ Литвѣ, по непосредственнымъ родственнымъ сношеніямъ съ домомъ Гедимина. Заручившись такимъ образомъ достаточнымъ обвиненіемъ противъ соперника, онъ воспользовался имъ сообразно съ своей разсчетливостью, не объявилъ рискованной для себя войны, а передалъ это обвиненіе хану. Обвиненія заключались въ подтвержденіи прежнихъ замысловъ тверичей, съ помощью Литвы понизивъ Москву, стать самимъ во главѣ

[1]) Родосл. кн. род. Левашовыхъ.

русскихъ княжествъ и свергнуть иго монгольское. Цѣль достойная благороднаго русскаго сердца, но не сбыточная по способу исполненія. Силы федеративныхъ княжествъ не только не были достаточно окрѣпшими для уничтоженія ига, но они сами гибли въ безпрерывныхъ столкновеніяхъ эгоистичныхъ притязаній. Въ примѣрахъ недостатка нѣтъ, они слишкомъ обильны и сами бросаются въ глаза: въ описываемую эпоху (1339 г.) козельскій князь Андрей, убитъ былъ своимъ братаничемъ Василіемъ Пантелеевичемъ, въ томъ же году рязанскій князь Іоаннъ Коротополъ, встрѣтивъ на дорогѣ родственника своего князя Александра пронскаго, ѣхавшаго въ орду съ данью, схватилъ его, ограбилъ и убилъ, той же зимой коромольницы брянцы „сшедшеся вѣчемъ убиша князя Глѣба Святославича". При такихъ порядкахъ только одни легковѣрные умы, къ какимъ нельзя не причислить князей тверскихъ, могли мечтать о дружномъ противодѣйствіи ордѣ.

Въ 1339 году, Іоаннъ Даниловичъ, вмѣстѣ съ своими двумя старшими сыновьями Симеономъ и Іоанномъ отправился въ орду къ хану Узбеку, около котораго онъ имѣлъ много доброхотовъ, подкупаемыхъ подарками и потому всегда готовыхъ проводить его мысли. Вѣроятно черезъ этихъ то доброхотовъ московскій князь передалъ Узбеку свѣдѣніе о замыслахъ князя Александра. Въ новгородской лѣтописи прямо указывается на участіе великаго князя Іоанна «*его же думою* прислаше татарове за Александромъ; въ Никоновской же лѣтописи говорится неопредѣленно: «царю Узбеку много клеветаша *нѣцыи* на князя Александра и уши царевы наполниша многіе горести [1])». Впрочемъ вопросъ о томъ, кто былъ непосредственнымъ обвинителемъ, дѣлается совершенно безразличнымъ, при знаніи истиннаго, хотя и сырытаго источника. Гораздо болѣе важенъ вопросъ о степени справедливости обвиненія Александра, о томъ, долженъ ли князь московскій назваться клеветникомъ, достигающимъ предположенной цѣли всѣми законными и незаконными средствами. Соображая внимательно существовавшія отношенія и характеры лицъ, нельзя не признать спра-

[1]) П. Р. С. Л. III. 79. Никон. III. 164.

ведливости обвиненія тверскаго князя. Близость сношеній князя Александра съ Литвой и со всѣми врагами московскаго дома не подлежитъ никакому сомнѣнію, а бывшая катастрофа Успеньева дня достаточно доказываетъ цѣль и характеръ этихъ сношеній. Въ глазахъ же Іоанна Даниловича князь Александръ казался человѣкомъ неспокойнымъ, возмутителемъ общественнаго порядка и безцѣльно губившимъ дѣло спасенія своего отечества. Если у людей, ближе стоявшихъ къ тому времени, болѣе подвергавшихся вліянію симпатичныхъ натуръ тверскихъ князей, не встрѣчается прямаго обвиненія въ черной клеветѣ, то тѣмъ болѣе не должно существовать такого обвиненія у потомства, совершенно безпристрастно относящагося къ значенію событій. Да и трудно видѣть чернаго клеветника въ близкомъ человѣкѣ и сподвижникѣ такого высоко-нравственнаго лица, какимъ былъ митрополитъ Петръ.

Вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній, ханъ Узбекъ отправилъ гонца Истречея, съ милостивымъ приглашеніемъ явиться въ орду, къ князю Александру, къ князю Василію Ярославичу и и другъ. Князь Александръ, подозрѣвая истину, что нѣкоторымъ образомъ тоже указываетъ на справедливость обвиненія, не рѣшился ѣхать самъ, а предварительно, для узнанія положенія дѣлъ, предпочелъ послать въ орду сына Федора и затѣмъ, только впослѣдствіи, по полученіи втораго приглашенія, рѣшился отправиться лично. Князя тверскаго сопровождали князь Романъ бѣлозерскій и князь Василій Давыдовичъ ярославскій [1]).

Неласковый пріемъ ожидалъ Александра Михайловича въ ордѣ. Хотя его и поддерживали сама царица и нѣкоторые изъ ордынскихъ вельможъ, но или обвиненіе было слишкомъ явно, или подкупное усердіе московскихъ доброхотовъ слишкомъ велико, только по истеченіи мѣсяца ожиданія состоялось повелѣніе хана казнить тверскаго князя, какъ измѣнника. Карамзинъ приписываетъ казнь Александра прямому и непосредственному внушенію князя московскаго. Такъ онъ говоритъ, что прибытіе сыновей Іоанновыхъ рѣшило дѣло Александра [2]). Это

[1]) ibid.

[2]) П. Г. Р. Карамз. т. IV стр. 237 изд. Смирд.

извѣстіе невѣрно. Іоаннъ съ сыновьями былъ въ ордѣ до прибытія туда Александра, а совершить другое путешествіе въ орду въ такое короткое время, по тогдашнему состоянію сообщеній, при сопровожденіи свиты и вершниковъ,—было положительно невозможно. 28 октября совершилась казнь князя Александра и сына его Федора съ тѣмъ же отвратительнымъ безчеловѣчіемъ, какимъ постоянно характеризуются казни того вѣка «и разопяша быша по съ ставомъ» [1]). Со смертью этого князя кончилась политическая передовая роль тверскаго княжества. Гибельный примѣръ Михаила Ярославича, сыновей его Дмитрія и Александра съ молодымъ сыномъ послѣдняго Федоромъ Александровичемъ, тяжко доказалъ силу московской политики и полную невозможность дальнѣйшей борьбы. Распоряженіемъ московскаго князя въ Москву перевезенъ былъ и соборный колоколъ Твери, въ чемъ нельзя не видѣть особенннаго значенія.

Изъ остальныхъ событій времени Іоанна Даниловича, остается упомянуть только объ отношеніяхъ Москвы къ Новгороду и о вооруженной демонстраціи къ Смоленску. Изъ предшествующаго изложенія видно было, что Новгородъ искалъ въ Литвѣ себѣ поддержки противъ корыстолюбивыхъ и властолюбивыхъ домогательствъ Москвы. Но расчеты оказались невѣрными. Несмотря на доброе согласіе съ княземъ литовскимъ, шайки литовскихъ бродягъ, въ 1335 году, грабили новгородскія области и опустошали предѣлы Торжка, въ отмѣстку за что московскіе полки разорили нѣсколько городовъ: Рясну, Осѣчекъ и дрг. Приглашенный князь Нариманъ, нетолько не оберегалъ свои порубежныя новгородскія области, но даже въ 1337 году, при нападеніи шведовъ, уѣхалъ въ Литву и вызвалъ изъ Орѣхова своего сына Александра. Такимъ образомъ Новгородъ, безъ всякой внѣшней поддержки, принужденъ былъ выносить давленіе Москвы. Впрочемъ это давленіе въ эту эпоху проявлялось единственно въ усиленномъ требованіи дани. Такъ по окончаніи войны Новгорода съ шведами, Іоаннъ Даниловичъ, недовольствуясь только что

---

[1]) Никон. III. 166.

полученной данью, потребовалъ другаго, ещс большаго выхода, подъ предлогомъ будто бы требованія хана. Новгородъ, ссылаясь на свои договорныя грамоты, по которымъ онъ былъ свободенъ отъ чрезвычайныхъ налоговъ, отказалъ, за что Іоаннъ объявилъ вольному городу свое неудовольствіе и вызвалъ оттуда своихъ намѣстниковъ. [1]) По дальнѣйшихъ послѣдствій для Новгорода не произошло за отвлеченіемъ вниманія князя на другой предметъ, а потомъ за воспослѣдовавшею смертью князя.

Другое событіе послѣдняго года княженія Іоанна Даниловича составляетъ смоленскій походъ. Въ 1340 году по приказанію хана Узбека двинулись къ Смоленску монгольскіе полки подъ начальствомъ Товлубея, а изъ русскихъ, рязанскіе съ княземъ Іоанномъ Коротополомъ и московскіе или великокняжескіе, въ рядахъ которыхъ находились князья: Суздальскій, Ростовскій, Юрьевскій, Друцкій, Фоминскій и друг. [2]) Наши лѣтописи не высказываютъ причины похода, но вѣроятно смоленскій князь, желая высвободиться изъ подъ орды, заключилъ союзъ съ Литвой, къ которой тянули и другія западныя русскія области и ясно выказалъ независимость отъ хана. Походъ не имѣлъ послѣдствій. Подойдя къ городу, союзныя силы не приступали къ осадѣ его и, простоявъ нѣсколько дней, воротились. Вѣроятно ордынскій воевода былъ удовлетворенъ или данью, или подарками, а русскіе князья лично отъ себя не имѣли повода продолжать войну. Въ описаніи этого похода замѣчательно выраженіе лѣтописца о томъ, что великій князь,ославъ свою рать отпустилъ... (имена князей) а съ ними воеводу Александра Ивановича и Осодора Акинфовича. Въ этомъ извѣстіи ясно пробиваются новыя воззрѣнія Москвы. Прежде князь былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первый дружинникъ и если не шолъ самъ начальствовать, то его мѣсто заступалъ князь старшій въ родѣ, тогда какъ теперь московскою ратью начальствуютъ мѣстные воеводы.

---

[1]) П. С. Р. Л. III. 79.
[2]) Никон. III. 171.

Смоленскій походъ былъ послѣднимъ распоряженіемъ великаго князя Іоанна Даніловича (Калиты) московскаго, умершаго 31-го марта 1341 г. отъ тяжкой болѣзни. Передъ кончиной онъ подъ вліяніемъ глубокаго религіознаго чувства и по обыкновенію, весьма распространенному въ то время въ княжескихъ семьяхъ, отрекся отъ міра и принялъ схиму.

Послѣ Калиты осталось 2 духовныхъ завѣщанія, изъ которыхъ 1-е составлено имъ еще въ 1328 году передъ поѣздкой въ орду. Изъ этихъ завѣщаній можно видѣть составъ тогдашняго московскаго княжества. Къ сожалѣнію въ нихъ не могли войдти всѣ тѣ прибавленія, которыя сдѣланы были имъ самимъ послѣ составленія завѣщаній, и эти прибавленія должны были быть довольно значительными, судя по хозяйственной дѣятельности князя. Извѣстно, напримѣръ, изъ завѣщанія Донскаго, что дѣдомъ его (Калитою) куплены были города: Угличъ, Бѣлозерскъ, Галичъ, Сурожикъ, Мушкину гору, Радонежьское, Бѣли, Воря, Черноголовль, на Ворп свободна Сафроновская, Вохла, Дѣйково Раменье, Даніящова свободна, Матевъ, Селка, Гуслица, Раменье, а села: Михайловское, село Луцинское, село Узера, село Радонежское, село Дѣйгунинское, село Тыловское, Ротожь, село Протасьевское, Арпстовьское, село Лопастешьское, село Михайловское на Яузѣ. Но объ нихъ въ завѣщаніяхъ не упомянуто ни одного слова. [1]) Въ 1-мъ завѣщаніи великій князь назначаетъ: [2]) «приказываю сыномъ своимъ *отчину свою Москву*; а се есть имъ раздѣлъ учинилъ. Се далъ есть сыну своему большему Семену: Можескъ, Коломну со всими коломеньскими волостьми... Городску, Мѣзыню, Шѣсочку, Похряне, Устьмерьску, Брошевую, Гвоздну, Ивапы деревни, Моковець, Левичикъ, Скулневъ, Каневъ, Гжелю, Горѣтову, Горки, село Астафьевское, село на

---

[1]) Разнорѣчіе извѣстія о покупкѣ Іоанномъ Даніловичемъ городовъ Углича, Бѣлозерска и Галича съ извѣстіемъ о княженіи въ нихъ своихъ князей даже послѣ Калиты весьма основательно объясняется нашимъ уважаемымъ ученымъ С. М. Соловьевымъ тѣмъ, что вѣроятно покупка была произведена подъ условіемъ оставленія пожизненнаго владѣнія въ тѣхъ городахъ продавцовъ (прим. 417 къ III т. Ист. Рос.).

[2]) С. Г. Гр. Дог. т. I. ст. 31—35.

Сѣверьсцѣ въ Похряньскомъ уѣздѣ, село Константиновское, село Оршиньское, село Островьское, село Копотеньское, сельце Микуньское, село Малаховьское, село Напрудское у города. Ивану: Звенигородъ, Кремичку, Рузу, Озминское, Суходолъ, Велпкую свободу... Замотьскую свободу, Угожь, Ростовци, Окатьева свободка, Скирмиповьское, Тростна, Пѣгуча; а села: село Рюховьское, село Каменичьское, село Рузьское, село Бѣлжиньское, село Максимовское, село Андреевское, село Вяземьское, село Домонтовьское, село въ Замошьской свободѣ, село Семьчинское... Андрею, Лопастку, Сѣверьску, Нарушжьское, Серпоховъ, Нивну, Темку, Голичини, Щитовъ, Перемышль»... Растовецъ, Тухачевъ, а села: село Талежьское, село Серпоховьское, село Колбочиньское, село Нарьское, село Перемышльское, село Бутяговское, село Труфоновское, село Ямковское, село Коломиньское, село Когашиньское. Княгинѣ (умершей въ 1332 г.) съ меньшими дѣтьми села бывшія въ ея владѣніи... также оброки городскихъ волостей, за исключеніемъ купеческихъ пошлинъ, слѣдовавшихъ въ доходъ сыновьямъ. Затѣмъ въ завѣщаніи высказывался, что въ раздѣлъ идутъ купленные люди, численные же какъ платившіе общую государственную дань, подлежали общему вѣдѣнію. Въ завѣщаніи помѣщено распоряженіе о движимомъ имуществѣ, послѣ котораго говорится: «а приказываю тебѣ сыну своему Семену братью твою молодшую и княгиню свою съ меньшими дѣтми, по Бозѣ ты имъ будешь печальникъ». Завѣщаніе писалъ дьякъ князя великаго Костромы, а свидѣтелями подписались отцы душевные Ефрѣмъ, Федосій и попъ Давыдъ. Второе завѣщаніе составляетъ повтореніе перваго слово въ слово [1]) съ прибавленіемъ только распоряженій о купленныхъ селахъ: «а опрочь московскихъ селъ даю сыну своему Семену села своя купленая: село Ава-

[1]) Въ заключительной статьѣ г. Чичерина „духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей“ высказывается, что во второмъ завѣщаніи Калиты не помѣщено уже распоряженія о печаловапіи Семеномъ своей молодшей братьи и княгини, но это вѣрно. Распоряженіе о печаловапіи существуетъ и во второмъ завѣщапіи, но оно только къ концу отчего и ускользнуло отъ вниманія почтеннаго ученаго (опыты по истор. Рус. Права стр. 241 и 287. 2 Лапіера Рус. Геральд. стр. 124 и 232.

ковское въ Новѣгородѣ на Уналѣ, другое въ Володимери Борисовское. А что есмь купилъ село Петровское и Олексинъское, Вседобричь и Павловьское на Масѣ, половину есмь купилъ, а половину есмь смѣнилъ съ Митрополитомъ... а селця на Масѣ, что есмь купилъ у Афинѣя, то даю сыну своему Ивану». Купленныя села Варварьское и Мѣловьское, назначены Андрею, затѣмъ изъ купленныхъ селъ Павловское («Бабы нашее купля»), новое село и Олександръ святый (на Костромѣ) назначены княгинѣ. И наконецъ изъ купленныхъ же селъ Богородичьское (въ Ростовѣ) отдано какому то Борису Воркову до тѣхъ поръ пока онъ «*служитъ дѣтямъ моимъ*, села на Кержечи, Леонтиевское и Шараповское назначили въ поминанье. Второе завѣщаніе точно также какъ и первое подписано тѣми же самыми свидѣтелями, но въ немъ нѣтъ надписа дьяка Костромы.

Къ какому времени должно отнести составленіе втораго завѣщанія? Многіе ученые, считая его предсмертнымъ распоряженіемъ Калиты (Загоскина Исторіи Права московскаго государства 1877 г. стр. 157) относятъ составленіе его къ 1341 году. Но самая сущность распоряженій опровергаетъ это мнѣніе. Такъ какъ во второмъ завѣщаніи помѣщены назначенія селъ княгинѣ, умершей въ 1332 году, то слѣдовательно и самое составленіе должно быть отнесено къ болѣе раннему времени. Въ собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ время составленія его опредѣлено 1328 годомъ т. е. тѣмъ же годомъ, когда было составлено и первое завѣщаніе, но едва ли возможна покупка въ какіе-нибудь нѣсколько мѣсяцевъ такого значительнаго числа селъ. Поэтому, кажется, вѣроятнѣе отнести это время составленія втораго завѣщанія къ 1331 году. Даже и при этомъ предположеніи цифра покупокъ въ теченіи 3-хъ лѣтъ, отъ 1328 до 1332 г., представляется весьма солидной; невольно рождается вопросъ о количествѣ всѣхъ покупокъ до 1341 годъ. Но когда бы ни было совершено завѣщаніе, во всякомъ случаѣ неоспоримъ фактъ, что московскіе князья сдѣлались самыми богатыми князьями того времени. Къ грамотѣ, писанной на пергаминѣ, привѣшана двусторонняя княжеская печать съ изображеніями Спасителя

и Іоанна Богослова и надписью вокругъ: печать великаго князя Ивана». На это обстоятельство необходимо обратить вниманіе. Какъ въ вѣчевомъ періодѣ южныхъ княжествъ, такъ и въ сѣверовосточныхъ княжествахъ не существовало особаго государственнаго герба, и грамоты обыкновенно скрѣплялись частными печатями князей, на которыхъ изображались лики или Спасителя или Богоматери, или того святаго, имя котораго носилъ князь. Первое употребленіе особаго, государственнаго герба (двуглаваго орла) встрѣчается не ранѣе Іоанна III. При Іоаннѣ IV замѣчается уже положительное различіе въ употребленіи государственнаго герба и княжеской печати. На всѣхъ государственныхъ документахъ Іоанна IV находится печать государственнаго герба т. е. двуглаваго орла, частная же, неофиціальная, переписка этого государя обыкновенно печаталась изображеніемъ единорога или «нирога» [1]). Образованіе новаго государственнаго начала необходимо должно было потребовать и особеннаго проявленія своего въ внѣшней формѣ. Относительно великокняжескаго стола въ завѣщаніи не находится никакого упоминанія, что очень естественно, если сообразить время составленія завѣщанія до поѣздки въ орду, рѣшившей его избраніе. Что же касается до предоставленія Москвы въ общее вѣдомство, то въ этомъ распоряженіи нельзя не видѣть заботливости отца о равномѣрномъ раздѣленіи самой доходной статьи, какъ это ясно видно изъ завѣщанія Дмитрія Іоанновича [2]).

Кратковременное двѣнадцатилѣтнее княженіе Іоанна Даниловича не выдается никакими рельефными подвигами, напротивъ того, оно рѣзко выдѣляется отъ предшествующаго времени сдержанностью, расчетливостью, умѣньемъ выжидать и пользоваться обстоятельствами. Но между тѣмъ, внимательно разсматривая всѣ изложенныя событія въ совокупности ихъ, нельзя не признать за ними значенія наиболѣе вліятельнаго, наиболѣе плодотворнаго; они укрѣпили за Москвою неоспоримое право быть руководительницею въ предстоящемъ государственномъ ходѣ.

---

[1]) Лакіера Рус. Герольд. стр. 124 и 232.

[2]) О. Г. Гр. и Дог. т. I. 51.

Въ началѣ княженія Іоанна Даниловича, Московское княжество было почти ничтожно; оно простиралось отъ юга къ сѣверу въ длину немного болѣе 150 верстъ, а въ ширину отъ востока къ западу имѣло немного болѣе 50 верстъ и заключало въ себѣ поселенія, находящіяся между двумя главными, крайними пунктами, Москвою и Переяславль-Залѣскимъ. Во время же правленія Калиты княжество увеличилось болѣе чѣмъ въ шесть разъ и заключило въ себѣ города Коломну Серпуховъ, Звенигородъ, Можайскъ, Волокъ Латскій, Зарайскъ, Угличь, Бѣлозерскъ и Галичь. При этомъ интересно замѣтить на сколько расширеніе московскихъ владѣній совершалось по указаніямъ торговыхъ видовъ: Сначала пріобрѣтено обладаніе всѣмъ видимымъ путемъ рѣки Москвы, до Оки, затѣмъ верховьемъ Оки и наконецъ теченіемъ Цны, Мокши (послѣднее пріобрѣтеніе хотя и завершилось послѣ Калиты, но было совершенно подготовлено имъ). Къ сѣверу Московскія владѣнія расширились областью теченія Шексны, а по присоединеніи Углича и частью рѣки Волги. Наконецъ города Ростовъ и Владиміръ, почти потерявшіе самостоятельность и подчинявшіеся волѣ Іоанна Даниловича, доставили водный путь по Клязьмѣ и Волгѣ. Такимъ образомъ изъ небольшаго княжества съ небольшимъ черезъ 12 лѣтъ Москва является уже довольно крупнымъ владѣніемъ, имѣющимъ достаточныя средства не только къ поддержанію своего первенства, но и къ дальнѣйшему развитію.

Изложивъ политическія событія времени образованія великаго княжества московскаго, остается сказать нѣсколько словъ объ общей характеристикѣ перваго его строителя.

Значеніе великаго князя Іоанна Даниловича Калиты, какъ основателя политическаго строя, сознавалось даже самими его современниками. Въ словѣ современника Дмитрія Донскаго о житіи послѣдняго говорится: «бысть внукъ православнаго князя Ивана Даниловича събрателя русской земли». Выраженіе очень мѣткое. Оно указываетъ на внѣшнее присоединеніе къ Москвѣ различныхъ волостей и на единеніе національнаго духа. Москва стала русскимъ представителемъ не потому, что сдѣлалась великокняжескимъ столомъ, но потому, что

въ дѣйствительности стала фокусомъ всѣхъ русскихъ интересовъ. И этимъ она всецѣло обязана разумной дѣятельности своего перваго великаго князя, направленной не на внѣшнія войны, но на опредѣленія внутреннихъ распорядковъ. Сознавая губительное вліяніе непосредственнаго вмѣшательства во внутреннія русскія дѣла ордынцевъ, изъ которыхъ каждый приходящій на Русь считалъ себя въ полномъ правѣ обогащаться, безнаказанно грабя, раззоряя народъ и уводя въ полонъ, онъ съумѣлъ частыми поѣздками въ орду (что по состоянію тогдашняго общества и путей сообщеній было дѣломъ самоотверженія) и подарками отстранить попытку ордынскихъ вельможъ [1]). Съ другой стороны онъ заботился объ упроченіи спокойствія и порядка, о безопасности личности и имуществъ своихъ подданныхъ: „злодѣйственныхъ разбойниковъ, хищниковъ и татьбу содѣвающихъ упраздни отъ земли своея [2]). И онъ имѣлъ счастіе видѣть еще при жизни своей плоды заботъ своихъ. Народъ, обезпеченный въ безопасности, обратился къ производительной дѣятельности и общее благосостояніе стало быстро развиваться.

Установленіе спокойствія и порядка въ московскомъ княжествѣ имѣло прямымъ и непосредственнымъ послѣдствіемъ увеличеніе его населенія переселенцами всякаго рода, естественно предпочитавшихъ мирный трудъ безпрерывнымъ усобицамъ и грабежамъ. Въ лѣтописяхъ упоминается о переселеніяхъ нѣкоторыхъ лицъ, богатствомъ своимъ и значеніемъ не мало способствовавшихъ усиленію Москвы. Къ числу такихъ лицъ принадлежатъ наприм. выходецъ изъ орды татарскій Мурза-Четъ, предокъ Бориса Годунова, а изъ Кіева, боярин Родіонъ Нестеровичъ (родоначальникъ Квашниныхъ), приведшій съ собою въ Москву 1,700 дѣтей боярскихъ. Невозможно съ положительностью опредѣлить въ какой мѣрѣ справедливо сказаніе лѣтописца объ услугѣ, оказанной Іоанну Даниловичу боярином Нестеровичемъ въ битвѣ подъ Переславлемъ въ 1304 году съ тверскою ратью, гдѣ этотъ новый боярин московскій отрубилъ голову ворогу своему боярину

[1]) Никон. Ш. 142. П. С. Р. Л IV, 51.

[2]) Степен. кн. I. 406.

Акинфу, переѣхавшему изъ Москвы въ Тверь по зависти на лестный пріемъ, оказанный Нестеровичу, но извѣстно, что Родіонъ Нестеровичъ получилъ отъ Іоанна Даниловича половину волока и волость у рѣки Восходни, а расчетливый московскій князь не далъ бы такой награды безъ основательнаго повода. Еще къ числу такихъ переселенцевъ принадлежитъ также родоначальникъ фамиліи Плещеевыхъ, боярин Яконтъ, переѣхавшій въ Москву изъ Чернигова по нѣкоторымъ извѣстіямъ при Калитѣ, по другимъ же, болѣе достовѣрнымъ извѣстіямъ, во время правленія Даніила Александровича. Имя этого боярина, крестника Калиты, по свѣтскому имени Елевѳерій, по постриженіи Алексѣй — извѣстный іерархъ русской церкви. Какъ переселившіеся, такъ и туземные бояре, получивъ отъ московскаго князя богатыя помѣстья въ московскомъ княжествѣ, невольно должны были связать свои интересы съ интересами князя, *которому служили*, предпочитать его интересы интересамъ его родичей [1]).

Другимъ естественнымъ послѣдствіемъ установленія тишины и безопасности было значительное развитіе торговли. Кромѣ Москвы, какъ пункта, сосредоточившаго торговыя сношенія запада (чрезъ Новгородъ), востока и Греціи основались новые значительные торговые пункты. Къ этому времени можно отнести торговое развитіе холопьяго городка, въ Ярославской области, на устьѣ Мологи. Мѣсто это и нынѣ называемое старымъ холопьимъ, находится, Ярославской губерніи, мологскаго уѣзда, въ дачахъ Мусина-Пушкина. „Рѣка же великая Молога полна судовъ была въ пристани своей на устіи широкомъ, яко по судамъ тогда для перевозовъ проходили людіе рѣку ту Мологу и Волгу на лугъ моложскій, великій и прекрасный, иже имѣетъ въ округъ свой 7 верстъ. Сребра же того пошлиннаго пудоваго по 180 пудовъ и болши собираху въ казну великаго князя“ [2]). Хотя это количество можетъ быть и не вѣрно, но во всякомъ случаѣ оно было значительно, что можно видѣть изъ того, что въ завѣщаніи Іоанна Даниловича купеческія пошлины въ селахъ, назначае-

[1]) Прим. 324 къ IV т. Карамз.

[2]) Карамз. примѣч. 323 къ IV т.

мыхъ княгинѣ и меньшимъ дѣтямъ, переданъ въ доходъ сыновьямъ.

Понятно, что пользуясь благодѣтельнымъ покровительствомъ Іоанна Даниловича, современники были ему благодарны и цѣнили его высоко. Въ исторію перешло прозваніе Калиты. Трудно опредѣлить, что именно послужило основаніемъ такому прозванію; выраженіе ли оно христіанскаго милосердія князя или его хозяйственной способности? Кажется вѣрнѣе первое предположеніе. Извѣстно, что этотъ князь всегда имѣлъ при себѣ мѣшокъ (калиту) съ деньгами для раздачи бѣднымъ. Іоаннъ Даниловичъ отличался глубокимъ религіознымъ чувствомъ; никто изъ его предшественниковъ не построилъ столько храмовъ, никто болѣе его не любилъ бесѣдовать съ иноками, единственно просвѣщенными людьми того времени. Для бо́льшего облегченія частыхъ свиданій онъ даже перевелъ мужскую обитель, основанную его отцемъ при церкви св. Даніила, къ своему дворцу, къ построенной имъ церкви Преображенія. Затѣмъ, кромѣ этой церкви, имъ построены еще храмы: Успенскій соборъ, Архангельскій (каменные), усыпальницу князей московскихъ, церковь на площади кремлевской, церковь во имя св. Іоанна Лѣствичника и церковь во имя св. Петра. Наконецъ къ послѣднимъ постройкамъ великаго князя принадлежитъ обнесеніе въ 1339 году Москвы дубовыми стѣнами.

Въ заключеніе обозрѣнія княженія Іоанна Даниловича остается упомянуть объ общественныхъ бѣдствіяхъ, не разъ постигавшихъ Москву. Двукратный пожаръ опустошилъ городъ въ 1331 и 1337 г., изъ которыхъ въ одинъ сгорѣлъ даже кремникъ или кремль и 18 церквей, а въ 1332 году постигъ голодъ, названный рослою рожью.

ГЛАВА VI.

Симеонъ Іоанновичъ Гордый. — Его отношенія къ церкви, къ ордѣ и къ русскимъ князьямъ сѣверовосточной группы.

Смерть великаго князя Іоанна Даниловича Калиты открыла наслѣдство двоякаго рода: наслѣдство великокняжеское, владимірское, главенства сѣверовосточной русской федераціи и наслѣдство московскаго князя, какъ вотчинника. Наслѣдство перваго рода зависѣло исключительно отъ воли ордынскихъ хановъ, смотрѣвшихъ на русскихъ князей, какъ на своихъ улусниковъ. Правда, въ своихъ назначеніяхъ орда руководствовалась, въ особенности въ первыя времена, понятіями о правахъ, существовавшихъ у самихъ русскихъ, но это руководство не имѣло никакой опредѣленной формы и принималось только въ видѣ соображенія. Да и у самихъ русскихъ понятіе о правѣ на княжескій столъ въ это время стало совершенно измѣняться: старшинство дядей встрѣтило протестъ со стороны племянниковъ. Это измѣненіе видно даже въ тѣхъ городахъ, гдѣ старый порядокъ укрѣплялся болѣе глубокими корнями. Такъ въ спорѣ дяди Василія Михайловича Тверскаго съ племянникомъ Михаиломъ Александровичемъ въ 1366 г., отданномъ разбору третейскаго суда духовнаго лица, послѣднее признало преимущественное право уже племянника.

Конечно, такая неопредѣленность понятій не могла не отразиться на ханскихъ приговорахъ въ особенности при тогдашнемъ состояніи ханскаго двора. Богатая добыча и грабежъ завоеваній совершенно измѣнили нравы орды; вмѣстѣ съ роскошью явились изнеженность и жажда наслажденій, которыя въ свою очередь вызвали корыстолюбіе, постоянное требованіе подарковъ и продажность. Приближенные и любимцы, имѣвшіе рѣшительное вліяніе на ханскія рѣшенія, отдавали свой голосъ въ пользу болѣе дорогаго покупщика. При такомъ положеніи дѣлъ московскіе князья, сыновья Калиты, должны были имѣть преобладающее право на великокняжеское достоинство Владимірское, такъ какъ разумная политика

и хозяйское умѣнье ихъ дѣда и отца, при поддержкѣ богатаго Новгорода, доставили имъ такія средства, бороться съ которыми другимъ князьямъ оказывалось рѣшительно невозможнымъ.

Что же касается до наслѣдства частнаго, московскаго, то на такого рода наслѣдство Іоаннъ Даниловичъ имѣлъ неоспоримое право и онъ воспользовался этимъ правомъ въ оставленныхъ имъ духовныхъ завѣщаніяхъ. Въ силу этихъ завѣщаній Москва, какъ вотчина, какъ значительная доходная статья, приказывалась въ общее владѣніе сыновьямъ, какъ частнымъ же владѣльцамъ. Въ завѣщаніяхъ нѣтъ ни одного слова, ни одного намека, опредѣлявшаго отношенія княжеской власти въ смыслѣ государственномъ.

Для разрѣшенія вопроса о великокняжествѣ послѣ смерти Калиты, отправились къ хану дѣти покойнаго московскаго князя, Симеонъ съ братьями и другіе князья сѣверо-восточной Руси. Рѣшеніе не могло быть сомнительно. За Симеона стояли и богатство его и усердная служба отца и устанавливающееся преимущество нисходящей линіи; изъ другихъ же претендентовъ только двое, а именно Константинъ Михайловичъ Тверской и Константинъ Суздальскій имѣли нѣкоторое право и могли выставить за себя весьма не вѣское, утрачивающее значеніе права родоваго старшинства по боковой линіи. Ханъ Узбекъ назначилъ великимъ княземъ Владимірскимъ Симеона, при чемъ, по сказанію лѣтописи, *вси князи русскіе въ руцѣ его даны* [1]). Усердная служба Калиты не пропала даромъ. По извѣстію Татищева (IV. 146), ханъ не ограничился однимъ назначеніемъ, онъ клялся оставлять и на будущее время обладаніе великокняжескимъ столомъ за родомъ Калиты, давалъ совѣты Симеону жить въ мирѣ и съ своей стороны обѣщался не принимать никакихъ доносовъ.

Съ перваго же времени Симеонъ выказался сыномъ Калиты, способнымъ продолжателемъ его дѣятельности. При немъ остались тѣже отношенія къ ордѣ и тѣже отношенія къ другимъ князьямъ съ тѣмъ только измѣненіемъ, что подготови-

---

[1]) Воскрес. Лѣт. II. 311—312.

тельная работа отца доставила ему большую силу, большее вліяніе въ сношеніяхъ и большую самостоятельность. Воротившись изъ орды, какъ добрый сынъ и добрый братъ, Симеонъ прежде всего занялся установленіемъ родственныхъ отношеній на тѣхъ именно основаніяхъ, какія были положены въ завѣщаніи отца. До насъ дошелъ договоръ [1]), заключенный въ 1341 году великимъ княземъ Симеономъ съ родными братьями Іоанномъ и Андреемъ о взаимныхъ ихъ отношеніяхъ между собою. Эти отношенія главнымъ образомъ опредѣлены слѣдующимъ образомъ: «Быти ны за одинъ до живота, а брата своего старѣйшаго имѣти ны и чтити во отцево мѣсто; а брату нашему насъ имѣти...» къ сожалѣнію, слѣдующаго опредѣляющаго слова въ договорѣ разобрать невозможно, да и вообще этотъ договоръ дошелъ до насъ въ очень поврежденномъ видѣ. Далѣе въ договорѣ опредѣляется: «А кто будетъ брату нашему старѣйшему недругъ, то и намъ недругъ, а кто будетъ брату нашему старѣйшему другъ, то и намъ другъ. А тобѣ, Господине Князь великій, безъ насъ не доканчивати ни съ кимъ». Здѣсь обращаетъ на себя особенное вниманіе выраженіе къ *Господину князю великому*, вмѣсто прежняго обращенія къ брату. Основываясь на смыслѣ опредѣленія, въ которомъ употреблено это обращеніе, нельзя не видѣть въ немъ перваго проявленія, безъ всякаго сомнѣнія, еще неяснаго для самихъ договаривающихся сторонъ (князей) понятія объ отношеніяхъ государственныхъ помимо отношеній родства. Договоръ скрѣпился клятвою при гробѣ отца и, какъ видно будетъ изъ послѣдующаго изложенія, ни разу не нарушался.

Изъ отношеній внѣшнихъ, отношенія къ Новгороду для князей московскихъ составляли самый насущный интересъ какъ самый легкій и сподручный способъ возмѣщенія издержекъ ордынскихъ путешествій. Такъ и теперь. Воротившись отъ Хана съ истощенной казной, великій князь, послѣ торжественнаго вступленія на столъ *великаго княженія всея Руси* въ великой соборной церкви св. Богородицы во Владимірѣ,

---

[1]) С. Г. Г. и Д. I: ст. 35.

тотчасъ же отправилъ сборщиковъ (Бориса, Семенова сына и другихъ «борцей») въ Торжекъ для сбора дани. Но или требуемая дань превышала опредѣленную норму, или требовалась преждевременно, или при сборѣ борцами допускались насилія,—на послѣднее обстоятельство встрѣчается прямое указаніе въ лѣтописи: «и начаша сильно дѣяти» [1]), — или по совокупности всѣхъ этихъ обстоятельствъ только новоторжцы или, вѣрнѣе сказать, новоторжскіе бояре жаловались своему городу Новгороду и тотъ,ославъ къ нимъ бояръ Матвѣя Варфоломеевича, Терентія Даниловича съ братомъ, Варфоломея, посадника сына Остафьина и Ѳедора Аврамова съ вооруженнымъ отрядомъ, въ тоже время, или еще прежде, отправилъ въ Москву посла Кузму Твердиславля съ жалобою на насилія и съ напоминаніемъ о своей вольности. Между тѣмъ бояре новгородскіе въ Торжкѣ поступили слишкомъ круто, схватили намѣстниковъ великаго князя Михаила Давыдовича и Ивана Рыбкина сына, заковали ихъ и стали укрѣплять городъ. Въ такомъ напряженномъ положеніи прошелъ мѣсяцъ, обѣщанная вспомогательная рать изъ Новгорода не подходила, а опасность со стороны великаго князя московскаго все болѣе и болѣе приближалась. Отъ боязни неминуемой и тяжкой отвѣтственности народъ торжковскій или *черные* собрался на вѣчѣ, вооружился, прогнала новгородцевъ, силою освободила намѣстниковъ и сборщиковъ московскихъ, возстала на бояръ, какъ на виновниковъ крамолы противъ Москвы, и разграбила ихъ дома. Бояре бѣжали въ Новгородъ, но одинъ изъ нихъ, Семенъ Внучекъ, былъ убитъ.

Въ то же время великій князь, въ сопровожденіи брата своего Ивана, князя Константина суздальскаго, князя Константина ростовскаго, князя Василія ярославскаго и другихъ князей, а также митрополита Ѳеогноста и съ великою ратью всей низовской земли, двинулся къ Торжку. Новгородцы, узнавъ о походѣ князя, хотя и приготовились къ оборонѣ, но предварительно попытались уладить дѣло мирнымъ путемъ. Они поспѣшили отправить къ нему послами владыку Василія

[1]) П. С. Р. Л. III. 80.

и Авраама Тысячкаго съ мирными предложеніями. Заключенъ былъ договоръ по старымъ грамотамъ, но съ условіемъ уплаты новгородцами *чернаго бора* со всѣхъ волостей и кромѣ того еще 1000 руб. съ Торжка [1]). Татищевъ (IV. 147) говоритъ еще объ одномъ весьма унизительномъ для новгородцевъ требованіи великаго князя: «аще хощутъ милости и мира отъ меня, сказалъ будто бы великій князь, да пріидутъ предъ ми посадники и тысячкій боси, просятъ при всѣхъ князѣхъ на колѣняхъ». Нельзя безусловно отвергать существованія со стороны великаго князя подобнаго требованія. Князь не могъ не быть крайнѣ раздраженнымъ противъ своевольныхъ и дерзкихъ поступковъ новгородцевъ, заковавшихъ его намѣстниковъ и при всякомъ удобномъ случаѣ грабившихъ его людей. Еще въ то время, когда онъ находился въ ордѣ, новгородскіе молодцы напали и разграбили Устюжну [2]), затѣмъ опустошили Бѣлозерскъ, купленный Калитою и потому бывшій собственностью московскаго князя. Поэтому понятно желаніе Симеона Гордаго укротить необузданность вольнаго города, смирить его самонадѣянную кичливость, а гордый, самовластный характеръ Симеона могъ дѣйствительно создать подобное оскорбительное условіе.

Было ли это условіе или нѣтъ, во всякомъ случаѣ извѣстно, что крамолы новгородцами въ княженіе Симеона Гордаго больше не повторялись; напротивъ того извѣстно, что въ 1347 году, слѣдовательно черезъ 6 лѣтъ, великій князь по приглашенію архіепископа новгородскаго, пріѣзжавшаго за этимъ въ Москву, самъ ѣздилъ въ Новгородъ, былъ тамъ честимъ и пробылъ недѣли три [3]). Впрочемъ, со стороны Новгорода и не могло быть серьезнаго противодѣйствія Москвѣ вслѣдствіе его внутренняго состоянія. Новгородъ, по своеобразности мѣстныхъ условій, не подвергался непосредственному вліянію новыхъ порядковъ на сѣверовостокѣ, а жилъ все еще прежнею жизнью славянскихъ волостей и выносилъ всю не-

---

[1]) Никон. Лѣт. III. 173.
[2]) Новгор. Л. 6849 г.
[3]) Новгор. Л. 6854 г.

урядицу внутреннихъ отношеній. Князь, въ лицѣ намѣстника своего, пользовался тамъ судебною властью, административною и правомъ предводительствовать войскомъ, но при совмѣстномъ существованіи вѣча, какъ главнаго правительственнаго органа. Одни и тѣже причины производятъ одни и тѣже явленія. Какъ было въ южныхъ, старыхъ городахъ, такъ и теперь въ Новгородѣ внутреннія смятенія потрясали общественный организмъ. Вѣче постоянно раздиралось партіями, посадники назначались и смѣнялись вооруженной силой, при кровопролитныхъ схваткахъ между концами города, или между одной половиной города и другой.

Въ 1341 году умеръ ханъ кипчакской орды, извѣстный Узбекъ, игравшій такую рѣшительную роль въ борьбѣ Москвы съ Тверью и бывшій однимъ изъ главныхъ, хотя и невольныхъ пособниковъ усиленія московскаго княжества. Умершій, исповѣдуя мухамеданство, отличался весьма широкою вѣротерпимостью. Онъ покровительствовалъ русскому духовенству, давалъ ему льготныя грамоты, вмѣстѣ съ тѣмъ велъ сношенія съ Папой Венедиктомъ XII и нисколько не препятствовалъ ему распространять католичество въ земляхъ, прилегающихъ къ черному морю. Послѣ Узбека осталось трое сыновей: Тиньбекъ, Чанибекъ и Хадырбекъ, изъ которыхъ на ханскій престолъ вошелъ старшій, Тиньбекъ. Впрочемъ, этотъ ханъ царствовалъ недолго, такъ какъ въ 1342 году вошелъ на престолъ второй сынъ Чанибекъ, умертвившій обоихъ братьевъ, какъ старшаго, такъ и младшаго [1]).

По установленному порядку, каждая смѣна хановъ вызывала новое утвержденіе въ княжескомъ достоинствѣ, а слѣдовательно и новую поѣздку въ орду съ обычными подарками и пздержками. Такъ и теперь. На поклонъ къ новому хану въ орду отправились великій князь Симеонъ, князья суздальскій, ростовскій, ярославскій и митрополитъ Ѳеогностъ [2]). Скоро всѣ они воротились съ новымъ утвержденіемъ, за исключеніемъ митрополита Ѳеогноста, задержаннаго въ ордѣ денежнымъ вопро-

---

[1]) Карамз. примѣч. 334 къ IV т.

[2]) Никон. Лѣт. III. 178—179.

сомъ. Нѣкоторые изъ русскихъ, которыхъ при ханскомъ дворѣ, вѣроятно, проживало не мало, донесли хану о богатствѣ русскаго митрополита, о множествѣ у него золота и серебра. Наученный ими, корыстолюбивый ханъ потребовалъ отъ Ѳеогноста платежа ежегодной дани, но платить дань Ѳеогностъ, не смотря на угрозы и стѣсненія, рѣшительно отказался, ссылаясь на данные прежними ханами льготные ярлыки. Впрочемъ дѣло уладилось посуломъ со стороны Ѳеогноста заплатить единовременно 600 руб., и затѣмъ были подтверждены всѣ прежніе льготные ярлыки, какъ это видно изъ ярлыка жены хана Тайдулы [1]).

Добрыя отношенія Московскаго князя къ ордѣ продолжались во все время княженія Симеона. Четыре раза онъ былъ въ ордѣ и каждый разъ возвращался оттуда обласканный милостью ханской. Отъ этого при Симеонѣ въ Московскомъ княжествѣ не было, какъ и при покойномъ его отцѣ, ни одного баскака, ни одного разорительнаго ханскаго посольства, ни одного опустошительнаго набѣга, за исключеніемъ только единичнаго случая въ 1347 г., когда ордынскій князь Темиръ подступалъ къ Алексину и опустошалъ его окрестности. Послѣдствія подобной политики, какъ и въ предшествующее время, оказывались чрезвычайно важными. Благосостояніе увеличилось, народъ отдохнулъ и окрѣпъ, а территорія Московскаго княжества быстро наполнялась все болѣе и болѣе прибывающими поселеніями изъ другихъ княжествъ. И наконецъ кромѣ этого невольнаго благотворнаго вліянія, ордынскіе ханы оказывали болѣе дѣйствительную услугу, принимая сторону Москвы въ столкновеніяхъ ея съ Литвою.

Не то было въ другихъ сосѣднихъ княжествахъ сѣверо-восточной Руси. Усобицы продолжались попрежнему; княжескіе столы захватывались то подъ предлогомъ правъ родства, то по праву силы, то по праву ханскаго ярлыка.

Въ Рязанскомъ княжествѣ распри происходили между домами князя Коротопола и князя пронскаго. Еще во время княженія Калиты Іоаннъ Коротополъ, встрѣтивъ родственника

---

[1]) С. Г. Г. и Д. II ст. II.

своего, ѣхавшаго въ орду, князя Александра пронскаго, ограбилъ его на дорогѣ и убилъ. Но сынъ убитаго князь Ярославъ, преслѣдовалъ цѣль отца и успѣлъ ее достигнуть. Въ 1342 году онъ воротился изъ орды съ ханскимъ войскомъ, посломъ Кындякомъ и съ ярыкомъ хана Чанибека на великое княженіе рязанское. Коротополъ заперся въ Переяславлѣ рязанскомъ, гдѣ цѣлый день отбивался отъ осаждающей рати Кындяка и Ярослава, но видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, ночью неизвѣстно куда бѣжалъ [1]). Затѣмъ въ лѣтописи встрѣчается только извѣстіе объ убіеніи Коротопола подъ 1343 годомъ, но кѣмъ и по какому случаю неизвѣстно. Ярославъ Александровичъ сдѣлался великимъ княземъ рязанскимъ, выбравъ стольнымъ городомъ Ростиславль (на берегу Оки). Каждая смѣна князей, въ особенности при участіи ордынцевъ, приносила съ собой страшныя бѣдствія. Съ одной стороны восторжествовавшій князь старался вымѣстить свои убытки и потери на боярахъ и приверженцахъ своего предшественника, тѣснилъ ихъ, разворялъ ихъ села, а съ другой ордынскіе послы пользовались случаемъ обогатиться полономъ и грабежемъ. Такъ и при настоящемъ случаѣ по сказанію лѣтописи „Кындякъ войдя въ городъ, многихъ христіанъ полониль, а иныхъ избилъ“ [2]). Къ довершенію несчастія, княженіе князей пронскихъ продолжалось весьма недолго: Ярослава не болѣе 3-хъ, а брата его, Василія Александровича, не болѣе 6 лѣтъ. Въ 1350 году занялъ рязанскій столъ сынъ Коротопола, извѣстный въ нашей исторіи Олегъ Іоанновичъ, вѣроятно съ своей стороны давшій почувствовать свое неудовольствіе сторонникамъ пронскихъ. Такое построеніе рязанскаго княжества не могло не отзываться для Москвы самыми благопріятными послѣдствіями. Люди трудолюбивые спѣшили выселяться въ спокойную сосѣднюю волость и тѣмъ, естественно, увеличивали доходность московскаго княжескаго хозяйства.

Не менѣе нестроенія и усобицы волновали и тверское княжество. Казненному въ ордѣ Александру Михайловичу

---

[1]) Никол. Лѣтоп. III. 178.
[2]) Тропц. 6850 г.

наслѣдовалъ, при содѣйствіи покойнаго Калиты, братъ его Константинъ. Обязанный княженіемъ Москвѣ и сознавая въ тоже время безсиліе и истощеніе своей волости, Константинъ Михайловичъ не думалъ о соперничествѣ съ Москвою во все время своего княженія. Раздоры начались внутри княжескаго семейства, между нимъ и Анастасьею, вдовою казненнаго Александра и сыномъ ея, Всеволодомъ Александровичемъ, княземъ холмскимъ. Что было именно причиною неудовольствій— неизвѣстно; лѣтописи, не передавая объ этомъ никакихъ свѣденій, говорятъ только, что въ 1346 г. князь Константинъ утѣснялъ и захватывалъ бояръ и слугъ Анастасіи и Всеволода [3]). Эти стѣсненія вынудили Всеволода Александровича ѣхать съ жалобою сначала къ зятю своему, князю московскому, Симеону, а потомъ въ орду. Вслѣдъ за племянникомъ уѣхалъ въ орду и дядя Константинъ, но вскорѣ по прибытіи туда умеръ. Всеволодъ Александровичъ добылъ себѣ ханскій ярлыкъ на княженіе и уже съ ханскимъ посломъ возвращался домой, когда на обратномъ пути, въ городѣ Бездежѣ, встрѣтился съ дядей Василіемъ Михайловичемъ, княземъ кашинскимъ. Услыхавъ о смерти брата Константина, Василій Михайловичъ собралъ дань съ волости отсутствующаго племянника Всеволода и съ ней отправился въ орду. При встрѣчѣ племянникъ съ помощью ханскаго посла ограбилъ дядю, отчего послѣдній, зная безплодность поѣздки въ орду безъ денегъ, принужденъ былъ воротиться, а Всеволодъ Александровичъ сѣлъ на тверской столъ. Но въ Твери въ это время еще крѣпко держались старыя понятія о старшинствѣ родства и права дяди находили у тверичей дѣятельное содѣйствіе. Началась ссора и съ ней неизбѣжное людское стѣсненіе со стороны обоихъ князей, дяди и племянника, и „многіе люди тверскіе, по словамъ лѣтописи, отъ такого нестроенія разошлись“. Наконецъ уже въ 1349 году епископу Ѳедору удалось примирить враговъ - родичей. Всеволодъ Александровичъ уступилъ великокняжескій Тверской столъ дядѣ Василію Михайловичу и удовольствовался холмскимъ удѣломъ „и укрѣпишась межи собою

---

[3]) Никон. Л. III. 184.

крестнымъ цѣлованіемъ и Василій нача жити съ братаничемъ своимъ тихо и смирно и *пойдоша людіе* отвсюду въ землю тверскую и умножишась". Тишина продолжалась, впрочемъ, не долго. Въ 1352 году, по полученіи отъ ордынскаго посла Ахмата ханскаго ярлыка, князь Василій Михайловичъ вспомнилъ прежнее нелюбье съ племянникомъ и сталъ снова тѣснить бояръ и слугъ холмскихъ.

Эти тверскія нестроенія, какъ и рязанскія, служили къ возвышенію Москвы. Имя московскаго князя стояло высоко, его искали, его покровительствомъ дорожили и его вліяніе въ дѣлахъ тверскаго княжества признавалось неоспоримымъ. Есть положительное свидѣтельство, указывающее на верховенство москвы и низведеніе Твери со ступени великаго княжества на удѣльное. Герберштейнъ говоритъ: былъ споръ о великомъ княжествѣ тверскомъ; когда князь Симеонъ Іоанновичъ просилъ его себѣ у Чанибека, то послѣдній требовалъ отъ него годовой дани. Вельможи, подкупаемые богатыми подарками Симеона, вступились за него и сдѣлали дѣло такъ, что онъ не заплатилъ дани. Это вліяніе Москвы ясно выражалось, между прочимъ, и въ желаніи породниться съ московскимъ домомъ: сестра Всеволода была замужемъ за княземъ Симеономъ, а дочь Симеона за Михаиломъ Васильевичемъ, сыномъ тверскаго князя Василія Михайловича.

Послѣ соединенія южныхъ и западныхъ русскихъ княжествъ подъ верховенствомъ великаго литовско-русскаго княжества, Литва стала на юго-западѣ въ такое же положеніе, какое занимала Москва на сѣверо-востокѣ. Оба эти центра политическихъ тѣлъ стремились къ одинаковой цѣли расширенія своихъ предѣловъ и присоединенія къ себѣ сосѣднихъ болѣе мелкихъ волостей. Такое стремленіе должно было неминуемо повести къ столкновенію ихъ между собою, къ борьбѣ за существованіе. Положеніе Москвы находилось въ болѣе выгодныхъ мѣстныхъ условіяхъ. Она находилась въ средѣ единоплеменнаго населенія и не выносила ударовъ сильнаго и дѣятельнаго сосѣда. Напротивъ того Литва, кромѣ московскаго княжества, имѣла другого врага, съ которымъ должна была

постоянно бороться, врага неутомимаго, всегда готоваго къ бою — въ нѣмецкомъ орденѣ рыцарей.

Въ княженіе Симеона литовскія отношенія къ Москвѣ хотя не выражались въ открытыхъ непріязненныхъ военныхъ дѣйствіяхъ, но тѣмъ не менѣе носили на себѣ своеобразныя характеристическія черты. Въ октябрѣ 1341 г. литовская рать съ княземъ витебскимъ Ольгердомъ сдѣлала набѣгъ на можайскую волость, осаждала самый городъ, но, не взявъ его, воротилась, опустошивъ окрестности [1]). Что было причиной отступленія литовцевъ, въ лѣтописяхъ невыясняется, но вѣроятно смерть Гедимина вызвала Ольгерда къ семейнымъ дѣламъ. По раздѣлу Гедимина изъ литовскихъ областей принадлежали: старшему Евнутію Вильна съ достоинствомъ великаго князя, второму Ольгерду Кревъ и Витебскъ, Монтвиду Керновъ и Слонимъ, Нариманту Пинскъ, Кейстутію Троки, Коріату Новогрудокъ и Любарту—Волынъ [2]). Изъ нихъ выдѣлялись: Кейстутій необыкновенной отвагой и Ольгердъ въ особенности обширнымъ умомъ, счастливыми способностями, удивительною въ то время трезвостью, образованностью, властолюбіемъ и хитростію. Недовольные своими удѣлами Ольгердъ и Кейстутій соединенными силами рѣшились выгнать братьевъ и завладѣть всѣмъ наслѣдствомъ отца. Въ 1345 году Евнутій бѣжалъ изъ Вильны сначала въ Смоленскъ, а потомъ въ Москву къ великому князю Симеону, а Нариментъ къ хану татарскому. Симеонъ ласково принялъ бѣглеца, расчитывая видѣть въ немъ вліятельное орудіе въ отношеніяхъ съ Литвой, тѣмъ болѣе, что Евнутій и его литовская дружина вскорѣ приняла христіанскую вѣру, при чемъ Евнутій названъ былъ Іоанномъ [3]).

Принимая молодаго литвина и оказывая ему радушное гостепріимство, Симеонъ Іоанновичъ однакожъ не выказалъ намѣренія поддержать права изгнанника военной силой. Съ другой стороны и Ольгердъ не объявилъ войны московскому князю. Въ это время дѣла его съ нѣмецкимъ орденомъ требовали

---

[1]) Никол. Лѣт. III. 174.
[2]) Длуг. Hist. Pol. кн. X. ст. 60.
[3]) Троиц. 6853 г.

напряженія всей его энергіи. До вступленія его на литовскій столъ борьба его съ нѣмецкимъ орденомъ имѣла характеръ взаимныхъ пограничныхъ набѣговъ, въ которыхъ, обыкновенно, ограничивались только опустошеніемъ непріятельскихъ земель. Но прибытіе въ 1336 году на помощь ордену маркграфа бранденбургскаго, графа геннебергскаго и графа немурскаго съ значительными силами дало возможность предпринять уже болѣе рѣшительныя дѣйствія противъ язычниковъ. Какимъ характеромъ отличались войны рыцарей съ литвинами, можно видѣть изъ описанія осады одного небольшаго острожка.

Союзное рыцарское войско вторгнулось въ Литву и осадило острожекъ Пунэ, въ которомъ въ то время находилось неболѣе четырехъ тысячъ литовцевъ. Рыцари окружили острожекъ, устроили стѣнобитныя машины и повели подкопы. Осажденные мужественно оборонялись, дѣлали частыя вылазки, но вскорѣ должны были убѣдиться въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія: одна часть стѣнъ сильно раскачалась таранами, а другая часть грозила паденіемъ отъ подкоповъ, сами же осажденные были почти всѣ покрыты ранами. Въ такомъ отчаянномъ положеніи литвины рѣшились погибнуть: сначала перебили своихъ женъ и дѣтей, сожгли трупы ихъ на кострѣ, а потомъ стали убивать другъ друга. Въ этой кровавой бойнѣ въ особенности отличались начальникъ острожка, Маргеръ, и какая-то старуха, обезглавившая топоромъ сто воиновъ и потомъ убившая себя. Оставшаяся горсть воиновъ съ Маргеромъ впереди бросилась навстрѣчу входившему непріятелю и погибла отъ его руки за исключеніемъ Маргера, который бросился въ подземелье, гдѣ была спрятана его жена, убилъ ее, а потомъ убилъ и себя. Съ 1345 года, съ избраніемъ въ магистры ордена Генриха фонъ-Арфберга, война съ Литвою приняла еще бо́льшіе размѣры. Новый магистръ опустошилъ литовскія владѣнія до самыхъ Трокъ и, встрѣтивъ войско Ольгерда, разбилъ его на голову. Ольгердъ не былъ лицомъ способнымъ потеряться въ опасности: онъ набралъ новое войско и съ нимъ вторгнулся въ предѣлы орденскихъ владѣній, страшно опустошая и раззоряя. Но къ несчастью войско литовское уже на обратномъ пути съ громадной добычей было

снова настигнуто магистромъ и послѣ упорной и кровопролитной сѣчи снова разбито [1]).

Тѣснимый орденомъ, Ольгердъ не только не могъ дѣйствовать противъ Москвы, но долженъ былъ искать себѣ сильнаго союзника. На помощь русскихъ княжествъ сѣверовосточной Руси, гдѣ самовластно руководилъ Симеонъ Іоанновичъ, онъ конечно не могъ разсчитывать, а въ союзникѣ предстояла крайняя необходимость. Въ такомъ положеніи онъ обратился къ ордынскому хану. Этотъ поступокъ Ольгерда обнаруживаетъ его основательный политическій тактъ. Онъ зналъ, что орда по отдаленности и положенію своему не могла быть опасною для Литвы, а между тѣмъ, заручившись ея помощью, онъ пріобрѣталъ сильное оружіе не только противъ нѣмцевъ, но столько же, если не болѣе, противъ Москвы. Въ такихъ расчетахъ Ольгердъ въ 1348 г. послалъ къ хану Чанибеку брата своего Коріята съ просьбою отправить къ нему на помощь сильную рать. Вѣроятно желаніе Ольгерда и исполнилось бы, еслибъ онъ не встрѣтилъ бдительнаго противника въ московскомъ князѣ. Безъ всякаго сомнѣнія Симеонъ имѣлъ дѣятельныхъ и неусыпныхъ наблюдателей при дворѣ своего шурина, доносившихъ ему о всѣхъ дѣйствіяхъ Ольгерда. Предувѣдомленный вовремя о посылкѣ Коріята, московскій князь поспѣшилъ отправить къ Чанибеку своихъ пословъ Ѳедора Глѣбовича, Амиря и Ѳедора Шубачеева съ жалобой на Ольгерда за опустошеніе русскихъ княжествъ—*ордынскихъ улусовъ*, и съ предвареніемъ о тайныхъ политическихъ замыслахъ литовскаго князя противъ даже самой орды. Чанибекъ, постоянно видѣвшій въ дѣйствіяхъ московскихъ князей добрую услужливость, послушался сдѣланныхъ предостереженій и не только отказалъ въ просьбѣ Ольгерду, но даже самихъ пословъ литовскихъ выдалъ головою Симеону, отправивъ съ царевичемъ Тотуемъ въ Москву самого Коріята, пословъ и всю ихъ литовскую дружину [2]).

Такимъ образомъ попытка Ольгерда найдти себѣ поддержку

---

[1]) Карамз. прим. 341 къ IV.

[2]) Никон. лѣт. III. 187. Троиц. 6856 и 6857 г.

въ ордѣ, совершенно не удалась, благодаря бдительности московскаго князя; а между тѣмъ внѣшнія отношенія Литвы становились все болѣе и болѣе стѣснительными. Кромѣ постоянныхъ, враждебныхъ столкновеній съ нѣмецкимъ орденомъ, къ этому времени относятся непріязненныя отношенія съ Польшей. Вслѣдствіе мирнаго договора съ Казиміромъ, королемъ польскимъ, вся юго-западная Волынь находилась во владѣніи братьевъ Ольгерда — Любарта и Кейстутія, но въ 1349 году польскій король въ прямое нарушеніе заключеннаго условія Волынь присоединилъ къ своимъ владѣніямъ, оставивъ Любарту только Луцкъ, а прочимъ князьямъ только временное управленіе [1]). Къ этимъ политическимъ раздорамъ присоединился и религіозный вопросъ. Всѣ жители Волыни исповѣдывали православную вѣру, начавшую распространяться около этого времени и въ сѣверныхъ областяхъ, собственно литовскихъ, — правительство же короля Казиміра, подъ вліяніемъ Римскаго двора и убѣжденій папы Климента VI, всѣми средствами старалось стѣснить православіе и, наоборотъ, пропагандировать католицизмъ „и много зла христіаномъ створиша, а церкви святыя претворища въ латинское богомерское служеніе“ [2]).

При такомъ положеніи естественной опорой представлялась православная Москва. И дѣйствительно, вмѣсто непріятныхъ отношеній, чего можно было бы ожидать по случаю вмѣшательства Симеона Іоанновича у Чанибека, Ольгердъ въ 1349 г. отправилъ къ великому князю московскому посольство съ дружескими изъявленіями и предложеніями за своего брата Коріята и его дружину богатыхъ даровъ «и многое серебро отложилъ» [3]). Симеонъ Іоанновичъ дары принялъ, Коріята и его дружину отпустилъ съ изъявленіями и съ своей стороны дружескаго расположенія. Вскорѣ эти мирныя отношенія скрѣпились брачными союзами. Черезъ годъ литовскіе князья Ольгердъ и Любартъ, овдовѣвшіе въ одинъ годъ, просили у Си-

---

[1]) Наруш. Hist. narod. Polsk. VI 218. Длугом. Hist. Pol. IX. 1088.
[2]) Новгор. лѣт. 6857.
[3]) Никон. лѣт. III 187.

меона Іоанновича въ супружество его родственницъ, сначала Любартъ племянницу (сестричну), дочь князя Константина ростовскаго, а потомъ Олегердъ свояченицу (свѣсть) княжну Ульяну тверскую, дочь Александра Михайловича. Согласившись на первый бракъ, великій князь затруднился было разрѣшеніемъ второго, имѣя въ виду близость родства, а потому и спрашивалъ согласія митрополита Θеогноста. Соображая пользу, какую могла принести княжна Ульяна относительно утвержденія православія въ странѣ еще наполненной язычниками, митрополитъ не затруднился дать свое разрѣшеніе [1]). Наконецъ и проживающій въ Москвѣ Евнутій по крещеніи Іоаннъ возвратился въ Литву съ полученіемъ въ свое владѣніе города въ минской области.

Вѣроятно установившіяся мирныя отношенія не соблюдались строго съ обѣихъ сторонъ. Въ лѣтописи подъ 1352 годомъ встрѣчается извѣстіе о томъ, что великій князь ходилъ къ Смоленску съ великой ратью, съ братьей и со всѣми князьями, но подойдя къ Вышгороду (на рѣкѣ Протвѣ выше Боровска), встрѣтилъословъ отъ литовскаго князя Ольгерда со многими дарами и съ предложеніями мира. Великій князь *не оставя Ольгердова слова*, заключилъ миръ, а самъ пошелъ дальше къ Угрѣ, куда пріѣхали къ нему смоленскіе послы. Простоявъ на Угрѣ съ недѣлю и заключивъ миръ со Смоленскомъ, Симеонъ Іоанновичъ воротился въ Москву [2]). Что именно было причиной похода, лѣтопись не объясняетъ, но по совмѣстности совершенія мира съ Смоленскомъ и Литвой можно заключить о какомъ нибудь нарушеніи договора со стороны Смоленска, подъ вліяніемъ Литвы, или въ качествѣ союзника Литвы.

Изъ обзора московско-литовскихъ отношеній видимъ совершенно различный характеръ этихъ отношеній съ той и другой стороны. Насколько литовскіе князья держались политики завоевательной, старались оружіемъ расширить предѣлы своихъ владѣній, настолько въ дѣйствіяхъ московскихъ князей Калиты, и Гордаго, высказывалась простая оборонитель-

---

[1]) Ник. лѣт. III. 192. Троиц. с. 84.
[2]) П. С. Р. Л. IV. 60. Ник. лѣт. III. 195.

пая система, сдержанность, предоставляющая жизненнымъ условіямъ дѣйствовать самимъ за себя, безъ напраснаго пролитія крови. И дѣйствительно, до тѣхъ поръ, пока литовскіе князья язычники расходились въ религіозныхъ вѣрованіяхъ съ подданными христіанами, литовская власть не страшна была Москвѣ. Народъ единился съ Москвой, мѣсто пребываніемъ религіознаго главы, и для поддержанія этого единенія было достаточно однихъ только духовныхъ мѣръ. Какое вліяніе оказывала религія на отношенія Литвы, ясно видно изъ положительнаго указанія лѣтописи: Псковитяне приглашали Ольгерда быть ихъ княземъ, но съ условіемъ принятія имъ христіанской вѣры. Ольгердъ не согласился и Псковъ не могъ слиться съ Литвой. Ольгердъ при всемъ своемъ обширномъ умѣ не понялъ великаго значенія христіанства, не только не покровительствовалъ христіанамъ, какъ покойный его отецъ, напротивъ того, онъ выказывался часто суровымъ гонителемъ ихъ, чѣмъ и пользовалась московская церковь. Для примѣра беремъ слѣдующій случай.

Изъ числа приближенныхъ Ольгерда двое, Нежила и Кругленъ (Іоаннъ и Антоній), тайно исповѣдывали христіанскую вѣру. Литовскій князь долго не зналъ этого обстоятельства, но наконецъ замѣтивъ ихъ постоянное уклоненіе отъ исполненія языческихъ обрядовъ, спросилъ о причинѣ. Молодые люди объявили себя христіанами и, не смотря на настойчивыя требованія Ольгерда, не согласились на отреченіе. Сначала ихъ заключили въ темницу, потомъ били и мучили и наконецъ повѣсили. Такимъ же истязаніямъ и такой же казни подвергнулся и третій христіанинъ Евстафій. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ совершенія казни, московскій митрополитъ Алексѣй причислилъ этихъ трехъ мучениковъ къ числу святыхъ и установилъ совершать ихъ память 14 Апрѣля, не обративъ вниманія на непродолжительность времени отъ совершенія событія и не снѣсясь въ такомъ важномъ обстоятельствѣ съ патріархомъ Цареградскимъ. Въ такомъ поспѣшномъ дѣйствіи митрополита нельзя не видѣть, кромѣ религіозной ревности, и политической стороны: поддержанія тѣс-

наго единенія съ Москвой и твердаго противодѣйствія литовской княжеской власти.

Смоленскій походъ Симеона, какъ и такой же походъ Калиты, точно также оказался послѣднимъ актомъ дѣятельности князя по отношенію къ внѣшнимъ событіямъ княжества. Великій князь Симеонъ Іоанновичъ Гордый умеръ 26 Апрѣля 1353 года.

ГЛАВА VII.

Симеонъ Іоанновичъ Гордый. Его смерть. Состояніе московскаго княжества и причины его возвышенія.

Въ послѣдніе годы княженія Симеона почти во всѣхъ русскихъ княжествахъ свирѣпствовала страшная моровая язва, извѣстная подъ именемъ *черной смерти*. Болѣзнь начиналась появленіемъ желѣзъ въ сгибахъ членовъ, на мягкихъ мѣстахъ, потомъ человѣкъ начиналъ харкать кровью и черезъ два или три дня умиралъ. Моровое повѣтріе началось на востокѣ въ ордѣ, въ Орлачѣ (при устьи Дона), въ Сараѣ и въ Бездежѣ, распространилось по сосѣднимъ областямъ и произвело страшное опустошеніе у Бесерменъ (Хивинцевъ), Татаръ, Ормянъ (Армянъ), у Обезы (Абазинцевъ), Жидовъ и у Фрязъ (генуезцевъ и венеціанцевъ). Завезенная въ западную Европу торговыми кораблями, язва обошла Англію, гдѣ въ одномъ Лондонѣ умерло до 50 тысячъ жителей, Францію, Италію и Германію, оставляя позади себя вмѣсто многолюдныхъ городовъ почти пустыни. Изъ Швеціи болѣзнь перешла въ Псковъ и Новгородъ. Въ Псковѣ появился моръ весною 1352 г., по свидѣтельству лѣтописца [1]) на цвѣтной недѣлѣ, и продолжался все лѣто до самой осени, „уже предъ зимою преста“. О количествѣ умершихъ конечно въ тѣ времена никакихъ свѣдѣній не могло быть, но что опустошеніе было страшное, это можно видѣть изъ описанія лѣтописца: „Попове не можаху проводити по единому изъ дворовъ, по веляху ко-

---

[1]) Псков. Лѣт. 6860 г.

муждо своя мертвыя на церковныя дворы приводити и всѣмъ единъ проводъ отпѣваху... тако полагаху по трое или по пяти головъ во единъ гробъ". [1])

По уменьшеніи смертности въ Псковѣ, зараза развилась въ Новгородѣ, гдѣ съ 15 Августа въ продолженіи всей зимы до Пасхи унесла множество жертвъ. Одновременно съ Новгородомъ язва свирѣпствовала и въ южныхъ русскихъ предѣлахъ кіевской и черниговской областяхъ. Лѣтописи разсказываютъ о смертности въ смоленской и суздальской областяхъ, говорятъ о неимовѣрной смертности въ Глуховѣ и Бѣлозерскѣ, но нѣтъ положительнаго упоминанія о смертности въ Москвѣ, хотя дѣйствія ея тамъ не подлежатъ никакому сомнѣнію. 11-го Марта 1353 г. умеръ въ Москвѣ митрополитъ Ѳеогностъ, за нимъ черезъ нѣсколько дней умерли сыновья великаго князя Іоаннъ и Симеонъ, самъ великій князь умеръ 26 Апрѣля (тридцати шести лѣтъ отъ роду), а черезъ шесть недѣль младшій братъ великаго князя, Андрей. [2])

Смерть митрополита Ѳеогноста не была чувствительной потерей для русской церкви. Чуждый по рожденію и воспитанію (грекъ), онъ вполнѣ слѣдовалъ въ политическихъ движеніяхъ тому направленію, которое далъ московской церкви его знаменитый предшественникъ: вездѣ и во всемъ оказывался вѣрнымъ сотрудникомъ и исполнителемъ намѣреній московскихъ князей, сначала отца, Калиты, а потомъ сына, Симеона. Слабый здоровьемъ и не совсѣмъ знакомый съ русскимъ языкомъ (сохранились его официальныя письма, подписанныя имъ по гречески [3]), онъ внутреннее управленіе дѣлами церкви совершенно ввѣрилъ достойному представителю русскаго духовенства, прославленному угоднику Алексѣю, дѣятельность котораго, какъ преемника митрополита, имѣла неоспоримо громадное вліяніе и на церковныя и на княжескія отношенія того времени. Какимъ вліяніемъ обладалъ Святитель Алексѣй можно видѣть изъ того, что Симеонъ

---

[1]) Карамз. прим. 357 къ VI т.
[2]) Никон. Лѣт. III. 201.
[3]) Карамз. прим. 362 къ IV т.

Іоанновичъ въ завѣщаніи своемъ поручаетъ братьямъ слушаться совѣтовъ Алексѣя, хотя тотъ въ то время не былъ еще митрополитомъ московскимъ.

Митрополитъ Алексѣй, старшій сынъ черниговскаго боярина Ѳедора Бяконта, родоначальника дворянскаго рода Плещеевыхъ, родился въ Москвѣ около 1293 года и при крещеніи названъ Елевѳеріемъ. [1]) Съ юныхъ лѣтъ въ мальчикѣ замѣтна была наклонность къ созерцательной жизни; онъ былъ молчаливъ, задумчивъ, постоянно удалялся отъ дѣтскихъ игръ и охотнѣе читалъ, какъ только выучился грамотѣ, священныя книги. Это чтеніе развило въ немъ религіозное стремленіе и возбудило желаніе посвятить себя служенію Богу поступленіемъ въ монашеское званіе. Двадцати лѣтъ онъ вошелъ въ московскій богоявленскій монастырь и при постриженіи получилъ имя Алексѣя. Строгая монашеская жизнь еще болѣе утвердила въ немъ высокія христіанскія истины. Двадцать лѣтъ онъ пробылъ въ богоявленскомъ монастырѣ и въ это время изучилъ греческій языкъ настолько, что могъ сличать славянскій переводъ священныхъ книгъ съ греческимъ подлинникомъ и дѣлать значительныя исправленія, которыя впослѣдствіи послужили очень важнымъ пособіемъ при позднѣйшемъ исправленіи славянской библіи. Въ чудовомъ монастырѣ хранится и въ настоящее время Евангеліе, исправленное имъ, которое въ дни посвященные его памяти выносится во время литургіи.

Высокія достоинства инока Алексѣя, а главное знаніе имъ греческаго языка, не могли не обратить на себя вниманіе митрополита Ѳеогноста, родомъ грека. Оцѣнивъ достоинства Алексѣя, митрополитъ поручилъ ему управленіе церковными судами, имѣвшими тогда еще болѣе широкую юрисдикцію. Исправленіе этой обязанности заставило Алексѣя узнать во всей подробности истинное состояніе русской церкви. Затѣмъ пребываніе въ богоявленскомъ монастырѣ имѣло еще другое, не менѣе важное значеніе, оно познакомило его съ другимъ знаменитымъ дѣятелемъ русской церкви—Сергіемъ Радонеж-

---

[1]) Степен. кн. I. 444.

скимъ, котораго старшій братъ Стефанъ былъ настоятелемъ монастыря. Единство духа и стремленій сблизило Алексѣя и Сергія и ихъ дружба продолжалась во всю ихъ жизнь.

Митрополитъ Ѳеогностъ желалъ имѣть Алексѣя своимъ преемникомъ. Съ этою цѣлью сначала онъ посвятилъ его въ 1352 въ епископы владимірской эпархіи, а потомъ, вслѣдъ затѣмъ, съ послами Артеміемъ Воробьинымъ и Михаиломъ грекомъ отправилъ въ Константинополь къ патріарху письмо съ просьбою не назначать въ русскіе митрополиты никого кромѣ Алексѣя. Съ этою же просьбою отправились послы Дементій Давидовичъ и Юрій Воробьинъ отъ великаго князя къ императору Іоанну Кантакузину. Согласно этихъ просьбъ патріархъ вызвалъ къ себѣ Алексѣя, а между тѣмъ въ это время умерли Ѳеогностъ и великій князь московскій. [1])

Послѣдующая дѣятельность Алексѣя въ достоинствѣ московскаго митрополита, дѣятельность, полная пастырскихъ и политическихъ заботъ, принадлежитъ уже къ послѣдующему княженію, ко второй половинѣ XIV столѣтія. Сущность учсніія и направленія достойнаго Іерарха ясно выражаются въ его пастырскихъ окружныхъ посланіяхъ и наставленіяхъ. Такъ, въ одномъ изъ этихъ посланій, онъ, напоминая притчу Спасителя о сѣятелѣ, увѣщеваетъ быть землею доброю для принятія истиннаго слова Божія, Евангелія, и для принесенія плода духовнаго въ тридцать, шестьдесятъ и во сто кратъ. Далѣе въ посланіи своемъ онъ говоритъ; вспоминаю вамъ, дѣти, слова Спасителя ученикамъ своимъ: заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга: посему узнаютъ, что вы ученики мои, если сохраните между собою любовь. Когда приходите въ церковь, имѣйте со всѣми миръ и со всѣми любовь и т. д.

Сотоварищъ Святителя Алексѣя, знаменитый основатель Троицко-Сергіевской Лавры, преподобный Сергій (по свѣтскому имени Варѳоломей) [2]) родился въ 1314 году въ Ростовѣ отъ родителей боярскаго рода, хотя и недостаточныхъ. Рано, съ семи лѣтъ, ребенка начали учить грамотѣ, но первые опыты

---

[1]) Новгор. Лѣт. 6860 г.
[2]) Никон. Лѣт. IV 203.

не обнаружили блестящихъ способностей ученика, но зато доказали его прилежаніе и врожденную стойкость. Съ продолженіемъ ученія въ ребенкѣ начали развиваться способности и наклонность къ чтенію единственно бывшихъ въ то время книгъ священнаго писанія; это чтеніе повліяло на его впечатлительный умъ, совершенно отвлекло отъ свойственныхъ возврасту дѣтскихъ игръ и развило до крайней степени созерцательное настроеніе. Черезъ нѣсколько лѣтъ семейство Варооломея должно было по домашнимъ обстоятельствамъ переселиться въ Радонежъ, поселеніе близъ Москвы, въ удѣлѣ брата Симеона, Андрея Іоанновича, гдѣ и разъединилось; старшіе братья поженились, а Варѳоломей пожелалъ поступить въ монашество. Однако, желаніе его тогда не исполнилось по несогласію родителей и только со смертью послѣднихъ юноша вполнѣ отдался своему влеченію, отказался отъ наслѣдства въ пользу младшаго брата и ушелъ для житья въ пустынныя мѣстности. Тамъ присоединился къ нему старшій братъ Стефанъ, инокъ изъ Хотькова монастыря, куда поступилъ послѣ смерти жены. Вмѣстѣ оба брата поселились среди густаго лѣса въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Радонежа, сначала изготовили себѣ шалашъ изъ хвороста и листьевъ, потомъ поставили келью и, наконецъ, срубили маленькую деревянную церковь во имя Св. Троицы. Изъ этого-то скуднаго, скрытаго отъ міра жилья образовалась наша знаменитая Лавра.

Вскорѣ послѣ освященія церкви Стефанъ ушелъ въ Москву, гдѣ и поступилъ въ Богоявленскій монастырь. Съ уходомъ брата еще труднѣе стало жить оставшемуся одинокому отшельнику, которому тогда пошелъ 24-й годъ, слѣдовательно та пора, когда полное развитіе физическихъ силъ неодолимо увлекаетъ къ удовольствіямъ жизни. Но молодой отшельникъ поборолъ чувственныя страсти, и, получивъ постриженіе съ именемъ Сергія, продолжалъ неутомимо нести тяжкіе труды. Слухъ о святой жизни отшельника не могъ не распространиться по окрестности; къ нему стали приходить за благословеніемъ, совѣтомъ и наставленіемъ. Стали приходить и люди, пожелавшіе раздѣлить съ нимъ опасности отшельнической жизни и въ самомъ непродолжительномъ вре-

мени собралось около него до двѣнадцати братій. Потребовалась организація новаго братства и назначеніе игумена или настоятеля. По общему выбору и по распоряженію мѣстнаго епископа Сергій посвященъ былъ игуменомъ новаго духовнаго общества.

Между тѣмъ слава о Радонежскомъ подвижникѣ распространялась все болѣе и болѣе; къ нему прибѣгали издалека, со всѣхъ сторонъ люди всѣхъ состояній: княжескаго, боярскаго и чернаго рода; даже духовные предпочитали жизнь полную лишеній и опасности около него своей обезпеченной и болѣе спокойной. Такъ архимандритъ Симеонъ, оставивъ свой монастырь въ Смоленскѣ, перешелъ къ Сергію, какъ простой послушникъ. Константинопольскій Патріархъ прислалъ ему крестъ, параманду и схиму. Но при всей своей духовной, созерцательной жизни и при всемъ отреченіи отъ міра Сергій не чуждался общественныхъ дѣлъ, бывалъ совѣтникомъ князя въ политическихъ вопросахъ, иногда принималъ на себя исполненіе порученій князя, иногда своимъ посредничествомъ предупреждалъ и умиротворялъ княжескія столкновенія. Хотя политическое участіе болѣе проявилось въ княженія брата и племянника Симеона, но тѣмъ не менѣе его значеніе обнаруживалось и при самомъ Симеонѣ. Московское духовенство стояло во главѣ Руси и не столько своимъ внѣшнимъ положеніемъ, сколько своимъ нравственнымъ, духовнымъ вліяніемъ. Примѣръ и ученія такихъ Святителей, каковы были митрополитъ Петръ, митрополитъ Алексѣй и Сергій Радонежскій воспитали послѣдующій рядъ выдающихся лицъ каковы были: Кириллъ Бѣлозерскій (1337 — 1427), Стефанъ просвѣтитель Перми (1340 — 139), Іона Новгородскій и друг. Есть даже извѣстіе, что изъ сыновей Симеона Гордаго, одинъ будто, оставшійся въ живыхъ, отказался отъ міра и сдѣлался юродивымъ подъ именемъ Михаила Клопскаго.

Отношенія митрополита къ великому князю и при Симеонѣ Гордомъ оставались тѣми же, какъ и при Калитѣ. Духовенство дѣятельно поддерживало авторитетъ князя и не протестовало даже и тогда, когда въ дѣйствіяхъ московскаго князя проявлялось прямое нарушеніе правилъ каноническихъ,

какъ это видимъ напримѣръ въ дѣлѣ супружества Симеона Гордаго. Извѣстно, что Симеонъ былъ женатъ три раза: въ первый разъ, еще при жизни отца, на сестрѣ Ольгерда, Анастасіи, умершей вскорѣ послѣ смерти Калиты въ Черницахъ и схимѣ (положена въ Кремлевской церкви Преображенія), во второй разъ, въ 1345 году, на дочери какого-то смоленскаго князя Ѳедора Святославича, Евпраксіи, а въ третій въ 1347 году, послѣ развода съ Евпраксіей, на Тверской княжнѣ Маріѣ, дочери Александра Михайловича. Строго говоря, третій бракъ не могъ бы быть совершенъ, такъ какъ разводъ второго брака состоялся неправильно. Что супружество съ Евпраксіей совершилось по желанію Симеона, въ этомъ не можетъ возникнуть никакого сомнѣнія, какъ по несуществованію принудительныхъ причинъ, по крайней мѣрѣ со стороны Симеона, такъ и по расположенію, которое оказывалъ московскій князь отцу Евпраксіи, перезвавъ его къ себѣ и отдавъ ему вотчину *Волокъ совсѣмъ*. Причину развода источники объясняютъ различно; по однимъ объясняется испорченностью княгини на свадьбѣ: ляжетъ съ великимъ княземъ и она ему покажется мертвецъ, по другимъ же порожденіемъ дѣтей [1]). Какъ бы то нибыло, но великій князь отослалъ жену свою обратно къ отцу и велѣлъ отдать ее замужъ—вслѣдствіе чего князь Ѳедоръ и выдалъ ее за Ѳедора за краснаго, за большаго Фоминскаго, отъ котораго она имѣла 4-хъ сыновей. Сравнивъ оба извѣстія нетрудно видѣть причину развода въ тайной склонности княгини къ другому и можетъ быть къ этому же большому Фоминскому. Но если причина развода казалась основательною самимъ супругамъ, то тѣмъ не менѣе она не была законной и самъ лѣтописецъ, говоря о третьемъ супружествѣ, прибавляетъ, что князь «преступи законъ Божій». Однако, не смотря на это нарушеніе закона Божія, со стороны духовенства не встрѣтилось никакого явнаго протеста.

Симеонъ Іоанновичъ имѣлъ 6 сыновей, изъ которыхъ четверо Василій, Константинъ, Михаилъ и Даніилъ умерли задолго до смерти отца, а двое Симеонъ и Іоаннъ въ Мартѣ

---

[1]) Никон. Лѣт. III. 181. Рус. Врем. I. 173.

1353 года на одной недѣлѣ съ митрополитомъ Ѳеогностомъ и мѣсяцемъ ранѣе отца [1]). Слѣдовательно, въ моментъ смерти Гордаго, въ живыхъ изъ многочисленнаго княжескаго семейства осталось только вдова и двое братьевъ Іоаннъ и Андрей, изъ которыхъ послѣдній тоже вскорѣ умеръ.

Умирая 36 лѣтъ въ схимѣ подъ именемъ Созонта, великій князь оставилъ духовное завѣщаніе [2]), въ которомъ высказаны распоряженія точно такія же, какъ и въ завѣщаніи Калиты, съ тою разницею, что въ духовной Симеона выражено болѣе нѣжной заботливости о любимой молодой женѣ. Всѣ завѣщательныя распоряженія Симеона, какъ и отца его, имѣютъ характеръ распоряженій собственника, распоряженій вотчинныхъ. Послѣ обычнаго религіознаго обращенія и заявленія о своей правоспособности (цѣлымъ умомъ) завѣщаніе говоритъ: даю рядъ своей княгинѣ: велѣлъ есмь у нее быти своему дядѣ Василью. А по Бозѣ приказываю своей братьѣ, князю Ивану и князю Андрею свою княгиню и своего... и свои бояре; положилъ есмь на Бозѣ и на васъ на своей братьи, тако имени блюсти *по нашему докончанью, како тогды мы цѣловали крестъ* у отця гроба». Затѣмъ, исчисляя города, волости и села, какъ предоставленные ему покойнымъ отцемъ, такъ и купленные имъ самимъ, а также и движимое имущество, великій князь отказалъ женѣ своей: «то есмь все далъ своей княгинѣ». Далѣе встрѣчается весьма знаменательное выраженіе, указывающее на существованіе различія между великимъ княженіемъ и московскимъ: „а что будп судимъ когда великомъ княженьѣ *и вотчинѣ своей на Москвѣ*“... Наконецъ, послѣ распоряженія объ отпускѣ на свободу людей дѣловыхъ, прикупленныхъ, тіуновъ, посельскихъ, ключниковъ и старостъ въ заключеніи завѣщанія говорится: «а все есмь ее положилъ на Бозѣ, и на своей братьѣ на князѣ на Иванѣ и на князѣ на Андреѣ. А по отца нашего благословенью, что намъ приказалъ жити за одинъ; тако же и азъ вамъ приказываю своей братьи жити за одинъ; а кихъ бы есте лю-

---

[1]) Никон. Лѣт. III. 201.
[2]) С. Г. Г. и Д. I. и 24.

дей не слушали, и хто имѣть васъ сважывати, слушали бы есте отца нашего Владыки Олексѣя, также старыхъ бояръ, хто хотѣлъ отцю нашему добра „и намъ». Въ концѣ же духовной высказывается цѣль его составленія и мѣра огражденія: «А пишу вамъ се слово того дѣля, *чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша,* и свѣча бы не угасла. А хто сію грамоту иметь рушити судить ему Богъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ». [1])

Очевидно всѣ распоряженія имѣютъ характеръ распоряженій вотчинныхъ, распоряженій собственника, хозяина, но не государя. Прочитавъ его со вниманіемъ, можно было бы предположить, или что было другое завѣщаніе, касающееся если не собственно великаго княжеста, то княжества московскаго, или что престолонаслѣдіе было обставлено правилами, потребовавшими, по твердости своей, новыхъ подтвержденій. Но ни того, ни другаго не было. Единственное указаніе на опредѣленіе княжескихъ отношеній заключается въ ссылкѣ на докончанье (договоръ 1341 года) или, лучше сказать, на завѣщаніе Іоанна Калиты, такъ какъ докончанье служитъ только исполненіемъ того завѣщанія. А между тѣмъ въ завѣщаніи Калиты высказано было только: «приказываю дѣтямъ своимъ вотчину Москву,» точно также, какъ и нынѣ всякій добрый отецъ семейства приказываетъ одну часть имѣнія, болѣе цѣнную, въ общее владѣніе дѣтямъ, а другую часть назначаетъ въ раздѣлъ. Что же касается до условій въ докончаньи имѣть младшимъ братьямъ врагами и друзьями тѣхъ, которые друзья или враги старшему брату и выступать въ походъ по распоряженію старшаго брата, то и въ этихъ статьяхъ, при разсмотрѣніи ихъ съ предшествующими и послѣдующими мѣстами договора, нельзя не видѣть условій членовъ дружнаго, крѣпко любящаго другъ друга семейства, именно такого семейства, какимъ съумѣлъ воспитать умный Калита. Доказательствомъ этой мысли служитъ заботливость братьевъ о томъ, чтобъ не держать другъ на друга никакого нелюбья и въ отсутствіи всякихъ мѣръ, которыя служили бы

---

[1]) С. Г. Г. и Д. т. I. ст. 37.

къ огражденію установленныхъ условій, что было бы совершенно необходимо при политическомъ характерѣ условій.

Княженіе Симеона Іоанновича, продолжавшееся около 12 лѣтъ, составляетъ продолженіе во всѣхъ отношеніяхъ княженія отца его. Таже не любовь къ ратнымъ дѣламъ и ко всякаго рода рискованнымъ, рѣшительнымъ дѣйствіямъ, тоже стремленіе къ увеличенію своихъ доходовъ, къ пріобрѣтенію покупками и вообще всякими способами селъ и волостей, даже въ другихъ княжествахъ и тоже унизительное заискиваніе въ ордынцахъ. Симеонъ, какъ уже было сказано, нѣсколько разъ былъ въ ордѣ и каждый разъ, по выраженію лѣтописцевъ, возвращался отъ хана съ великой честью. При немъ, точно также какъ и при Калитѣ, московскій народъ не зналъ ордынскихъ посланцевъ (хотя въ 1347 году и находился въ Москвѣ татарскій посолъ Кога, но въ лѣтописяхъ не упоминается о сдѣланныхъ имъ насиліяхъ) и, слѣдовательно, могъ безбоязненно отдаваться производительному труду. Промышленность развилась, а ея развитіе обусловило развитіе торговли, какъ внутренней, такъ и внѣшней по прежнимъ путямъ на западѣ черезъ Новгородъ, на югѣ съ греками и на югѣ-востокѣ съ ордынцами. Какъ дѣятельны были торговыя сношенія, можно видѣть уже и изъ того, что братское докончанье и завѣщаніе Симеона написаны на *бумагѣ*, бывшей въ то время большой рѣдкостью даже на западѣ.

При Симеонѣ встрѣчаются въ Москвѣ и собственные, доморощенные художники. Въ 1344 году [1]) расписаны были двѣ каменныя церкви св. Богородицы и св. Михаила: въ первой работали греки, писцы митрополита Ѳеогноста, а во второй русскіе писцы князя Великаго Симеона Ивановича «въ нихъ же бѣ старѣйшины и начальницы иконописцемъ: Захарія, Іосифъ, Николай и прочая дружина ихъ». Въ слѣдующемъ 1345 г. расписывалась церковь св. Спаса казною и велѣніемъ великой княгини Анастасьи мастеромъ, старѣйшиной иконописцевъ, Гейтаномъ, о которомъ въ Никоновской лѣтописи говорится: начальницы были русскіи родомъ, а греческіи учє-

[1]) Троиц. лѣт. 6852.

ницы Гейтанъ и Семенъ и Иванъ». Затѣмъ въ слѣдующемъ 1346 г. упоминается о знаменитомъ литейщикѣ Борисѣ, слившемъ три большіе колокола и два малыхъ. Объ этомъ Борисѣ упоминаетъ и Новгородская лѣтопись подъ 1342 годомъ: Владыка Василій повелѣ сліяти колоколъ великъ къ св. Софіи и приведе мастеры съ Москвы человѣка добра, именемъ Бориса.

Гордый умеръ рано, 36 лѣтъ, слѣдовательно, до наступленія еще того возраста, когда страсти уступаютъ мѣсто холодному разуму, но не смотря на такія лѣта, во всѣхъ дѣйствіяхъ его видны холодная расчетливость и осторожность. Почему именно ему дано было названіе Гордаго, — по не имѣнію положительнаго факта, свидѣтельствующаго объ его надмѣнности, кромѣ извѣстія Татищева объ оскорбительномъ его обращеніи съ Новгородцами,—опредѣлить трудно. Вѣроятно, сознавая свою силу, онъ въ сношеніяхъ съ князьями поступалъ самостоятельно и требовалъ безусловнаго повиновенія. Въ отношеніяхъ же братскихъ онъ постоянно выказывалъ сердечную привязанность. Наконецъ, изъ его характеристики необходимо упомянуть еще объ одной чертѣ, которой лѣтописцы придавали особенную важность—это трезвость, не употребленіе никакого вина, въ чемъ лѣтописцы находили начало мудрости.

Говоря о характеристикѣ, кстати вспомнить мнѣніе о московскихъ князьяхъ нашего заслуженнаго ученаго, С. М. Соловьева. „Всѣ они (московскіе князья) похожи другъ на друга, въ ихъ *безстрастныхъ* лицахъ трудно уловить историку характеристическія черты каждаго; всѣ они заняты одною думою, всѣ идутъ по одному пути, *идутъ медленно*, осторожно, но постоянно неуклонно; каждый ступаетъ шагъ впередъ передъ своимъ предшественникомъ, каждый приготовляетъ для своего преемника возможность ступить еще шагъ впередъ". Съ этимъ мнѣніемъ невозможно согласиться. Нельзя назвать безстрастною личность Даніила Московскаго, энергически домогавшагося признанія за Москвою значенія великаго княжества и принимавшаго дѣятельное участіе въ борьбѣ братьевъ Андрея и Дмитрія Александровичей, еще менѣе безстрастенъ Юрій Даниловичъ, котораго все княженіе наполнено неутомимой

борьбой, веденной съ страстнымъ увлеченіемъ, нельзя точно также назвать безстрастными и нехарактеристичными лицами Іоанна Калиту и Симеона Гордаго, хотя ихъ княженія, продолжавшіяся оба совокупно только около 24 лѣтъ, не ознаменованы никакими разными чертами, несвойственными тогдашнему складу московской жизни. Да исторіку и не нужно крупныхъ событій для характеристики историческихъ лицъ. При внимательномъ изученіи памятниковъ въ данной эпохѣ народной жизни, во всѣхъ ея проявленіяхъ, самый ничтожный фактъ, самый неясный намекъ лѣтописнаго извѣстія одѣваетъ историческую личность плотью и кровью. Нельзя согласиться также и съ заключеніемъ о медленности дѣйствій московскихъ князей. О медленности не можетъ быть и рѣчи при существованіи факта развитія Москвы изъ простаго бѣднаго населенія въ великое княжество съ преобладающимъ значеніемъ въ какіе нибудь пол-вѣка. Если же эти дѣйствія князей были осторожны, если они не сопровождались кровавыми народными жертвами, если они были результатомъ чуткаго пониманія народной жизни и ея потребностей, то тѣмъ болѣе безспорно они заслуживаютъ вниманія историка.

Не смотря на полное отсутствіе крупныхъ, внѣшнихъ явленій, первая половина XIV столѣтія представляется намъ весьма важнымъ историческимъ моментомъ. Въ сѣверо-восточной Руси въ этотъ моментъ выдвинулось княжество, ставшее въ короткое время въ главѣ Руси и выработавшее въ себѣ тѣ жизненныя силы, которыя въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ привели къ государственному строю. Съ этого момента исторія этого княжества становится исторіей Россіи. Какія же были причины такого возвышенія? Почему именно Москвѣ, а не другому какому либо княжеству выпала счастливая доля сдѣлаться фокусомъ всѣхъ русскихъ интересовъ? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ лежитъ въ содержаніи изложенныхъ событій, въ должномъ освѣщеніи каждаго изъ этихъ событій въ отдѣльности и въ ихъ взаимномъ отношеніи другъ къ другу, въ правдивомъ представленіи значенія ихъ и смысла, именно того значенія и смысла, какое имѣли въ себѣ лѣтописныя

извѣстія и, наконецъ, въ представленіи, по возможности, отрѣшеннымъ отъ всякой предвзятой идеи.

Вопросъ о причинахъ возвышенія Москвы занималъ многихъ, изъ нашихъ историковъ: Карамзина, Полеваго, Погодина, Каченовскаго, Соловьева и друг. и каждымъ изъ нихъ сказано вѣское слово. Но отдавая должную справедливость ихъ учености и проницательности, нельзя не замѣтить то неправильности, то односторонности въ освѣщеніи ими разсматриваемаго предмета, отчего значеніе нѣкоторыхъ фактовъ или оставлено въ тѣни, или получило невѣрные размѣры. Карамзинъ приписываетъ возвышеніе Москвы ордѣ. Онъ говоритъ: „могло пройдти еще сто лѣтъ и болѣе въ княжескихъ междоусобіяхъ: чѣмъ заключились бы оныя, вѣроятно, погибелью нашего отечества: Литва, Польша, Венгрія, Швеція могли бы раздѣлить оное: тогда мы утратили бы и государственное бытіе и вѣру, которыя спасены Москвою: Москва же обязана своимъ величіемъ ханамъ“ [1]). Освѣтивъ такимъ образомъ одну сторону княжескихъ отношеній, сторону хотя и весьма важную, но далеко не единственную и особенно вліятельную, нашъ исторіографъ оставилъ въ тѣни полунеясными другія, болѣе существенныя явленія народной жизни, не обратилъ вниманія ни на значеніе служилаго сословія, ни на значеніе духовенства и, наконецъ, не придалъ даже должнаго вѣса силѣ народнаго духа.

Покойный академикъ Погодинъ объясняетъ возвышеніе Москвы счастливымъ стеченіемъ благопріятныхъ для нея обстоятельствъ и, наоборотъ, неблагопріятныхъ для враговъ ея. „Всѣ болѣзни, по мнѣнію Погодина, посылались на Москву не вдругъ, а какой-то чередой, когда уже готовы для нихъ были врачеванія“. Въ числѣ этихъ счастливыхъ обстоятельствъ полагаются и существованіе такихъ первыхъ князей, какъ Іоаннъ Калита, выбравшихъ своей резиденціей Москву, и положеніе послѣдней въ средоточіи всѣхъ важныхъ княжествъ того времени, и принятіе московскими князьями на себя обязанности сборщиковъ ханской дани, и заслуги московской

---

[1]) П. Г. Р. т. V. гл. IV.

аристократіи и, наконецъ, самая смерть, отстранившая поводъ къ междоусобію московскихъ князей [1]). Взглядъ покойнаго академика шире и многостороннѣе, но онъ далеко не обнимаетъ собою всей сущности вопроса. Такъ въ изложенномъ исчисленіи счастливыхъ обстоятельствъ совершенно пропущено вліяніе духовенства, тогда какъ оно, составляя самую интеллигентную часть народа того времени, стояло во главѣ и не могло не имѣть вліянія на судьбу его. При томъ счастливость и несчастливость предполагаетъ понятіе случайности, а въ исторіи не можетъ быть случайныхъ обстоятельствъ; точно также странно встрѣтить въ ряду счастливыхъ обстоятельствъ самихъ факторовъ народной жизни.

Мнѣніе профессора Каченовскаго изложено въ статьѣ ученика его Станкевича о причинахъ постепеннаго возвышенія Москвы до смерти Іоанна III [2]). По основному мнѣнію этого ученаго возвышеніе Москвы главнымъ образомъ произошло отъ географическаго ея положенія. Занимая центральное положеніе между сѣверомъ и югомъ и разъединяя силы независимыхъ княжествъ, Москва расширялась изъ центра къ окружности, постепенно присоединяя къ себѣ сосѣднія владѣнія и образуя такимъ образомъ московское государство. Затѣмъ этому основному условію содѣйствовали, какъ полагаетъ Каченовскій, и другія вліянія, къ которымъ онъ относитъ: вліяніе монголовъ, духовенства и политику первыхъ московскихъ князей. Особенное достоинство взгляда профессора Каченовскаго состоитъ въ томъ, что онъ, кажется, первый у насъ обратилъ вниманіе на возможность вліянія природы, на историческую жизнь народа, но въ изслѣдованіи Станкевича замѣчается весьма важная неполнота въ игнорированіи вліянія московской аристократіи.

Однимъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ нашей исторіи до сихъ поръ служитъ вопросъ о степени вліянія ордынцевъ вообще на русскую жизнь, въ особенности на усиленіе самодержавія, а слѣдовательно и на усиленіе Москвы. По этому

---

[1]) Историко-критич. отрыв. о Москвѣ 133—159. Очерк. Рус. Ист. 26.
[2]) Учен. зап. Москов. Универ. 1834 г. 1.

поводу существуютъ два мнѣнія, діаметрально противуположныя. По мнѣнію однихъ историковъ (С. М. Соловьевъ) татары не способны были имѣть, и, дѣйствительно, не имѣли никакого вліянія на русскую государственную жизнь, подобно тому, какъ не имѣли вліянія предшественники ихъ—половцы [1]). По мнѣнію же другихъ (Н. И. Костомаровъ) [2]) вліяніе татаръ напротивъ было рѣшительное и глубокое, вложивъ въ русскую жизнь идею самодержавія, осуществленную московскою княжескою властью, прототипомъ которой послужила власть ханская. Оба мнѣнія по увлеченіямъ къ крайностямъ ошибочны. Не отрицая вліянія орды въ ослабленіи самостоятельности народа, земства, о чемъ будетъ подробно сказано ниже,—нельзя согласиться вмѣстѣ съ тѣмъ и со сторонниками ордынцевъ. Антагонизмъ русскихъ и татаръ, несогласныхъ ни характеромъ, ни вѣрой, постоянно поддерживался угнѣтательнымъ образомъ дѣйствій послѣднихъ и уже вслѣдствіе одного этого обстоятельства не могъ внести въ русскую жизнь прототипа власти.

Взглядъ извѣстнаго нашего ученаго, С. М. Соловьева, относительно причинъ возвышенія московскаго княжества, отличается большею разносторонностью и ефектностью. Собственно этотъ предметъ не былъ цѣлью его спеціальнаго изслѣдованія, но онъ составлялъ необходимую часть его исторіи отношеній князей Рюрикова дома. Характеризуя бытъ русскихъ княжествъ до Андрея Боголюбскаго господствомъ родовыхъ отношеній, почтенный профессоръ открываетъ въ развитіи Москвы стремленіе выдвинуть государственныя отношенія на мѣсто ослабѣвшаго родоваго быта, поставить князей другихъ русскихъ княжествъ изъ родичей на ступень подручниковъ. Причисляясь къ городамъ новымъ, въ которыхъ, въ противуположность городамъ старымъ, явилось новое понятіе о собственности и отдѣльномъ владѣніи, Москва подобно всѣмъ другимъ новымъ городамъ стремилась увеличиться и усилиться всѣми возможными способами. Что это стремленіе у мо-

---

[1]) Бестужевъ-Рюминъ, Рус. ист. I. 278.

[2]) „Начало единодержавія въ др. Руси“ истор. моп. и изслѣд. т. XII.

сковскихъ князей оказалось не только болѣе плодотворнымъ и результатнымъ, но даже дѣйствительно подавляющимъ по отношенію къ сосѣднимъ княжествамъ, этому обстоятельству, по мнѣнію ученаго профессора, способствовали многія общія и исключительныя условія, къ которымъ онъ относитъ: территоріальное положеніе Москвы, умную политику первыхъ московскихъ князей, ихъ расчетливость и хозяйскую способность, вліяніе духовенства, благопріятныя отношенія монголовъ и дѣятельность бояръ. Всѣ эти условія, въ особенности участіе бояръ обслѣдованы съ тою ясностью и логической послѣдовательностью выводовъ, которыми вообще отличаются труды этого ученаго. Но при всѣхъ этихъ капитальныхъ достоинствахъ изслѣдованія С. М. Соловьева имѣютъ характеръ увлеченія. Выставляя на первый планъ родовое начало и неутомимо слѣдя за нимъ въ княжескихъ отношеніяхъ, единственно доступныхъ обслѣдованію, онъ не обратилъ должнаго вниманія на внутреннюю народную жизнь и упустилъ изъ вида другія стороны общественнаго быта, между тѣмъ, какъ по нашимъ лѣтописнымъ извѣстіямъ княжескія отношенія составляютъ собою отдѣльныя явленія, не составляющія типа общественнаго строя того времени. Притомъ же самая теорія городовъ старыхъ и новыхъ еще не окончательно выяснена и доказана.

Возвышеніе Москвы составляло продуктъ предшествующей исторической жизни, естественное явленіе, въ которомъ, какъ и въ каждомъ естественномъ явленіи, не могло быть ничего удивительнаго, не могло быть никакихъ случайныхъ счастливыхъ обстоятельствъ. Наши лѣтописи рисуютъ состояніе славянскихъ волостей, до вторженія татаръ, въ постоянной борьбѣ внутреннихъ элементовъ, такъ какъ отношенія этихъ элементовъ оставались неопредѣленными, безъ органическаго строя. Вѣче, изображая высшій законодательный и правительственный органъ, безпрерывно сталкивалось съ княжеской властью, которая, обладая судебною, полицейскою и военными частями, не могла не выходить изъ неопредѣленныхъ и неясныхъ предѣловъ своего вѣдѣнія. Ряды, заключаемые вѣчемъ съ княжеской властью, при отсутствіи положительныхъ и обязатель-

ныхъ началъ, не могли, конечно, опредѣлить всѣхъ возможныхъ случаевъ, а потому и нерѣдко должны были представляться поводы къ неурядицѣ и борьбѣ. Такое положеніе постоянной борьбы, какъ внутри самой волости, такъ и въ столкновеніяхъ волостей и князей между собою, истощало силы обществъ и исключало всякую возможность къ прочному организованію. Доказательство этого вывода видимъ въ жизни Новгорода, сохранившаго до своего паденія, вслѣдствіе своего мѣстнаго положенія, первоначальную общественную форму. Не смотря на высокое развитіе торговыхъ сношеній и благосостоянія, онъ постоянно раздирался внутренними усобицами и не могъ выработать начала, способнаго къ дальнѣйшему прочному и живому развитію.

Татарская орда, разгромивъ славянскія волости, произвела существенное, хотя и не непосредственное вліяніе на ихъ судьбу. Многіе, какъ было сказано выше, изъ нашихъ историковъ совершенно отвергаютъ всякое вліяніе монголовъ на наши древнія общества, но такое отрицаніе слишкомъ поспѣшно. Правда, находясь сама на низкой степени цивилизаціи, орда не могла непосредственно и передать намъ начала гражданственности, но тѣмъ не менѣе вліяніе ея, хотя и посредственное, было значительно. Оно проявилось, главнымъ образомъ, въ разрѣшеніи въ славянскихъ волостяхъ свободнаго класса. Опустошительный грабежъ и полонъ ордынцевъ, естественно, всей своей тяжестью налегъ на свободный классъ, такъ какъ по состоятельности только этотъ классъ могъ удовлетворить ненасытной жадности къ добычѣ и такъ-какъ выкупъ могъ ожидаться только отъ полоняниковъ изъ этого класса. И полоняники, послѣ выкупа, и ограбленные принуждались прибѣгать къ займамъ и вообще къ различнаго рода обязательствамъ, чѣмъ по необходимости становились уже въ разрядъ если не совершенно безправный, то во всякомъ случаѣ въ полуправный классъ, который такимъ образомъ долженъ былъ увеличиваться и дѣйствительно увеличивался въ громадномъ размѣрѣ, какъ это извѣстно изъ нашихъ источниковъ. А такъ какъ на вѣче участвовали только полноправные классы, то съ уменьшеніемъ количества послѣднихъ,

естественно, уменьшалось значеніе вѣча, и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшалось и противодѣйствіе княжеской власти. Затѣмъ при всей справедливости мнѣнія о томъ, что татары не касались ни до дѣлъ вѣры, ни вообще до дѣлъ внутренняго распорядка въ славянскихъ волостяхъ, нельзя, однакожъ, безусловно и рѣшительно отвергать всякое вліяніе простаго примѣра. Неограниченность ханской власти, тяготѣвшей надъ Русью въ теченіи многихъ вѣковъ, не могла не принизить русскаго народа, не могла не измѣнить его прежняго взгляда на власть княжескую, какъ только на верховно-судебную, полицейскую и военную. Притомъ же, служа представителемъ хана, а потомъ и баскакомъ его, русскіе князья у себя дома невольно стали подражать и стали считать себя въ правѣ требовать такой же авторитетности, какою пользовалась власть ханская въ ордѣ. Такое требованіе еще болѣе укрѣплялось въ томъ случаѣ, когда утвержденіе въ княжескомъ достоинствѣ какого либо княжества происходило въ преемственномъ родѣ.

Признавая такимъ образомъ важность посредственнаго вліянія татарскаго ига на ослабленіе вѣчевыхъ собраній и на усиленіе одновременно власти князей, должно замѣтить, что это вліяніе не могло быть одинаковымъ во всѣхъ волостяхъ. На югѣ, гдѣ существовавшій порядокъ имѣлъ глубокіе корни, гдѣ народъ вслѣдствіе естественныхъ условій живѣе чувствовалъ и проявлялъ свою дѣятельность, тамъ, конечно, татарское вліяніе не въ силахъ было измѣнить кореннаго порядка, но на сѣверѣ, гдѣ населеніе холоднѣе относилось къ своимъ правамъ, гдѣ оно болѣе заботилось о потребностяхъ своего существованія, гдѣ оно вынуждалось болѣе трудиться для своего содержанія, тамъ это вліяніе, конечно, отразилось въ болѣе существенномъ размѣрѣ и, наконецъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ не возникало прежняго устройства славянскихъ обществъ, тамъ образовались другой взглядъ и другой строй.

Этотъ-то новый порядокъ и установился въ Москвѣ подъ вліяніемъ новыхъ условій. Въ Москвѣ не совершилось никакой ломки. Тамъ не было и не могло быть вѣчевыхъ собраній. Вотчина боярина Кучки, послѣ казни этого боярина, сдѣла-

лась вотчиной князя и населилась людьми обязанными къ нему, по всей вѣроятности полусвободными или совершенно несвободными. На это отношеніе указываетъ особенность Іустинской лѣтописи. Въ этой лѣтописи съ 1146 года всѣ великіе князья владимірскіе и суздальскіе, Андрей Боголюбскій, Всеволодъ Юрьевичъ (большое гнѣздо) и даже Александръ Невскій называются московскими князьями. Такъ подъ 6679 (1171) годомъ говорится [1]): «и отселѣ вниде княженіе кіевское, а володимірское *въ Москвѣ* вознесется, оттоли бо *московскіе князи* надъ кіевскими начата владѣти». Не указывается ли здѣсь прямо на вотчинную принадлежность, какъ собственности, Москвы великимъ князьямъ, подобно тому, какъ и въ настоящее время народъ называетъ мѣстныхъ правительственныхъ лицъ по именамъ ихъ вотчинъ: спасскій баринъ, березовскій баринъ и т. п. Вотчинныя отношенія Москвы къ князьямъ, отношенія собственности къ владѣльцамъ продолжались долго, до того времени, когда народная жизнь образовала органическое устройство государственныхъ элементовъ и опредѣлила ихъ отношенія между собою, когда слiяніе съ Москвою (при Іоаннѣ III) многихъ русскихъ княжествъ великихъ и невеликихъ вызвало необходимость въ регламентаціи частей, уже способныхъ къ самостоятельному существованію.

Такимъ образомъ основываясь на существенныхъ чертахъ народной жизни, было бы правильнѣе и основательнѣе назвать первые періоды русской исторіи вѣчевымъ — до образованія московскаго княжества и вотчиннымъ — до государствованія Іоанна III. Изложеніе образованія и постепеннаго сформированія государственныхъ элементовъ, совершившихся въ послѣдующее время, составитъ предметъ особаго изслѣдованія,— въ первой же половинѣ XIV вѣка государственныхъ элементовъ не находилось и всѣ сохранившіеся исторические памятники не представляютъ ни малѣйшихъ слѣдовъ государственнаго начала, какъ въ древнемъ періодѣ до XIV столѣтія, гдѣ существовали первобытные славянскія общества, такъ и въ

[1]) П. С. Р. Л. II. (Іуст.) 311.

теченіи этого полустолѣтія, гдѣ совершалось развитіе вотчинной власти князя. Изъ этого видимъ, какъ медленно вырасталъ русскій государственный организмъ. Да оно и понятно. Чѣмъ сложнѣе и грандіознѣе организмъ, говорятъ натуралисты, тѣмъ медленнѣе совершается его развитіе.

Для большаго выясненія вопроса обратимся къ подробному разсмотрѣнію въ первой половинѣ XIV столѣтія тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается государственное начало, къ разсмотрѣнію правительственной власти, народнаго состава и т. п.

ГЛАВА IX.

Правительственная власть.

Переходимъ къ разсмотрѣнію внутренняго состоянія московскаго княжества первой половины XIV вѣка, къ разсмотрѣнію общественнаго быта по отношенію къ основнымъ, по крайней мѣрѣ, его формамъ т. е. къ тѣмъ формамъ, которыя составляютъ содержаніе такъ называемаго государственнаго и частнаго права.

Какова была сущность московской княжеской власти? Въ древній до московскій періодъ въ волостяхъ существовали двѣ правительственныя власти: вѣчевая и княжеская, объ неопредѣленныя, смутныя, неразграниченныя въ предѣлахъ между собою, какъ и всѣ общественныя формы того времени и славянскаго міра въ особенности. Можно предположить въ общихъ чертахъ, что содержаніе вѣчевой власти составляли вопросы, касающіяся всей волости, вопросы о войнѣ и мирѣ, насколько они не были дѣломъ личнаго интереса князя, вопросы о призывѣ и удаленіи князей и т. п. Содержаніе княжеской власти составляли судъ и расправа, наложеніе и собираніе дани, охраненіе общественнаго спокойствія и безопасности и такъ называемая власть управленія. Что власть вѣчевая существовала какъ самостоятельная сила, это положительно доказывается заключеніями ряда-договора волостей съ князьями. Если бы

рѣшенія вѣчей о призывѣ или удаленіи князей были дѣломъ мятежнаго своеволія толпы, то въ этомъ случаѣ не могло быть заключаемо ряда-договора и этотъ договоръ не могъ быть записанъ лѣтописцемъ какъ нѣчто обязательное. Точно также нельзя сопоставить самодержавную власть съ частыми и почти безслѣдными переходами князей изъ одной волости въ другую. Самодержавіе по необходимости рождаетъ такія тѣсныя отношенія, при которыхъ немыслима та легкость, съ какой князья мѣнялись волостями. Признавъ же существованіе двухъ властей, нельзя не признать въ этомъ одну изъ причинъ общественныхъ золъ и смутъ. Но эта причина, къ сожалѣнію, была не единственною.

Каждая волость имѣла свой столъ и своего князя, управлявшаго совершенно самостоятельно, по отношенію къ другимъ князьямъ и другимъ волостямъ, за исключеніемъ того обстоятельства, когда сынъ,—иногда даже малолѣтній,—получалъ часть волости отца еще при жизни послѣдняго,—въ этомъ случаѣ право управленія считалось за отцемъ и сынъ имѣлъ значеніе только намѣстника. Столы занимались, смотря по значеніямъ волостей, членами одного княжескаго дома Рюриковичей по степенямъ ихъ родства и близости къ общему родоначальнику, слѣдовательно по особому праву престолонаслѣдія, совершенно не совпадающему съ общимъ правомъ наслѣдованія, по которому имѣли участіе только прямые исходящіе. И въ этомъ обстолтельствѣ также нельзя не видѣть доказательства несамодержавной власти князя, такъ какъ при самодержавіи, по отсутствіи въ то время государственныхъ понятій, естественно должно было развиться престолонаслѣдіе по частному праву.

Изъ всѣхъ князей выдѣлялся только одинъ съ значеніемъ великаго князя, занимавшій старѣйшій столъ первой волости (Кіевской) и имѣвшій на остальныхъ князей вліяніе отца („въ отца мѣсто“) на совершеннолѣтнихъ сыновей. Другими словами, великій князь имѣлъ право убѣждать, дѣлать выговоры и даже, при явномъ правонарушеніи, силою возстановлять нарушенное. Само собою разумѣется, что впослѣдствіи, при размноженіи княжескаго дома, счетъ степеней родства

становился затруднительнымъ и не могъ не подавать частыхъ поводовъ къ княжескимъ усобицамъ, въ чемъ и заключается главная и вліятельная причина междоусобныхъ войнъ и разъединенности волостей. Для обузданія претензій власти одного великаго князя оказывалось уже недостаточнымъ и въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ и потому потребовалось новое учрежденіе съѣзда князей.

Составляя собою представительство существовавшихъ тогда правительственныхъ единицъ, и эта политическая форма носила въ себѣ общій характеръ неопредѣленности, присущей каждой единицѣ. Изъ источниковъ не видно, въ какой мѣрѣ были обязательны постановленія съѣзда, какимъ порядкомъ и кѣмъ они приводились въ исполненіе. Всего вѣроятнѣе предположить, что значеніе съѣзда, какъ и значеніе великаго князя, зависѣло отъ фактическихъ условій, отъ силы и вліянія постановившихъ опредѣленіе. Такимъ образомъ и эта форма не могла умиротворить русскую землю.

Такова была организація правительственной власти въ южныхъ русскихъ волостяхъ, такова же она была и въ сѣверо-восточныхъ, съ тѣми только оттѣнками, которые вытекли изъ мѣстныхъ особенностей. Выселенцы изъ старыхъ русскихъ городовъ на новую свободную землю принесли съ собой свои взгляды, убѣжденія и прежніе порядки. Образовались города съ тѣмъ же политическимъ устройствомъ, послужившимъ и съ своей стороны типомъ для своихъ пригородовъ. Такъ Суздаль послужилъ типомъ для Владиміра, который тоже сдѣлался типомъ для послѣдующихъ выселеній.

Таковъ былъ общій порядокъ, но въ образованіи Москвы легло особое обстоятельство, которое не могло не имѣть вліянія при дальнѣйшемъ ея развитіи. Отвергая всѣ позднѣйшія вымыслы лѣтописцевъ объ основаніи Москвы, нельзя отвергнуть извѣстія, что на этомъ мѣстѣ прежде существовали поселенія, на вотчинной землѣ боярина Степана Ивановича Кучки, землѣ принадлежащей ему въ собственность. Казнивъ этого боярина, великій князь суздальскій Юрій Владиміровичъ взялъ поселенія казненнаго въ свою собственность, и потомъ передалъ ихъ какъ собственность же, какъ свою вотчину, сыну

своему Андрею Боголюбскому вмѣстѣ съ рукою дочери Кучки, Улиты, и съ завѣщаніемъ населить еще болѣе новое пріобрѣтеніе. Впослѣдствіи изъ этихъ новыхъ поселеній,—вѣроятно изъ несвободнаго класса, такъ какъ князь имѣлъ право располагать только поселеніями такого рода, — образовалась Москва отъ имени рѣчки Москвы. Конечно, по выгодности мѣстоположенія и другимъ удобствамъ эти поселенія постепенно разрослись прибавленіемъ новыхъ выселенцевъ изъ различныхъ городовъ, но тѣмъ не менѣе ядро, первоначальный составъ, образовали поселенцы вотчинной земли, платившихъ дани и пошлины собственнику, сначала боярину Кучкѣ, а потомъ князю. Отъ этого исключительнаго обстоятельства въ Москвѣ и не образовались вѣчевые порядки.

Въ лѣтописяхъ вовсе не упоминается о московскомъ вѣче за исключеніемъ только одного мѣста, внимательное разсмотреніе котораго ясно обнаруживаетъ употребленіе этого слова лѣтописцемъ, какъ указаніе на общее смущеніе, но ни въ какомъ случаѣ не въ смыслѣ опредѣленія дѣятельности фактора. Событіе, о которомъ говоритъ лѣтописецъ, относится къ концу XIV вѣка, къ тому времени, когда вѣчевой бытъ сталъ падать уже и тамъ, гдѣ онъ коренился глубоко. Въ 1382 году московскій князь Дмитрій Іоанновичъ, не имѣя достаточныхъ силъ къ отраженію ордынскаго хана, отступилъ изъ Москвы къ Костромѣ. Оставленные самимъ себѣ, москвичи смутились и естественно раздѣлились въ мнѣніяхъ „овіи хотяху сѣсти въ градѣ и затворитися, а друзіи бѣжати помышляху, и бывше распрѣ межи ими велицѣ и *сотвориша вѣче*, позвониша *во всѣ колоколы*“ [1]). Этотъ разсказъ, напротивъ, еще болѣе утверждаетъ мнѣніе о несуществованіи обычнаго вѣча въ Москвѣ, тамъ въ противномъ случаѣ не могло быть смущенія неожиданности, былъ бы призывъ только одного вѣчеваго колокола, а не тревожнаго звона во всѣхъ церквахъ.

Затѣмъ въ лѣтописяхъ имѣются еще два указанія на самовольныя распоряженія, какъ бы въ видѣ вѣча, но безъ употребленія этого слова, да и въ дѣйствительности не имѣющихъ

---

[1]) Воскр. 1382.

его значенія. Въ 1176 году москвичи, стоявшіе вмѣстѣ съ владимірцами за Михаила и Всеволода Юрьевичей противъ ростовцевъ и суздальцевъ, державшихъ сторону Ростиславичей пошли было изъ Москвы во Владиміръ сопровождать Михаила, но, узнавъ надорогѣ о предстоящемъ нападеніи на нихъ Ярослава Ростиславича, тотчасъ же воротились „блюдучи домовъ своихъ [1])“. Въ этомъ оставленіи москвичами Михаила для защиты домовъ своихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя видѣть вѣчеваго распоряженія во 1 по отсутствію общности, а во 2 потому, что Москва въ то время была только простымъ поселеніемъ, но не пригородомъ, тѣмъ болѣе княжествомъ. Наконецъ послѣднее, косвенное, только кажущееся указаніе на рѣшеніе вѣча, какъ на результатъ народной волн въ Москвѣ, относится къ половинѣ XV столѣтія, къ времени плѣненія московскаго князя Василія Васильевича ордынцами; въ извѣстіи, впрочемъ, не упоминается слово вѣче. Въ 1445 году, по случаю выѣзда изъ Москвы княжескаго семейства и бояръ, въ оставленной Москвѣ естественно возникли народное волненіе и неурядица, „а граждане въ велицѣй тузѣ и волненіи бяху: могущеи бо бѣжати, оставивше градъ, бѣжать хотяху; *чернь же совокупившеся* начаша врата градская преже дѣлати“ [2]). Ясно, что это собраніе черни не вѣчевое собраніе; оно состоялось вслѣдствіе удаленія властей и вслѣдствіе неизбѣжной необходимости рѣшить вопросъ, какъ поступить въ виду приближенія ордынцевъ.

Вотъ единственныя лѣтописныя извѣстія, въ которыхъ можно было бы видѣть указанія на московское вѣче, но ближайшее разсмотрѣніе этихъ извѣстій приводитъ къ положительно противуположному результату, къ совершенному отрицанію существованія вѣча въ Москвѣ, въ противуположность общепринятому мнѣнію нашихъ историковъ. Кромѣ отсутствія лѣтописныхъ извѣстій, составляющихъ собою твердую почву, самая исторія Москвы даетъ отрицательный отвѣтъ. Москва родилась, какъ видно было изъ предшествующаго, на вотчинной землѣ

---

[1]) Ипат. 1176 г.

[2]) Воскр. 1445.

и развилась во время монгольскаго ига, въ то время, когда в въ другихъ княжествахъ разгромленный, приниженный народъ переставалъ принимать участіе въ народномъ дѣлѣ. Съ монгольскаго ига во всѣхъ княжествахъ замѣчается усиленіе княжеской власти и стремленіе ее установиться въ своихъ владѣніяхъ, закрѣпить ихъ за собою и своимъ семействомъ, расширить всѣми возможными примыслами и, наконецъ, достигнуть полной независимости, достигнуть достоинства великаго князя. Значеніе родства начинаетъ стираться и уступаетъ мѣсто фактической силѣ.

Но то, къ чему въ другихъ княжествахъ стремились борьбой, безпрерывными распрями и усобицами, Москвѣ было прирожденное, естественное положеніе, и князь московскій, когда пригородъ достигнулъ значительной степени развитія, является среди другихъ князей съ прочной обстановкой, является *хозяиномъ* своихъ вотчинъ-волостей. Въ московской исторіи не встрѣчается вовсе внутреннихъ смутъ и междоусобій, характеризующихъ исторію другихъ княжествъ. Поэтому и задача московскихъ князей—обезопасить внутренній порядокъ, личность и имущества *своихъ людей* отъ частныхъ покушеній и стараться о пріобрѣтеніи, примыслѣ. Эту задачу превосходно поняли первые московскіе князья—Даніилъ, Іоаннъ Даніиловичъ и сынъ послѣдняго—Симеонъ Іоанновичъ; во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ, въ особенности послѣднихъ, вездѣ проявляется типъ разумнаго, осторожнаго хозяина. Послѣдствіемъ такого положенія верховной московской власти только и можно объяснить совершенно частный характеръ завѣщательныхъ распоряженій московскихъ князей и ихъ договоровъ между собою, о чемъ было сказано подробнѣе выше.

Мирное состояніе московскаго княжества привлекало къ себѣ новыхъ поселенцевъ, какъ производительныхъ тружениковъ, такъ и лицъ высшаго класса и этимъ же объясняется общее тяготѣніе именно къ ней, а не къ другимъ болѣе старымъ и болѣе богатымъ городамъ—Суздалю, Ростову, Владиміру и друг. Народъ московскій казался смирнымъ, послушливымъ народомъ и въ этомъ отношеніи иногда вызывалъ насмѣшки

кичливыхъ сосѣдей. Такъ въ болѣе, даже, позднее время лѣтописецъ, говоря о войнѣ Олега рязанскаго съ московскимъ княземъ Дмитріемъ Іоанновичемъ, высказываетъ: „Рязанцы сурови суще человѣцы, свирѣпіи и высокоумніи.... рѣша другъ другу: не емлемъ себѣ ни щитъ, ни копій, ни инаго оружія, токмо возмемъ ужища, чѣмъ бы вязать москвичей". Однако рязанцы были разбиты москвичами.

Оканчивая разсмотрѣніе вопроса о существѣ княжеской власти въ Москвѣ, остается повторить все сказанное немногими словами: московская княжеская власть была власть вотчинная, самодержавная, неограниченная ни волей народа, ни какой либо другой волей, но не власть самодержавная въ государственномъ смыслѣ. Поэтому, имѣя въ виду съ одной стороны самодержавную власть въ Москвѣ, а съ другой проявившееся и въ другихъ княжествахъ стремленіе къ удержанію власти въ одномъ семействѣ, вѣрнѣе было бы опредѣлить этотъ моментъ (XIV вѣкъ) русской исторіи вотчиннымъ періодомъ, какъ время предшествующее—періодомъ вѣчевымъ. Сообразно образовавшемуся основному направленію, въ московскомъ княжествѣ господствуетъ особый взглядъ и на престолопаслѣдіе: на мѣстѣ права родства стояли распоряженія о передачѣ наслѣдства въ нисходящую линію, какъ переходила частная собственность къ дѣтямъ, разумѣется съ тѣмъ оттѣнкомъ, которымъ, по необходимости, обусловливалось общественное значеніе наслѣдства этого рода.

Иныя явленія происходили въ другихъ княжествахъ. По понятіямъ родства, державшимся въ другихъ княжествахъ, дяди имѣли старшинство передъ племянниками и княжескій столъ доставался послѣ умершаго брату его по старшинству, а затѣмъ уже сыновьямъ. Не приводя въ доказательство примѣровъ изъ X и XI столѣтій, которые извѣстны каждому знакомому съ русской исторіей, интереснѣе привести случаи изъ болѣе позднѣйшаго времяни, когда связь родства значительно уже ослабѣла. Въ половинѣ XII столѣтія (1141 г.) великій князь кіевскій Мстиславъ Владиміровичъ преемникомъ своимъ по великому княженію назначаетъ брата своего Ярослава, а сыновьямъ

оставилъ Переяславль [1]). Въ началѣ XIII столѣтія [2]) великій князь Владимірскій, Константинъ, назначилъ преемникомъ по великокняжескому столу брата Юрія, сыновьямъ же назначаетъ столы Ростовскій и Ярославскій. Такимъ же образомъ поступилъ и преемникъ Юрія великій князь Владимірскій, Ярославъ. Въ московскомъ же княжествѣ подобныхъ примѣровъ не встрѣчается и княжескій столъ постоянно поступаетъ въ руки старшаго сына.

Изложенные выводы очевидно доказываютъ, что въ Москвѣ впервые явилась идея *самодержавія въ видѣ вотчинной власти князя.* Но это мнѣніе не раздѣляется нашими учеными историками. Многіе изъ нихъ и до сихъ поръ видятъ въ славянскихъ волостяхъ государственное устройство, а въ княжеской власти, власть самодержавно-государственную. Одинъ изъ молодыхъ нашихъ ученыхъ г. Загоскинъ въ сочиненіи своемъ „Исторія права московскаго государства“ [3]), хотя и признаетъ за древнимъ періодомъ характеръ удѣльно-вѣчевой, но въ тоже время находитъ въ немъ и начало самодержавія. Онъ говоритъ, что „идея самодержавія государственной власти существовала въ русской землѣ еще задолго до погрома татарскаго. Будучи впервые навѣяна византійскими воззрѣніями, принесенными греческимъ духовенствомъ, еще въ эпоху крещенія русской земли, идея самодержавія государственной власти неоднократно проявлялась въ сознаніи нѣкоторыхъ князей русскихъ. Намъ извѣстны стремленія Андрея Боголюбскаго, желавшаго основать неограниченное единодержавіе въ землѣ Ростовско - Суздальской, желавшаго, по выраженію лѣтописца, „единъ быти властель въ русской землѣ“. Самъ учредитель царскаго достоинства въ Россіи, грозный царь Іоаннъ IV Васильевичъ, признавая себя государемъ вполнѣ самодержавнымъ, ставитъ въ образецъ власти своей не власть хановъ ордынскихъ, но самодержавную власть императоровъ римскихъ и ссылается на авторитетъ библіи. И такъ *визан-*

---

[1]) Ипат. 1141 г.
[2]) Воскр. 1217 г.
[3]) Ист. Пр. Москов. Госуд. Казань, 1877 г. с. 13.

тійскія государственныя традиціи и воззрѣнія греческаго духовенства—вотъ основныя начала, заронившія въ русскую жизнь первое зерно идеи самодержавія; дѣло лишь въ томъ, что въ удѣльновѣчевомъ періодѣ не было почвы пригодной для прорастанія этого зерна, не было обстоятельствъ, способныхъ дать толчокъ дальнѣйшему развитію этой идеи и внесенію ея въ сферу государственныхъ отношеній. И такъ молодой ученый въ единственно приводимомъ имъ въ доказательство фактѣ честолюбивыхъ стремленій Андрея Боголюбскаго видитъ идею самодержавія государственной власти, не смотря даже на то, что самовластныя дѣйствія этого князя возбуждали противъ него общее неудольствіе и послужили причиной его убіенія. Руководясь подобнымъ анализомъ, легко можно дойдти до весьма странныхъ выводовъ. Авторъ не обратилъ вниманія на то, что Боголюбскій воспитывался въ сѣверныхъ областяхъ, гдѣ княжеская власть не встрѣчалась съ опредѣленно сложившимся характеромъ земства, и, однакожъ, при всемъ томъ и тамъ самовластныя дѣйствія его считались злоупотребленіемъ. Впрочемъ, если считать за идею самодержавія государственной власти всякое стремленіе власти усилить себя, увеличить свое вліяніе, то, конечно, такая идея прирождена каждому обществу, гдѣ только существуетъ власть, такъ какъ каждой власти прирожденно стремленіе оградить, обезпечить себя безъ всякаго занесенія идеи новымъ внѣшнимъ факторомъ. До сихъ поръ обыкновенно понималось подъ понятіемъ идеи самодержавія государственной власти—понятіе совокупности извѣстныхъ отношеній власти къ органически устроенному обществу, а такого общества въ древнемъ періодѣ нашей исторіи не было, да и не могло быть. Далѣе авторъ, развивая мысль свою о занесеніи къ намъ идеи самодержавія византійскимъ духовенствомъ и о перенесеніи къ намъ византійскихъ традицій, приводитъ въ доказательство ученіе духовенства о божественномъ происхожденіи монархической власти, о необходимости вслѣдствіе этого безусловнаго повиновенія ей: „всякая душа властемъ придержащимъ да повинуется: нѣсть бо власть, аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть: тѣмъ же противляйся власти, Божію повелѣнію

противляется". Совершенно вѣрно мнѣніе о важности вліянія христіанскаго ученія на успленіе у насъ княжеской власти, не вѣрна только постановка этого вліянія; а вслѣдствіе того не вѣрно и освѣщеніе всего взгляда. Христіанское ученіе получило значеніе тогда, когда князья получили возможность пользоваться этимъ вліяніемъ, а византійскія традиціи въ данномъ отношеніи всегда оставались для нашей исторіи не причемъ. Чтеніе духовенства оказывало значительную поддержку стремленіямъ князей, но не было основнымъ факторомъ. Религіозныя идеи въ первые вѣка могли проникать не въ массу народа, гдѣ христіанское ученіе распространялось туго и медленно, а только въ высшій классъ, а между тѣмъ этотъ-то именно классъ менѣе всѣхъ симпатизировалъ ученію о самодержавіи. И, наконецъ, надобно обратить вниманіе и на то обстоятельство, что ученіе духовенства проповѣдывалось и во всѣхъ другихъ княжествахъ, а между тѣмъ самодержавіе во всей полнотѣ принялось только въ одной Москвѣ.

ГЛАВА X.

Органы верховной власти.

Соотвѣтственно по своему самодержавному значенію, московская верховная власть обнимала собою всецѣло всѣ главныя органы ея правленія: законодательство, судъ и управленіе во всѣхъ существовавшихъ въ то время отношеніяхъ и во всемъ своемъ неограниченномъ объемѣ. До московскаго періода во всѣхъ южныхъ русскихъ волостяхъ власть князя ограничивалась, напр. въ законодательной отрасли, участіемъ народа; было ли это ограниченіе и въ судебномъ отношеніи и во всѣхъ ли волостяхъ, или только одной новгородской, по недостатку источниковъ опредѣлить невозможно.

Переходя къ разсмотрѣнію различныхъ способовъ проявленія дѣятельности княжеской власти въ отношеніи къ внутреннему общественному быту, необходимо предварительно ска-

зать о крайней скудности въ этомъ отношеніи нашихъ лѣтописныхъ извѣстій и историческихъ документовъ, относящихся къ описываемому времени. Лѣтописцы, живя въ средѣ отношеній, извѣстныхъ въ его время всѣмъ и каждому, не находили удобнымъ входить въ подробности. Кромѣ того изъ лѣтописныхъ матеріаловъ, безъ сомнѣнія, много хранится въ складахъ и архивахъ нашихъ древнихъ монастырей еще неизданными, терпѣливо еще ожидающими новыхъ трудолюбивыхъ изслѣдователей. Обнародованіе этихъ матеріаловъ въ видѣ грамотъ нашихъ князей жалованныхъ и безсудныхъ [1]), уставныхъ и судныхъ не можетъ не пролить много свѣта на эту еще темную сторону. Впрочемъ, и изъ тѣхъ грамотъ, которыя извѣстны намъ въ настоящее время, сопоставляя и сравнивая между собою извѣстія различныхъ лѣтъ, можно вывести безошибочно въ общихъ чертахъ понятіе о родѣ существовавшихъ въ то время общественныхъ отношеній.

Въ жизни простой и несложной не могло быть строгаго разграниченія различныхъ органовъ управленія и суда: одни и тѣже были правителями и судьями. Обладаніе небольшою волостью давало князю полную возможность заниматься самому и лично входить во всѣ отрасли управленія. Въ поученіи дѣтямъ Мономахъ говоритъ: „судите вдовицъ сами, не давайте сильнымъ губить слабыхъ... не оставляйте больныхъ... въ хозяйствѣ сами прилежно за всѣмъ смотрите, не полагаясь на отроковъ и тіуновъ... на войнѣ будьте дѣятельны, служите примѣромъ для воеводъ... я самъ дѣлалъ все, что могъ бы велѣть отроку на охотѣ и войнѣ, днемъ и ночью, въ зной лѣтній и холодъ зимній не зналъ покоя, не надѣясь на посадниковъ и бирючей“. Такими лицами и были московскіе князья и по благотворительности и по хозяйственнымъ распоряженіямъ.

Но при всей готовности князя лично самому исполнять

---

[1]) Жалованныя или безсудныя (иначе несудимыя) грамоты давались князьями разнымъ монастырямъ и другимъ юридическимъ лицамъ на освобожденіе ихъ по вотчиннымъ дѣламъ, а иногда и губнымъ въ полномъ объемѣ или частью отъ вѣдомства княжескихъ органовъ. Должно однакожъ замѣтить, что безсудными грамотами назывались также и окончательныя судебныя рѣшенія по такому дѣлу, когда отвѣтчикъ къ суду не являлся.

обязанности добраго правителя все таки оказывалась необходимость въ лицахъ, ближе стоящихъ къ народу и замѣнявшихъ его, то по многосложности работы, то на время отсутствія, то по другимъ причинамъ. Необходимось эта увеличивалась съ расширеніемъ территоріи княжества, съ умноженіемъ населенія, съ развитіемъ и усложненіемъ общественныхъ отношеній. Замѣняя собою власть князя, эти установленные органы имѣли тотъ же характеръ смѣшенія властей въ предѣлахъ ихъ уполномочій: посадникъ, намѣстникъ волостей—былъ судья, правитель и начальникъ войска.

Всѣ существовавшіе въ московскомъ княжествѣ органы можно раздѣлить на центральные, мѣстные и исключительные. Къ центральнымъ органамъ, имѣющимъ вліяніе на все пространство княжества, относится княжеская дума. Собственно княжеская дума при первыхъ московскихъ князьяхъ не составляла правильно организованнаго постояннаго учрежденія, по крайней мѣрѣ на это въ нашихъ источникахъ нѣтъ никакого опредѣленнаго извѣстія. Указанія же на дѣйствительное существованіе думы встрѣчаются весьма часто и въ предшествующемъ періодѣ, „и начаста думати съ мужи своими“ [1]), и въ послѣдующія княженія. Московскій князь Симеонъ Іоанновичъ, сынъ Калиты, въ своемъ завѣщаніи говоритъ братьямъ... „и лихихъ бы людей не слушали,... слушали бы отца нашего Алексѣя, также старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ“. Затѣмъ внукъ Калиты, князь Дмитрій Іоанновичъ, передъ своей смертью даетъ дѣтямъ послѣднее наставленіе... бояры своя любите... безъ воли ихъ ничтоже нетворите [2]). Существованіе думы можно вывести еще изъ обстоятельства частыхъ поѣздокъ въ орду князей и иногда съ ихъ сыновьями; изъ необходимости оставлять за собою людей преданныхъ, которымъ они могли бы поручать блюсти свой столъ во время отсутствія.

Каковы были условія существованія думы? Какъ учрежденіе необусловленное ни временемъ, ни постояннымъ и извѣстнымъ

---

[1]) Ипат. 1147.
[2]) Воскр. 1389.

составомъ членовъ, Дума собиралась только по призыву князя, по его усмотрѣнію на совѣтъ по какому либо вопросу, состояла изъ лицъ его довѣренныхъ, приближенныхъ единственно его волею и продолжалась столько времени, сколько назначено было княземъ. Вообще дума, при личномъ присутствіи князя, имѣла характеръ чисто совѣщательный и члены имѣли право высказать только свое личное мнѣніе, неимѣющее никакой обязательной силы. Говорить мнѣніе не согласное съ мнѣніемъ князя значило оказывать „встрѣчу“ и оцѣнка такого мнѣнія совершенно зависѣла отъ характера князя. Нѣкоторые любили свободное выраженіе мнѣнія, относились къ нему разумно и безпристрастно, другіе же не терпѣли никакого возраженія. Такъ великій князь Іоаннъ Васильевичъ любилъ противъ себя встрѣчи и даже жаловалъ тѣхъ, которые говорили противъ него, [1]) а сынъ его Василій Іоанновичъ, напротивъ, по каждой встрѣчѣ „опалялся“. Первые московскіе князья, какъ можно судить по личному ихъ характеру, вѣроятно, относились съ полнымъ уваженіемъ къ каждому разумному выраженію мнѣнія,—такъ можно заключить изъ приведеннаго указанія Симеона Іоанновича на преданность бояръ.

Предметами совѣщаній думы обыкновенно служили вопросы, касающіеся до всего княжества, вопросы о войнѣ и мирѣ, объ отношеніяхъ князей другъ къ другу, о пріобрѣтеніяхъ или промыслахъ, покупкахъ, о доходахъ, пошлинахъ и повинностяхъ, о назначеніи размѣровъ штрафовъ и т. п. Вѣроятно обсужденію же думы передавались по приказанію князя и жалобы частныхъ лицъ на несправедливыя рѣшенія судей и стѣснительныя распоряженія служилыхъ людей. Хотя по этому предмету и не встрѣчается современныхъ извѣстій XIV вѣка, но такъ какъ подобные же вопросы подлежали совѣщаніямъ князей съ мужами и въ предшествующее и послѣдующее время, то нѣтъ основанія отвергать такое вѣдомство и въ описываемую эпоху.

Какъ выборъ предметовъ для совѣщаній думы вполнѣ зависѣлъ отъ воли князя, точно также отъ него зависѣлъ и вы-

[1]) А. А. Э. т. I. № 127.

боръ членовъ-совѣтниковъ. Но такъ какъ въ интересѣ князя было придать рѣшеніямъ думы болѣе авторитетнаго значенія и фактической силы при исполненіи, то, естественно, выборъ его падалъ на лицъ, пользующихся большимъ авторитетомъ, владѣющихъ большею силою, слѣдовательно на бояръ. [1]) Затѣмъ въ думу назначались приближенные къ князю лица, его служилые, его окольничіе, сокольничіе и т. п. Въ лѣтописяхъ есть извѣстіе, [2]) доказывающее положительнымъ образомъ право князя на произвольный выборъ совѣтниковъ-членовъ думы даже и въ предшествующее время „и тогда Святославъ слумавъ съ княгинею своею и съ кочкаремъ милостникомъ своимъ и не повѣда мужемъ своимъ лѣпшимъ думы своея". Если таково было право князя въ XII вѣкѣ, то тѣмъ болѣе должно признать его въ XIV столѣтіи при установленіи вотчиннаго взгляда на княжество за князьями московскаго дома.

Мѣстные органы управленія. Предварительно разсмотрѣнія института мѣстныхъ органовъ управленія, необходимо сказать нѣсколько словъ вообще о дѣленіи княжества на правительственныя единицы. Въ разсматриваемую эпоху въ источникахъ находится дѣленіе на 1) города съ уѣздами и 2) волости съ уѣздами. Первое подраздѣленіе составляло какой-либо городъ, какъ наибольшее населеніе, съ уѣздомъ т. е. съ тѣми селами, какія по близости своей къ городу и по общности экономическихъ условій естественно тянули къ нему и для которыхъ было особенно удобно управляться и судиться однимъ и тѣмъ же лицемъ—„московскій городскій уѣздъ". Второе подраздѣленіе были волости, населенія пространствъ, опредѣленныхъ границами сообразно съ мѣстными условіями; самый населенный пунктъ составлялъ центръ волости, отъ котораго она получала свое отличительное названіе, а прочія села составляли уѣздъ волости („отъѣздъ, выѣздъ"). [3]) Подраздѣленія городовъ и волостей нельзя считать всегда постоянными. По усмотрѣнію князя, по требованіямъ обстоятельствъ, смотря

---

[1]) Названіе мужъ въ эпоху княженій первыхъ московскихъ князей въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ уже болѣе не встрѣчается.

[2]) Ипат. 1180.

[3]) С. Г. Гр. и Дог. I. 23, 27, 31.

напр. по важности назначаемаго къ управленію ихъ лица, границы уѣздовъ городскихъ или границы волостей мѣнялись увеличеніемъ или уменьшеніемъ или даже соединеніемъ двухъ или болѣе. При этомъ необходимо замѣтить, что по неустановившейся опредѣленности техническаго языка иногда однимъ названіемъ выражались различныя понятія. Такъ названіе волость, кромѣ опредѣленія извѣстнаго правительственнаго округа, означало также и право, власть на какую либо извѣстную часть дохода; „а изъ городскихъ *волостей* даю княгини своей *осминчее*, а тамгою и иными волостьми подѣлятся. [1])

Кромѣ городовъ и волостей встрѣчается еще названіе „станъ“. Но было ли это названіе опредѣленіемъ особаго правительственнаго округа рѣшить почти невозможно. Изъ нѣкоторыхъ грамотъ можно заключить совершенную одинаковость значенія волости и стана, изъ другихъ же, наоборотъ, видно различіе, но въ чемъ оно состояло, уловить весьма трудно. [2]) Проф. Соловьевъ признаетъ станъ за подраздѣленіе волости. [3])

Наконецъ извѣстно еще одно подраздѣленіе на *погосты*, но это подраздѣленіе не имѣло правительственнаго характера. Погостомъ считалась та сельская церковь, къ которой приписаны были окружныя села для исполненія церковныхъ требъ. Такъ какъ при церквахъ происходило большее или меньшее стеченіе народа, то нельзя отвергать участія его особенно въ вопросахъ, подлежащихъ разсмотрѣнію общества, но въ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятникахъ на это нѣтъ никакого указанія.

Изъ мѣстныхъ общихъ органовъ управленія въ лѣтописяхъ, грамотахъ и договорахъ упоминаются: намѣстники, волостели, тіуны, посельскіе и сотскіе. Городами съ ихъ уѣздами завѣ-

---

[1]) С. Г. Г. и Д. I. 21 и 22.

[2]) Ср. уст. и таможн. грам. бѣлозерцамъ А. А. Э. т. I. 123. С. Г. Г. и Д. I. 144. Не соотвѣтствуютъ ли названія волости и стана различнымъ правамъ поселенцевъ изъ свободнаго и несвободнаго классовъ? Признавъ это различіе, не трудно уже объяснить употребленіе въ бѣлозерскихъ грамотахъ этихъ названій то раздѣльно, то вмѣстѣ.

[3]) И. Р. т. III. с. 38 2-е изд.

дывали намѣстники, а волостями съ уѣздами—волостели. Съ XIV столѣтія первые, замѣнивъ прежнихъ посадниковъ, представляли собою власть князя въ качествѣ правителя, судьи и воинскаго начальника: [1]) „а правъ ли будетъ или виноватъ *городской человѣкъ*... и онъ въ правдѣ и въ винѣ намѣстникомъ. [2]) Приговоръ намѣстника былъ совершенно единоличенъ. Если городъ по обширности своей, завѣдывался двумя или болѣе намѣстниками, то въ этомъ случаѣ не было общаго завѣдыванія, но городъ раздѣлялся на части по числу намѣстниковъ, дѣйствовавшихъ самостоятельно и подчиненныхъ только волѣ князя. Это заключеніе можно вывести изъ того, что при общемъ завѣдываніи необходимо было бы опредѣленіе коллегіальныхъ отношеній, а въ нашихъ грамотахъ этого не только не, встрѣчается, но напротивъ, говорится о блюденіи города «съ единого». Намѣстники и волостели назначались по избранію князя изъ первостепенныхъ служилыхъ людей, бояръ, а иногда и изъ боярскихъ дѣтей; срокъ службы точно также зависѣлъ отъ воли князя. [3])

Какимъ былъ для города намѣстникъ, точно въ такомъ же отношеніи находился волостель въ своей волости, съ тѣмъ только исключеніемъ, что послѣдній никогда не предводительствовалъ войскомъ, а потому и пользовался меньшимъ значеніемъ, какъ будто второстепеннымъ. Можно даже предполагать, что иногда судебная власть волостеля ограничивалась изъятіемъ въ вѣдомство намѣстника важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ.

За службу свою намѣстники и волостели особаго жалованья отъ князя не получали, но пользовались опредѣленнымъ обязательнымъ приношеніемъ отъ подвѣдомственныхъ имъ лицъ или же частью доходовъ, слѣдующихъ князю—что называлось *кормленіемъ*. Хотя въ современныхъ уставныхъ грамотахъ о кормленіи и не упоминается, но сомнѣваться въ этой системѣ

---

[1]) А. А. Э. т. I. №№ 19, 28, 36, 37. А. П. т. I. № 83, 87, 88, и мн. др.

[2]) А. А. Э. т. I. 136 и 139.

[3]) А. П. т. II. 10. А. Ю. 161.

вознагражденія невозможно, такъ какъ объ ней говорится еще въ Русской Правдѣ и затѣмъ въ позднѣйшихъ источникахъ. [1])

Наконецъ въ духовныхъ грамотахъ князей на ряду съ намѣстниками и волостелями иногда встрѣчаются *посельскіе*. За недостаткомъ указаній трудно опредѣлить права и обязанности этой должности „мои намѣстники и волостели, и посельскіе, и ихъ тіуны. [2]) Сопоставленіе этихъ должностей, имѣющихъ своихъ тіуновъ, очевидно указываетъ на ихъ однородность. Вѣроятно, посельскіе были тѣже волостели, или управители, но только назначаемые въ такое княжеское поселеніе, которое по какому либо обстоятельству требовало особаго волостеля, постоянно въ немъ пребывающаго. [3])

Какъ князь въ качествѣ мѣстнаго органа управленія, намѣстники и волостели имѣли помощниковъ, извѣстныхъ подъ особымъ названіемъ *тіуновъ*. Эти чиновники, составляя низшій классъ служилыхъ людей, опредѣлялись самими тѣми лицами, при которыхъ состоялн и выбирались иногда даже изъ рабовъ. Спеціальное назначеніе тіуновъ, кажется, составляло отправленіе правосудія, такъ по крайней мѣрѣ видно изъ опредѣленій Правды XIII столѣтія. Только впослѣдствіи, съ развитіемъ гражданственности, когда судъ получилъ большее значеніе и сталъ передаваться если не намѣстникамъ, то особымъ введеннымъ боярнъ, тіуны лишились судебной власти, превратились въ простыхъ приставовъ-исполнителей распоряженій судьи, или въ домашнихъ служителей, въ родѣ клюшниковъ. Въ разсматриваемую же эпоху тіуны отправляли правосудіе вмѣсто намѣстниковъ и волостелей въ качествѣ власти единоличной. [4]) Число ихъ при намѣстникѣ и волостелѣ зависѣло отъ количества возникавшихъ дѣлъ, свойства ихъ и отъ пространства мѣстности: такъ были особый тіунъ *огнищный* и *конюшій*, за убійство котораго платилось 80 гривенъ и *сельскій* тіунъ, за убіеніе котораго платилось только 12 гривенъ. [5]) Срокъ службы тіуна

---

[1]) С. Г. Г. и Д. т. I. № 33. А. А. Э. т. I. 123, 143, 144, 150.
[2]) Договор. грам. 1428 г.
[3]) А. А. Э. 1. 43 и 83.
[4]) А. Ю. № 18 и 19.
[5]) Изсл. о Рус. Прав. Калачова стр. 110.

зависѣлъ отъ воли лица опредѣлившаго его, съ тѣмъ только ограниченіемъ, что увольненіе его не могло совершиться ранѣе года послѣ назначенія.

Послѣднюю степень служебной іерархіи занимали сотскіе и старосты. Изъ дошедшихъ до насъ источниковъ невозможно почерпнуть точныхъ и положительныхъ опредѣленій о ихъ правахъ и обязанностяхъ. Вѣроятно, это были полицейскіе служители, обязанные наблюдать за своевременнымъ и правильнымъ отбываніемъ натуральныхъ и другихъ повинностей, исполнять распоряженія намѣстниковъ и волостелей и охранять общественное спокойствіе. Неизвѣстно, было ли различіе въ обязанности этихъ должностей и, если было, то въ чемъ именно оно заключалось; судя же потому, что дѣленіе на сотни существовало въ военномъ отношеніи (тысячкій—главный начальникъ военныхъ силъ княжества) должно видѣть въ сотскомъ лицо, назначенное правительствомъ, между тѣмъ какъ староста (старѣйшина), по всей вѣроятности, было лицо, выбранное обществомъ.

Спеціальные органы управленія. Къ этимъ органамъ должно отнести: 1) изъятія изъ общаго порядка управленія и предоставленія юридическимъ и частнымъ лицамъ исключительнаго права управленія и суда и 2) управленіе и судъ въ особыхъ промышленныхъ поселеніяхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ путей. Сюда же принадлежитъ также завѣдываніе особыми имуществами князя, какъ частнаго собственника и какъ главы княжества, что въ то время было безразлично.

Изъятій изъ общаго вѣдомства правительственныхъ органовъ опредѣленныхъ округовъ и предоставленій права управленія и суда въ нихъ въ пользу юридическихъ лицъ: монастырей, церквей, и частныхъ лицъ: княгинь, князей и друг. въ первый московскій періодъ весьма много. Это предоставленіе совершалось или духовными, или жалованными грамотами и обнимало или управленіе и судъ въ полномъ объемѣ, или съ ограниченіемъ. Послѣднихъ грамотъ т. е. съ ограниченіемъ значительно больше; обыкновенно князья оставляли за собою или право суда надъ важными уголовными преступленіями: душегубствами, разбоями, или оставляли за собою

нѣкоторыя пошлины: ямъ или дань. По преимуществу пожалованія относились до тѣхъ поземельныхъ округовъ, которые принадлежали пожалованному лицу какъ собственность, но иногда пожалованіе распространялось и на округа, принадлежащіе постороннимъ лицамъ. Когда пожалованіе было полное, право суда, управленія и собиранія пошлинъ принадлежали всецѣло лицу пожалованному, которое могло передать свое право другому лицу; при пожалованіи же ограниченномъ изъятые предметы оставались въ вѣдомствѣ общихъ правительственныхъ органовъ намѣстниковъ, волостелей и ихъ тіуновъ. [1])

Второй разрядъ спеціальныхъ органовъ управленія завѣдывалъ тѣми поселеніями на княжескихъ земляхъ, которыя доставляли князю извѣстный доходъ, или которыя имѣли на рукахъ имущество князя. По свойству своей дѣятельности эти поселенія носили особыя названія путей: конюшеннаго, ловчаго, сокольничаго и друг., смотря по роду повинности къ князю, по содержанію его лошадей, собакъ, соколовъ и т. п. Этими поселеніями завѣдывали особые органы, подъ своими характеристическими именами: конюшаго, ловчаго, сокольничаго и проч. А такъ какъ поселеній каждаго пути, вѣроятно, было не мало, то завѣдываніе ими ввѣрялись путному боярину. [2]) Конечно, подобное дѣленіе могло возникнуть только съ упроченіемъ княжеской власти, съ развитіемъ ея хозяйственной дѣятельности, слѣдовательно никакъ не ранѣе XIV столѣтія. До этого же времени немногосложнымъ княжескимъ имуществомъ завѣдывали дворскіе, казначеи и клюшники, встрѣчавшіеся и въ послѣдующее время, но уже имѣвшіе въ завѣдываніи только сбереженіе и охраненіе движимыхъ имуществъ, денежной казны, мѣховъ и т. п. [3]) Къ этому же разряду чиновниковъ должно отнести и встрѣчающееся въ источникахъ названіе дьяковъ, подъячихъ и т. п.

Такимъ образомъ организація управленія носитъ по себѣ положительный характеръ частнаго вдадѣнія, хозяйственнаго

---

[1]) А. А. Э. т. I. № 5, 7, 17, 20, 34, 44, 45, 46 и др.
[2]) А. А. Э. т. I. № 17, 34, 39. С. Г. Г. и Д. I. 23, 34, 40.
[3]) А. А. Э. т. I. № 5, А. И. 1—15.

управленія вотчиной, въ которомъ всѣ распоряженія лишены опредѣленности и общихъ началъ. Князья руководствуются только своими соображеніями, выбираютъ правительственные органы по личному усмотрѣнію изъ лицъ даже несвободнаго состоянія, измѣняютъ предѣлы вѣдомства этихъ органовъ, то сокращая, то расширяя, смотря по условіямъ даннаго момента, не стѣсняясь никакими не только обязательными, но даже общепринятыми правилами и наконецъ передаютъ даже право на значеніе правительственныхъ органовъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ.

ГЛАВА XI.

Контингентъ княжества.

При совершенномъ отсутствіи государственнаго начала вообще немыслимо существованіе различныхъ состояній, имѣющихъ извѣстныя права и составляющихъ собою опредѣленный элементъ государственнаго строя. Неговоря уже о древнихъ русскихъ княжествахъ, такихъ состояній не могло быть и въ первобытномъ московскомъ княжествѣ. Существовало единственное рѣзкое раздѣленіе населенія княжества, основанное на соціальныхъ правахъ человѣка, раздѣленіе на состояніе свободное и несвободное и затѣмъ существовали различныя группы по различнымъ видамъ дѣятельности, вызывающихъ извѣстныя законодательныя опредѣленія въ видѣ особыхъ *хозяйственныхъ міръ*.

Несвободное состояніе, рабство существовало у всѣхъ народовъ въ первые періоды ихъ жизни, какъ безъ сомнѣнія оно существовало и у славянъ. Но у послѣднихъ при особыхъ условіяхъ развитія народной жизни, это состояніе приняло особенно значительные размѣры. Для полнаго выясненія этого печальнаго, но естественнаго явленія необходимо прослѣдить историческій ходъ отъ возникновенія его до разсматриваемой эпохи и опредѣлить причины, способствовавшія его развитію.

У славянъ, какъ и у всѣхъ народовъ, кореннымъ и главнымъ источникомъ рабства обыкновенно служила война: плѣнникъ становился собственностью взявшаго въ плѣнъ, его вещью, его вознагражденіемъ за лишенія, труды и опасности боевой жизни. Вѣроятно у славянъ, по ихъ небраннолюбивому характеру, рабство не имѣло суроваго характера, можетъ быть у нихъ, какъ говорятъ греческіе писатели, [1]) плѣнникъ находился въ рабствѣ только временномъ и по истеченіи нѣкотораго срока или возвращался на родину, или оставался свободнымъ, но тѣмъ не менѣе существованіе рабства въ самыя древнія времена нашей исторіи неоспоримо. Съ притокомъ воинственной варяжской дружины, искавшей главнымъ образомъ себѣ добычи, случаи плѣненія стали повторяться чаще и въ большихъ размѣрахъ. Въ мирныхъ договорахъ Олега и Игоря съ греками уже понадобились особыя условія о рабахъ, сдѣлавшихся предметомъ торговли. Затѣмъ контингентъ рабства все болѣе и болѣе увеличивался, вслѣдствіе войнъ первыхъ князей, сначала противъ сосѣдственныхъ племенъ, а потомъ между собою. Такъ Ольга по взятіи древлянскаго рода Коростеня „овѣхъ избиша, а иныя воемъ своимъ преда". [2]) Такъ Ярославъ и Мстиславъ послѣ набѣга на ляшскую землю „многи ляхи приведоша и раздѣлиша". Каждая война, каждый набѣгъ доставлялъ полонъ и если сообразить количество войнъ въ XI, XII и XIII столѣтіяхъ, то неудивительно быстрое умноженіе рабовъ, неудивительны низкія цѣны на нихъ, неудивительно, что въ Новгородѣ за плѣннаго суздальца платили только двѣ ногаты. [3])

Хотя въ договорныхъ грамотахъ встрѣчается условіе о размѣнѣ плѣнныхъ: „что будетъ у тебе того моего полону или у твоихъ бояръ и у дѣтей у боярскихъ и тебѣ тотъ полонъ весь отдати... а кто будетъ того полону запроданъ за рубежъ или индѣ гдѣ и тебе тотъ полонъ выкупить весь безъ хитрости и отдати мнѣ" [4]) но эти условія заключались впо-

---

[1]) Карамз. т. I. прим. 132.
[2]) Никон. Лѣт.
[3]) Карамз. III. прим. 7.
[4]) Догов. грам. 1433 г.

слѣдствіи, когда князья стали осѣдлыми, когда въ ихъ прямомъ интересѣ было заботиться объ цѣлости и увеличеніи населенія своего княжества.

Плѣнъ составлялъ главный источникъ рабства, но далеко не единственный. Въ Русской Правдѣ уже встрѣчаются законодательныя опредѣленія различныхъ видовъ рабства: холопство полное „обѣльное“ и неполное „закупъ“ и исчисляются тѣ случаи, отъ которыхъ возникало холопство. Къ поводамъ полнаго холопства принадлежали: 1) продажа свободнымъ самаго себя въ рабство и купля холопа отъ хозяина. Законъ требовалъ, чтобы въ первомъ случаѣ продажа производилась при свидѣтеляхъ, а во второмъ въ присутствіи самаго холопа, такъ какъ показанія ихъ могли быть доказательствами совершенной сдѣлки. Впослѣдствіи, въ разсматриваемую эпоху по такимъ продажамъ составлялись полныя и докладныя грамоты; 2) женитьба на рабѣ безъ ряду, т. е. безъ выговоренія условія о своей свободѣ. Это правило относилось собственно къ мужу, но, безъ всякаго сомнѣнія, оно распространялось и на жену, тѣмъ болѣе, что для женщины вопросъ о самостоятельности не имѣлъ большой важности; 3) поступленіе на службу въ должность тіуна или ключника безъ рада. Мотивы этого опредѣленія очевидны: должность ключника или тіуна требовала особенной преданности и вѣрности интересамъ хозяина, а такой преданности можно было болѣе всего ожидать отъ человѣка вполнѣ зависѣвшаго отъ воли хозяина; 4) неплатежъ долга. Впрочемъ по этому поводу Правда установляетъ различіе по причинамъ неплатежа: отъ несчастныхъ ли обстоятельствъ, независѣвшихъ отъ должника произошелъ неплатежъ, или по собственной его винѣ,—въ первомъ случаѣ должника не насиловали, не подвергали продажѣ, но ждали болѣе благопріятнаго времени, во второмъ же случаѣ предоставлялось заимодавцамъ право или отсрочить уплату, или продавать должника; 5) побѣгъ лица, находившагося въ личной зависимости (закупъ, ваймитъ) за долгъ или прожитки отъ своего хозяина обращалъ въ рабство „аже холопъ бѣжитъ отъ господы, то обѣль,“ исключая того случая, когда закупъ уходилъ явно искать денегъ для уплаты, или къ князю, или къ

судьѣ съ жалобою на обиду; 6) уплата хозяиномъ закупа за уворованное послѣднимъ, точно также приводило обѣльство и наконецъ; 7) наслѣдственность рабства [1]).

Всѣ эти случаи установленія холопства, исчисленные въ Русской Правдѣ не могли не довести контингентъ его до ужасающихъ размѣровъ, въ особенности при полной необезпеченности жизни свободнаго русскаго человѣка того времени, при безпрерывныхъ княжескихъ усобицахъ, и при необузданномъ стремленіи личности къ господству, къ подчиненію себѣ другихъ менѣе сильныхъ. А такъ какъ сильными людьми являлись князья и приближенные къ нимъ дружинники и бояре, то естественно было бы ожидать особеннаго развитія аристократическаго элемента. Но этого не было, и не было вслѣдствіе тѣхъ условій, въ какія поставили себя князья и дружинники. Тѣ и другіе не были совершенно осѣдлыми, не проникались мѣстными интересами, бросали свои мѣста въ княжествѣ, или уступали ихъ какъ только представлялся выгодный случай. Такимъ явленіемъ характеризуется весь нашъ историческій ходъ до XIV столѣтія. Полная неопредѣленность отношеній: демократія не могла развиться вслѣдствіе ослабленія народнаго элемента чрезмѣрнымъ развитіемъ несвободнаго класса, а аристократія вслѣдствіе своего чуждаго положенія.

Наконецъ, къ особому развитію рабства въ значительной степени служили татарскіе набѣги. Каждый набѣгъ уводилъ полонъ и, конечно, полонъ такихъ лицъ, за которыхъ можно было ожидать хорошаго выкупа, каждый набѣгъ грабилъ, лишалъ оставшихся на мѣстѣ жителей ихъ прибытковъ и достоянія, а тѣмъ самымъ заставлялъ входить въ займы, приводившіе неминуемо къ закрѣпленію въ холопство. Уводя полонъ и разрѣжая тѣмъ свободное населеніе, сами татары оказывали русской княжеской власти двойную услугу: освобождали отъ противодѣйствія и давали возможность князьямъ выкупомъ полоновъ и поселеніемъ его на своихъ земляхъ увеличивать матеріальныя средства. Этими услугами и воспользовались московскіе князья, плотно засѣвшіе на одномъ мѣстѣ и зорко

---

[1]) Изслѣдованія о Рус. Правдѣ Калачова, ст. 82, 85, 87.

слѣдившіе за всевозможными промыслами. Выкупленные изъ полона и засѣленные на княжескихъ земляхъ люди носили особое названіе ордынскихъ, о которыхъ, равно какъ и о другихъ купленныхъ людяхъ, встрѣчаются въ договорахъ князей особыя условія.

Ограниченіе случаевъ установленія рабства вовсе не входило въ разсчеты начинавшей организовываться самостоятельной княжеской власти, а потому и не могло вызывать никакихъ ограничивающихъ обязательныхъ мѣръ. Только духовная власть во имя спасительнаго христіанскаго ученія печаловалась о тяжкой холопской долѣ и старалась при всѣхъ благопріятныхъ моментахъ объ освобожденіи рабовъ на свободу. Но христіанское вліяніе проникало въ народную массу постепенно и духовенство ограничивалось только частными случаями, стараясь избѣгать выказывать какое-либо противодѣйствіе свѣтской власти. Къ этимъ-то частнымъ случаямъ относятся отпущенія на волю въ духовныхъ завѣщаніяхъ князей и знатныхъ лицъ. Духовенство пользовалось податливымъ моментомъ послѣдняго страшнаго разсчета человѣка съ жизнью, но не дѣлало, да и не могло дѣлать, никакой попытки къ сокращенію поводовъ рабства. Да и это частное вліяніе духовенства обнаружилось позднѣе, въ разсматриваемую же эпоху его въ нашихъ историческихъ памятникахъ почти не видно: даже въ духовной грамотѣ такого религіознаго человѣка, каковъ былъ Іоаннъ Даниловичъ Калита, вовсе не встрѣчается распоряженія объ отпускѣ на свободу.

Что же касается до вопроса о положеніи раба, объ юридическомъ отношеніи его къ обществу, то этотъ вопросъ положительно разрѣшается опредѣленіями Русской Правды и нѣкоторыми дошедшими до насъ грамотами.

Рабское состояніе было состояніе безправное; рабъ-холопъ, какъ вещь, могъ пріобрѣтаться и отчуждаться всѣми возможными способами наравнѣ со всякимъ имуществомъ. Онъ могъ быть уничтоженъ, убитъ безъ преслѣдованія уголовнымъ судомъ.... „а въ холопѣ и въ рабѣ нѣтуть виры, но же буде

безъ вины убіены, то за холопъ урокъ платити, или за рабу“ [1]) собственнику цѣну раба. Самъ же хозяинъ не подвергался никакому взысканію, какъ это подтверждается даже позднѣйшимъ свидѣтельствомъ (въ концѣ XIV вѣка), Двинскою грамотою Василія Дмитріевича „а кто осподарь огрѣшится ударитъ холопа или рабу, а случится смерть, то въ томъ намѣстники не судятъ, ни вины не сміютъ [2]).“ Рабъ, какъ вещь, могъ быть похищенъ и украденъ „аже кто познаетъ челядинъ свой украденъ, а поимешь и то оному вести по купамъ до третьяго свода“ [3]), а самая покража навлекала взысканіе на похитителя... „а оже уведетъ ножъ холопъ, любо рабу платити ему за обиду 12 гривенъ“ [4]). Рабъ не могъ пріобрѣтать имущества въ личную собственность. Хотя объ этомъ нѣтъ въ Русской Правдѣ точнаго опредѣленія, но оно естественно вытекаетъ изъ всѣхъ другихъ ея положеній, какъ напр.: „оже холопъ бѣгая добудетъ товару, то господину же и холопъ и долги господину же и товаръ“, или „аже отъ челяди плодъ или отъ скота, то все поимати лицемъ.“ Въ Правдѣ вообще исчисляются съ опредѣленностью только тѣ случаи, которые, или опредѣляли финансовую сторону, или могли возбуждать сомнѣніе и споры; въ вопросѣ же извѣстномъ и всѣми одинаково понимаемомъ не предстояло никакой надобности въ особомъ опредѣленіи.

Какъ существо безправное, рабъ не могъ свидѣтельствовать въ какомъ либо дѣлѣ „на послушество на холопа не вскладаютъ, но оже не будетъ свободнаго, то по нужди ти сложити на боярскаго тивуна на дворскаго, а на нѣхъ не вскладывати“ [5]). Но ни эти послѣдніе и никто вообще изъ рабовъ не могъ свидѣтельствовать противъ своего господина „тяже всѣ судятъ съ послухы свободными, будетъ послухъ холопъ, то холопу на правду не стати, но оже хочетъ истецъ“ [6]),

---

[1]) Рус. Правда Калачова, стр. 112.
[2]) А. А. Э., т. I, № 13.
[3]) Рус. Пр. Калач., стр. 130.
[4]) Ibid. стр. 119.
[5]) Рус. Правда Калачова, стр. 124.
[6]) Ibid., стр. 125.

т. е. за исключеніемъ того случая, когда самъ истецъ вызывалъ свидѣтельство холопа. Свидѣтельство на господина не принималось рѣшительно: „холопа и рабѣ на господина вѣры неяти“ [1]). Рабъ безъ своего господина не могъ быть судимъ, „а старостѣ ни холопа, ни рабѣ безъ господаря.... судьямъ не судити“ [2]), да и вообще какъ вещь, онъ не подвергался личной судебной отвѣтственности и за его дѣйствія отвѣчалъ господинъ, отъ котораго зависѣло или платить за него, или выдать виновнаго. Только за одно дѣйствіе холопъ могъ подвергнуться личной отвѣтственности, а именно: за обиду нанесенную имъ свободному человѣку „аже холопъ ударитъ свободнаго мужа, а убѣжитъ въ хоромъ, а господина его не выдасть, то заплатити зань господину 12 гривнѣ, а затѣмъ аче кдѣ налѣзетъ его увареный своего истьча, кто же его ударилъ великы князь Ярославъ (Володимеричь) уставилъ убити въ сыновѣ уставиша на куны, любо бити развязавше, или взяти уговло за соромъ“ [3]).

Даже этихъ краткихъ указаній на юридическую обстановку несвободнаго состоянія достаточно для доказательства, какъ тяжела была доля холоповъ и тѣмъ болѣе тяжела, что она была безвыходна, безъисходна, безъ воли самого хозяина. Только рабыня-наложница господина послѣ его смерти дѣлалась свободной, вмѣстѣ съ своими дѣтьми; да еще дѣлался свободнымъ наймитъ, купленный какъ холопъ [4]). Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ холопства собственно и не возникало, такъ какъ въ самой продажѣ заключался обманъ.

Названіе холопа относилось ко всякому лицу несвободнаго состоянія, былъ ли онъ земледѣлецъ „ролѣйный холопъ“, или дворской, но преимущественно этимъ названіемъ обозначались лица, находившіяся при господинѣ въ личной службѣ, хотя домашняя прислуга господина носила особое названіе челяди, челядинцевъ.

Такое печальное положеніе значительнаго по числу народ-

---

[1]) Договорн. грам. 1270 и 1307 г.
[2]) Договорн. грам. 1305 г.
[3]) Рус. Правда Калач., ст. 94.
[4]) Изслѣд. Рус. Правды Калачова, стр. 87.

наго класса не могло не отразиться въ общемъ строѣ и въ этомъ положеніи лежала одна изъ главныхъ причинъ возникновенія и упроченія вотчинной власти и тѣхъ отношеній, которыя установились между высшими и низшими общественными ступенями.

Полусвободное состояніе. Между холопомъ и свободнымъ лицемъ существовалъ особый классъ полусвободныхъ (закупы, наймиты), принявшихъ на себя извѣстныя обязательства (кабалы), съ ограниченіемъ ихъ свободы, но не превратившихся въ собственность. Къ числу такихъ лицъ принадлежали закупы и наймиты. Невозможно съ точностью сказать, существовало ли различіе между этими лицами относительно ихъ правъ и вообще юридической обстановки, но кажется, что различіе касалось только способа установленія зависимости, а не сущности самыхъ отношеній. Закупомъ называлось лицо, принявшее на себя добровольно зависимость и передавшее въ распоряженіе другаго свою дѣятельность, но не себя самаго, въ удовлетвореніе за полученное отъ хозяина одолженіе, въ чемъ бы это послѣднее ни состояло, въ денежномъ ли пособіи, въ ссудѣ ли хлѣбной и т. п. Наймитомъ же было лицо, обязавшееся представлять свою извѣстную, опредѣленную дѣятельность за извѣстное, условленное вознагражденіе. Но это различіе, такъ отчетливо понимаемое въ настоящее время, въ малоразвитомъ русскомъ обществѣ XIII и XIV вѣковъ, при полномъ отсутствіи опредѣленности даже въ самыхъ существенныхъ юридическихъ отношеніяхъ, сознавалось смутно. Права и обязанности закуповъ и наймитовъ смѣшивались и подлежали однимъ и тѣмъ же опредѣленіямъ,—что можно вывести изъ отсутствія отдѣльныхъ опредѣленій въ Русской Правдѣ и изъ сопоставленія рядомъ этихъ названій: „продастъ ли закупа господина за обѣль то наймиту свобода“ [1]).

Въ сравненіи съ холопами положеніе закуповъ и наймитовъ было несравнено лучше: нетолько жизнь, свобода, но даже личность обезпечивались. Въ приведенномъ мѣстѣ Русской Правды говорится, что за продажу его хозяиномъ за холопа,

---

[1]) Изсл. о Рус. Пр. Калач. ст. 89.

онъ нетолько получалъ освобожденіе отъ своего обязательства т. е. прощеніе сдѣланнаго имъ долга, но даже виновный хозяинъ платилъ ему за обиду и кромѣ того подвергался штрафу. Затѣмъ далѣе опредѣляется взысканіе за побои, сдѣланные закупу хозяиномъ безъ вины, наравнѣ какъ за побои свободному человѣку „аже господинъ бьетъ закупа про дѣло, то безъ вины есть, бьетъ ли не смысля пьянъ безъ вины, то яко въ свободнемъ платежѣ такоже и въ закупѣ“. Даже правомъ судебной защиты пользовался закупъ; такъ онъ могъ жаловаться на несправедливость господина князю или судьямъ и получалъ судъ (правду). Изъ этого же мѣста Русской Правды видно, что закупъ могъ отлучаться отъ своей обязанности, но только требуется, чтобъ отлучка была не тайная и по основательной причинѣ, какъ напр. за деньгами для уплаты долга или жалобы [1]). Въ отношеніи имущественномъ закупъ пользовался правомъ имѣть свою собственность, могъ располагать временемъ для своей работы и даже законодательство заботится оградить его при исполненіи принятаго обязательства отъ различныхъ начетовъ и взысканій хозяина: такъ закупъ обязывался удовлетворить хозяина за порчу бороны и плуга только въ томъ случаѣ если они портились на его работѣ, слѣдовательно какъ будто по его оплошности, точно также не обязанъ былъ удовлетворять хозяина за скотину, выведенную изъ забоя (огорожи или хлѣва) безъ его вины, но если пропажа произошла вслѣдствіе его оплошности или скотина загубилась на его работѣ, то обязанъ былъ вознаградить [2]). Закупъ могъ свидѣтельствовать въ судѣ и показанія его, какъ свободнаго человѣка, принимались за доказательства въ дѣлахъ, впрочемъ, небольшой важности „а въ малѣ тяжѣ по нужи можпши на закупа“ [3]). Слѣдовательно прибѣгали къ свидѣтельству закупа только по нуждѣ, за недостаткомъ другихъ доказательствъ и когда не было послуховъ изъ совершенно свободныхъ людей.

---

[1]) Ibid. ст. 87.
[2]) ibid. ст. 88.
[3]) ibid. ст. 124.

Зависимость закупа прекращалась уплатою долга хозяину или исполненіемъ принятаго закупомъ обязательства. Хотя объ этомъ и нѣтъ прямаго опредѣленія въ тогдашнемъ современномъ законѣ, но можно вывести изъ нѣкоторыхъ косвенныхъ указаній той же Русской Правды, а еще болѣе изъ естественнаго послѣдствія по исполненію договора. Но, вѣроятно, чаще это зависимое состояніе закупа превращалось въ полное холопство. Уплата долга, вообще нелегкая вещь, становилась почти невозможнымъ дѣломъ, при полномъ допущеніи всевозможныхъ стѣсненій со стороны хозяина. Законъ не опредѣлялъ ни условій относительно сроковъ обязательствъ, ни цѣнности труда закупа и этимъ, естественно, давалъ полную свободу частному произволу. Вслѣдствіе этихъ обстоятельстъ простой, сѣрый народъ бѣднѣлъ все больше и больше. И наконецъ все, что оставалось у него изъ пожитковъ отъ княжескихъ усобицъ, все грабилось и поглощалось татарскими ордами.

Свободное состояніе. Въ древнемъ періодѣ нашей исторіи до Московскаго государства, какъ было уже сказано, не могло существовать правильно образованныхъ состояній, какъ элементовъ государственнаго устройства, съ опредѣленными правами и обязанностями. Только одно государство въ своей стройной жизни создаетъ юридическихъ лицъ въ опредѣленной формѣ, живущихъ общей и отдѣльной жизнью, дѣйствующихъ какъ органы одного недѣлимаго тѣла въ районѣ, опредѣленномъ волею того же организма. Такихъ организмовъ не было у насъ до XVI вѣка. Наши княжества до XIV вѣка не были однодуховными единицами; въ нихъ жили двѣ стихіи, въ неопредѣленныхъ и нерѣдко враждебныхъ взаимныхъ отношеніяхъ: вѣче и князь. Но и эти стихіи съ своей стороны, какъ видно изъ предшествующаго изложенія, не были сами по себѣ однородными. Вѣче составляло народъ не въ видѣ цѣльнаго учрежденія, а какъ простое собраніе физическихъ лицъ, несвязанныхъ между собою одной общей для нихъ идеей. Точно также и княжеская власть не представляла собою суммы всѣхъ интересовъ княжества, не была фокусомъ всѣхъ его отправленій, а наоборотъ, въ большинствѣ случаевъ оказывалась чуж-

дою, связанною съ народомъ только матеріальнымъ интересомъ. Изъ такого соотношенія основныхъ элементовъ конечно немогла развиться государственная организація, вытекающая только ихъ единства духа. Государство является всегда объединеніемъ во имя одного общаго начала. У насъ до XVI вѣка ходъ событій и складъ внутренней жизни подготовилъ только развитіе княжеской власти, принявшій видъ частнаго владѣнія, вотчиннаго характера, власти собственника. Какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ вотчинное владѣніе развилось въ государственое — задача послѣдующаго развитія.

Къ положенію Московскаго княжества въ первой половинѣ XVI вѣка никакимъ образомъ не примѣняются наши понятія о правахъ состояній, выработанныхъ государственной жизнью, но тѣмъ не менѣе въ контингентѣ того времени существовали различныя группы населеній: смердовъ, огнищанъ, ремесленниковъ, жилыхъ людей, служилыхъ и т. п. отличающихся другъ отъ друга различными видами своей дѣятельности и потому имѣющихъ нѣкоторую особую юридическую обстановку. Конечно эта обстановка по своеобразному характеру того времени преимущественно заключала въ себѣ финансовую сторону: взиманіе виръ и различныхъ податей и повинностей. За исключеніемъ же этой финансовой особенности всѣ свободные классы имѣли существенныя черты общими. Всѣ виды дѣятельности могли производиться каждымъ желающимъ обратиться къ тому или другому роду. При полномъ отсутствіи замкнутости каждый земледѣлецъ „смердъ“ могъ безпрепятственно сдѣлаться очищаниномъ, купцомъ, житымъ человѣкомъ или служилымъ. Равнымъ образомъ не было территоріальной замкнутости. Всѣ пользовались правомъ (за исключеніемъ, разумѣется, холоповъ) свободнаго перехода, свободнаго выбора мѣста жительства. Эта свобода соотвѣтствовала только мѣстнымъ условіямъ; города не были пунктами исключительнаго пребыванія особаго городскаго состоянія (нынѣшнихъ городскихъ обывателей), въ нихъ проживали и земледѣльцы, точно также въ сельскихъ поселеніяхъ проживали лица, занимающіяся промыслами. Самые села и города не различались между собою юридическими чертами;

тѣ и другіе отличались только количествомъ населенія и цѣлью назначенія (городъ-какъ пунктъ оборонительный).

Переходя къ разсмотрѣнію различныхъ группъ населенія, упоминаемыхъ въ нашихъ источникахъ, необходомо предварительно сказать, что въ большинствѣ случаевъ встрѣчающіяся въ лѣтописяхъ, грамотахъ и договорахъ названія до сихъ поръ нашими учеными съ точностью необъяснены и всѣ мнѣнія по этому предмету болѣе или менѣе гадательны. Со временемъ, съ умноженіемъ изданій нашихъ древнихъ лѣтописныхъ памятниковъ, вѣроятно, будутъ объяснены весьма многія; теперь еще темныя, представленія о нашемъ древнемъ бытѣ.

Самое низшее и вмѣстѣ съ тѣмъ коренное населеніе составляли смерды. Названіе смердъ находится въ памятникахъ до XIV столѣтія и обозначаетъ: 1) земледѣльцевъ „не годно веснѣ итти, говоритъ дружина Святослава, копи изморити, хочемъ погубить *смерди* и *ромо* имъ отяти [1]),“ 2) людей по преимуществу податныхъ: „Новгородцы... взята всю дань, а на суждальскихъ смердѣхъ другую“ или „не губите своихъ смердъ и своея дани“ и наконецъ 3) людей вообще стоящихъ на низшей ступени общественной іерархіи „нача Ярославъ вои дѣлити старостамъ своимъ по 10 гривенъ, а смердемъ по гривнѣ, а Новгородцемъ по 10 гривенъ и отпусти я всѣ домовъ [2]).“ Въ Русской Правдѣ находится немного опредѣленій, относящихся къ смердамъ, а именно: о принадлежности князю наслѣдства послѣ смерти умершаго бездѣтнымъ, или оставившаго только замужнихъ дочерей [3]) и о послѣдствіяхъ личныхъ обидъ (мукъ), нанесенныхъ смердомъ смерду же или огнищанину, [4]). Изъ сопоставленія всѣхъ приведенныхъ упоминаній должно, кажется, видѣть въ смердахъ лично свободныхъ простолюдиновъ, свободныхъ работниковъ по производству ли сельскихъ полевыхъ работъ или по производству въ различныхъ мастерствахъ. Самый унизительный оттѣнокъ въ названіи

---

[1]) П. С. Р. Л. II.
[2]) Никол. с. 179.
[3]) Изсл. о Рус. Пр. Калач. с. 101.
[4]) Ibid. с. 116.

смерда не указываетъ на него, какъ на поземельнаго собственника, такъ какъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ обладаніе поземельною собственностью придавало лицу нѣкоторую самостоятельность и значеніе.

Вопросъ о смердахъ естественно приводитъ къ другому вопросу: кто же были землевладѣльцами въ древней Руси? Этотъ весьма важный вопросъ нашими изслѣдователями разрѣшается различно. Одни, признавая завоевательныя отношенія пришельцевъ варяжскихъ князей, видятъ въ послѣднихъ обладателей всѣхъ земель завоеванныхъ областей или княжествъ, а по нимъ уже и тѣхъ дружинниковъ и служителей князя, къ которымъ дошли земли по пожалованію; другіе же изслѣдователи на оборотъ, признавая въ пришельцахъ-князьяхъ только правителей и судей, оставляютъ земельное владѣніе въ рукахъ тѣхъ родовъ туземнаго племени, у котораго оно находилось до появленія князей.—Разсмотрѣвъ доводы обѣихъ сторонъ и внимательно прослѣдивъ лѣтописныя указанія, кажется, можно достигнуть истины соглашеніемъ обоихъ противуположныхъ мнѣній: земля, находившаяся въ дѣйствительномъ владѣніи туземцевъ, оставалась собственностью ихъ de jure, и de facto и послѣ установленія княжескихъ столовъ, а затѣмъ прочія земли княжества, несостоявшія въ чьемъ либо фактическомъ владѣніи, должны были считаться собственностью князя, или того лица, кому были пожалованы княземъ. При такомъ объясненіи становится понятнымъ выраженіе лѣтописца „иде Володимеръ на ятвяги и побѣди ятвяга и взя землю ихъ“, [1]) становится понятно право князя на пожалованіе своимъ дружинникамъ земель и вмѣстѣ съ тѣмъ становится объясненной та легкость, съ какой князья покидали свои волости, чего не могло бы быть, еслибъ князья связывались съ волостью обширными поземельными населенными владѣніями.

Въ древней Руси, въ особенности при обширности пустопорожнихъ пространствъ, не могло быть столкновеній по поземельному владѣнію и каждый свободный имѣлъ право пріобрѣтать землю, обработывать и населять ее, соображаясь только

---

[1]) П. С. Р. Л. I. с. 35.

съ своими средствами. Такимъ образомъ, рядомъ съ мелкими собственниками — наслѣдниками прежнихъ родовъ, возникали новыя поселенія княжескія и боярскія изъ холоповъ, закуповъ и смердовъ, обязанныхъ обработывать землю въ пользу землевладѣльцевъ. Съ теченіемъ времени подъ совокупнымъ вліяніемъ съ одной стороны сильнаго расширенія несвободныхъ классовъ и развитія личнаго стремленія къ господству, необуздываемаго государственнымъ порядкомъ, а съ другой стороны безпрерывныхъ междоусобицъ и разорительнаго татарскаго погрома, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ количество прежнихъ мелкихъ поземельныхъ собственниковъ постепенно изчезало и уступало мѣсто крупному землевладѣнію, оставляя по себѣ память только внѣшнимъ видомъ поселеній, состоящихъ изъ небольшихъ особыхъ деревень въ нѣсколько дворовъ. Таковъ долженъ былъ быть и такимъ дѣйствительно былъ естественный ходъ нашего землевладѣнія, хотя на это нѣтъ прямыхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ. Явленія вседневной жизни, по естественности своей, слишкомъ незамѣтны и въ глазахъ современниковъ не заслуживали вниманія, а тѣмъ болѣе записки въ лѣтопись, предназначенной къ увѣковѣченію описаній необыкновенныхъ явленій въ природѣ или крупныхъ событій. Явленія повседневной жизни получаютъ значеніе только по общей группировкѣ своей и по истеченіи уже значительнаго времени.

Съ XIV вѣка въ нашихъ историческихъ памятникахъ названіе смерда изчезаетъ и вмѣсто его являются черные люди, числепные и ордынскіе. Что черные люди и числепные не значили одно и тоже, это видно изъ смысла договорныхъ грамотъ... „а черные люди къ сотникомъ... такожъ и числепныхъ людей [1])“. Кто же именно были черные и числепные люди? По смыслу указаній договорныхъ и судныхъ грамотъ можно заключить, что подъ черными людьми подразумѣвались вообще лица податныя, тяглыя, будутъ ли они земледѣльцы, или ремесленники, жили ли они на своихъ земляхъ, или владѣльческихъ: „пожаловалъ есмъ боляръ своихъ двинскихъ,

[1]) Догов. грам. 1433 и 1448. С. Г. Г. и Д. I. 27 и 33.

такъ же сотскаго *и всьхъ своихъ черныхъ людей* [1]) *Двинскые земли*" или напримѣръ „а которые слуги къ дворскому, *а черные люди* къ становщику тѣхъ въ службу не принимати". [2]) Численные же люди, вѣроятно, были люди, вошедшіе въ татарскую перепись, сборъ съ которыхъ спеціально предназначался на уплату ордынской дани, въ выходъ ордынскій. Такъ какъ каждый изъ князей обязанъ былъ вносить опредѣленный взносъ Великому князю, для доставленія въ Орду, то естественно, что эта часть долга лежала на опредѣленномъ количествѣ податныхъ численныхъ. Что подать татарская и подати мѣстныя княжескія отличались другъ отъ друга, это ясно видно изъ договорныхъ грамотъ... „*а долгъ бесерменскій* и проторъ и *русскій долгъ*, а то мы подняти по таможе расчету... а численныхъ людей блюсти ны съ единого, а земель ихъ не купити", [3]) или напр. [4]) „а численныхъ людей моихъ двою жеребьевъ моимъ сыномъ по частямъ". Изъ смысла приведенныхъ договоровъ видно, что въ концѣ этой эпохи у князей начала возникать мысль обезпечить свой доходъ косвеннымъ ограниченіемъ для крестьянъ права перехода съ земель одного князя на земли другаго. Но на эту мѣру нельзя смотрѣть какъ на мѣру государственную (что не могло быть по отсутствію государственныхъ элементовъ) и какъ на имѣющую серьезное значеніе во 1-хъ потому, что это условіе встрѣчается далеко не во всѣхъ княжескихъ договорахъ того времени, а во 2-хъ по полной свободѣ вообще перехода. Каждый свободный человѣкъ могъ совершенно безпрепятственно перемѣнять свое постоянное мѣстожительство, переходить не только въ предѣлахъ своего княжества, но даже и совсѣмъ переселиться въ другое. Только изъ черныхъ людей не принимались переселенцы отъ тѣхъ князей, которые заключали между собой особый договоръ, но и они могли переходить въ своемъ княжествѣ съ земель одного владѣльца на земли другаго. До насъ дошли нѣсколько жалобъ владѣльцевъ земель на перезывъ крестьянъ

---

[1]) Догов. грам. 1388 г.
[2]) Суд. грам. Карам. V примѣч. 244.
[3]) Догов. грам. 1380—1389.
[4]) Духов. грам. 1389.

другими владѣльцами обѣщаніями болѣе выгодныхъ условій и льготъ.

Были ли черные люди, или численные собственниками земель? По всей вѣроятности, могли быть и дѣйствительно были ими, хотя въ большинствѣ по скудности средствъ принуждены были ограничиваться арендованіемъ. Даже въ позднѣйшее время договоромъ Дмитрія Іоанновича Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ установлялось, чтобъ люди, *купившіе черные земли* обязывались или поступать въ черные люди и *тянуть съ ними*, или отступаться отъ покупки [1]) Слѣдовательно, если совершались покупки, то значитъ было и право собственности, въ противномъ случаѣ не было бы мѣста куплѣ-продажѣ, такъ какъ для пользованія достаточно было простаго зачисленія. Безъ сомнѣнія въ черные люди вошли прежніе свободные землевладѣльцы изъ неслужилаго класса, сохранивъ такимъ образомъ за собою коренной составъ населенія.

Наконецъ, въ договорахъ упоминается еще особый классъ населенія, подъ названіемъ людей *ордынскихъ*. По всей вѣроятности, это были люди, выкупленные князьями изъ татарскаго полона и поселенные на собственныхъ земляхъ князя, точно также какъ были поземельныя собственности у бояръ, служилыхъ людей и у монастырей. Что поселенія ордынскихъ людей были значительными, объ этомъ можно судить отчасти по значительности уводимаго татарами полона, а отчасти по постоянному стремленію князей, особенно московскихъ, увеличить свою собственность, примыслить, тѣмъ болѣе, что это стремленіе совершенно совпадало съ религіознымъ чувствомъ, желавшимъ освобожденія христіанъ изъ бесерменскаго полона. Очевиднымъ примѣромъ подобной дѣятельности, можетъ служить княженіе Іоанна Даниловича Калиты.

Ремесленный и торговый классъ: классъ торгующій и ремесленный не составлялъ въ древнія времена особой корпораціи, въ видѣ современнаго городскаго состоянія. Быть земледѣльцемъ или торговцемъ вполнѣ зависѣло отъ воли обывателя, не стѣсненной въ этомъ отношеніи никакими внѣш-

---

[1]) С. Г. Г. и Д. I. 33.

ними условіями. Какъ земледѣльцы, такъ и торговцы жили въ однихъ и тѣхъ же городахъ, не различаясь привилегіями и льготами, за исключеніемъ, впрочемъ, иностранныхъ купцовъ, положеніе которыхъ, какъ чужеземцевъ, вызывало особенное покровительство. Затѣмъ съ теченіемъ времени по мѣрѣ развитія различныхъ видовъ промышленности классъ торгующій все болѣе и болѣе сталъ выдѣляться изъ общей массы и сосредоточиваться преимущественно въ городахъ «и сотвори ту градецъ малъ (холмъ) и князь Данило нача призывати прихожанъ нѣмцы, и русь и иная язычники и ляхи, и бѣжаху изъ татаръ *сѣдельници* и *лучници*, и *тулиницы* и *кузнецы* желѣзу мѣды и сребру и бѣ жизнь и наполниша дворы окрестъ града поле» [1]).

Составляя болѣе богатую и болѣе развитую часть населенія, классъ торгующій, естественно, долженъ былъ вызывать особыя покровительственныя мѣры, которыя оказывались тѣмъ болѣе необходимыми, что торговля доставляла князьямъ весьма значительный доходъ. Такъ, въ договорныхъ княжескихъ грамотахъ встрѣчаются условія о непризывѣ торговцевъ, объ освобожденіи ихъ отъ службы, о безопасности торговыхъ путей и о свободномъ проѣздѣ чрезъ ихъ владѣнія: „а гостя суконниковъ и городскихъ людей блюсти ны съ одиного, а въ службу ихъ не принимати» [2]), или напр., «а вывода и рубежа межи собе не замышляти, а кто замыслитъ рубежъ, рубежника по исправѣ выдати» [3]). Въ одной договорной грамотѣ эта заботливость выражается еще яснѣе: «а межи насъ людемъ нашимъ и гостемъ путь чистъ, безъ рубежа, а кто учинитъ рубежъ или выводъ, рубежника или выводщика по исправѣ выдати» [4]). Хотя эти грамоты и относятся къ нѣсколько позднему времени, но онѣ могутъ быть приведены по недостатку грамотъ 1-ой половины XIV вѣка, по совершенной тождественности общественныхъ явленій.

Въ нашихъ памятникахъ упоминаются слѣдующія названія

---

[1]) Карамз. IV примѣч. 20.
[2]) Догов. гр. 1388 г.
[3]) Догов. гр. 1368.
[4]) Догов. гр. 1451.

классовъ торговой дѣятельности: гостей, купцовъ, житыхъ людей, градскихъ и черныхъ людей. Гостями назывались иногородные торговцы бо́льшей руки, ведущіе оптовые обороты съ другими владѣніями. Михаилъ говоритъ новгородцамъ: «не хочу у васъ княжить, гостя ко мнѣ не пускайте» [1]). Безопасность гостей составляла предметъ особенной заботливости князей, какъ это видно изъ постановленій взаимныхъ княжескихъ договоровъ, въ виду того, что торговля, какъ было уже сказано, кромѣ развитія общаго благосостоянія, непосредственно увеличивала княжескіе доходы въ видѣ особенной пошлины. Сюда принадлежитъ, напр., извѣстный договоръ Мстислава Давыдовича Смоленскаго съ Ригою въ 1229 году, исключительно относящійся до торговыхъ интересовъ: «а како будетъ нѣмецкій гость въ Смоленскѣ городѣ, тако ему продати свой товаръ безъ всякой бороны. А какъ будетъ русскій гость въ Ригѣ и на готьскомъ берегѣ, вольно же ему продати безъ всякой бороны». Далѣе опредѣляются условія свободнаго проѣзда: «аще который нѣмчичъ хочетъ пойти съ своимъ товаромъ въ иный городъ, князю не боронити Смолняномъ. Или который русинъ вьсхочетъ съ готьскаго берега въ нѣмечкую землю въ Любекъ, нѣмцемъ не боронити пути того» [2]).

Купцами (житыми людьми) назывались вообще лица, торгующія въ предѣлахъ своего княжества и раздѣлявшіяся по роду своей дѣятельности на суконниковъ, сурожанъ и т. п. Какъ купцы, такъ и вообще ремесленники (градскіе люди) и простолюдины (черные люди) раздѣлялись на сотни. Въ договорахъ весьма часто встрѣчаются условія о невыводѣ градскихъ людей, о недержаніи закладней и о непринятіи такихъ людей на службу: «а изъ бѣжицъ княже люди невыводити, ни закладчиковъ не пріимати, ни смерда не купити» [3]), или, «а что закладчиковъ въ торжку или нидѣ, или за тобою, или за княгинею, или за мужи твоими, кто купецъ пойдетъ въ свое сто... а смердь въ погость... отпусти ихъ процъ» [4]), или напр.,

---

[1]) Новг. лѣт. (1017—1352).
[2]) Рус. Дост., т. 2, стр. 261.
[3]) Догов. гр. 1263 г.
[4]) Догов. гр. 1309.

«а гости и суконники, и городскихъ людей блюсти ни съ единаго, а въ службу ихъ не принимати» [1]).

Понятна заботливость князей блюсти и оберегать торговый людъ. Съ тѣхъ поръ, какъ упрочилось стремленіе князей къ осѣдлости, къ удержанію за собою своей вотчины, явилась ненасытная жажда промысла, территоріальныхъ пріобрѣтеній и умноженія доходовъ, зависѣвшихъ главнымъ образомъ отъ взиманія различныхъ податей, обусловливающихся съ своей стороны благосостояніемъ жителей и развитіемъ ихъ промышленно-торговой дѣятельности. Но изъ современныхъ князей болѣе всѣхъ отличались въ этомъ отношеніи князья Московскаго дома. Если Новгородъ перевѣшивалъ Москву духомъ рискованной предпріимчивости жителей и выгодами естественнаго положенія воднаго пути съ заграницей, то тѣмъ не менѣе и Москва по центральному своему положенію и избытку естественныхъ произведеній имѣла съ своей стороны значительныя выгоды. Находясь на перепутьи съ юга на сѣверъ и владѣя теченіемъ Оки и частью теченія Волги, москвичи весьма вѣрно оцѣнивали свое положеніе и разсчетливо пользовались каждымъ благопріятнымъ случаемъ. До какой степени развились торговыя сношенія, можно видѣть изъ описанія ярмарки холопьяго городка, оставленнаго намъ москвичемъ діакономъ Тимоѳеемъ Каменевичемъ-Рвовскимъ, писавшимъ въ 1699 году по древнему преданію [2]). Изъ этого описанія узнаемъ, что одного пошлиннаго серебра въ велико-княжескую казну собиралось на ярмарку до 180 пудовъ,—количество по отношенію къ XIV или XV вѣку весьма солидное.

Духовенство. Одно только духовное вѣдомство съ самаго водворенія его въ нашей древней исторіи имѣло сословную организацію, и это одиночное явленіе объясняется полнымъ заимствованіемъ. До введенія христіанства въ историческихъ источникахъ не встрѣчается никакого указанія на особенную касту жрецовъ, которой, по всей вѣроятности, и не было. Князья и родоначальники, вѣроятно, были жрецами, храните-

---

[1]) Догов. гр. 1388.
[2]) Карамз. IV прим. 323.

лями и учителями религіозныхъ вѣрованій. Съ принятіемъ же изъ Греціи христіанской религіи, вмѣстѣ съ ней перешла и готовая организація духовнаго состоянія греческой церкви. Вѣроятно, одновременно съ принятіемъ христіанства, у насъ образовалась митрополія въ Кіевѣ (впослѣдствіи съ 1299 г., по разгромленіи Кіева, переведенная митрополитомъ Максимомъ въ Владиміръ на Клязьмѣ) и затѣмъ въ главныхъ пунктахъ населеній—епископства: новгородское, ростовское, владимірское, бѣлгородское и черниговское; объ этихъ епископствахъ положительно упоминается еще подъ 1105 годомъ. Затѣмъ съ развитіемъ вѣроученія стали постепенно возникать и прочія эпархіи: переяславская, полоцкая, шуровская, холмская, смоленская, суздальская (около 1156 г.), владимірская, основанная Юріемъ Всеволодовичемъ въ 1215 г., рязанская, отдѣлившаяся отъ черниговской въ концѣ XII, или въ началѣ XIII столѣтія и т. д.

Эпархіи управлялись епископами; только нѣкоторыя по особенной значительности своей и важности архіепископами, каковы, напр., эпархіи новгородская (съ 1166 г.) и ростовская. Митрополиты по желанію или съ согласія великаго князя избирались и поставлялись константинопольскимъ патріархомъ до 1449 г., т. е. до того времени, когда по случаю Феррарскаго Собора и участія на немъ московскаго митрополита Исидора, наши митрополиты стали назначаться и посвящаться дома безъ всякаго вмѣшательства Царьграда; епископы же во времена вѣчеваго устройства избирались народомъ и князьями, а посвящались митрополитомъ. Въ лѣтописяхъ нерѣдко встрѣчаются случаи изгнанія епископовъ или народомъ, или княземъ: «того же лѣта выгнаша ростовцы и суздальцы, Леона епископа зане умножилъ бяше церковь граба» (1158), или напр., «князь Всеволодъ (1185) посла къ Кіеву къ Святославу и къ митрополиту прося епископа *хотя поставити* Луку кроткаго игуменья Св. Спаса на берестовомъ. Митрополитъ же не хотяше, се бо на мзду поставилъ Николу Гречина, Всеволоду не хотящу его...» Такимъ образомъ, съ первыхъ же временъ духовенство стало въ зависимости отъ свѣтской власти и этого положенія постоянно держалось впослѣд-

ствіи. По всей вѣроятности, къ такой постановкѣ весьма много способствовала зависимость духовенства въ матеріальныхъ средствахъ.

Духовенство составляли, какъ составляютъ и нынѣ, двѣ корпораціи: черное, монашествующее духовенство и духовенство бѣлое, священство — вообще церковный причтъ.

Основаніе монастырей безошибочно можно отнести къ времени Владиміра Равноапостольнаго. Изъ жизнеописанія св. Антонія Печерскаго видно, что онъ (род. 983), возвратившись съ Афонской горы въ Кіевъ, нашелъ уже тамъ монастырь, основанный греческими иноками. Этому святителю приписываютъ основаніе въ Кіевѣ Печерскаго монастыря, которому въ 1051 году великій князь кіевскій Изяславъ пожаловалъ поземельный участокъ: «посла (Антоній) единаго отъ братьѣ ко Изяславу князю река тако: княже мой! се Богъ умножаетъ братью, а мѣстьце мало; дабы ны далъ гору ту, яже есть надъ печерою. Изяславъ же слышавъ и радъ бысть, посла мужь свой и вда имъ гору ту» [1]). Такъ основалась наша первая русская обитель.

Точно также какъ на западѣ, наши монастыри имѣли значительное культурное значеніе; точно также, какъ на западѣ они были единственнымъ источникомъ образованія, нравственнаго направленія и проводникомъ гуманныхъ начинаній. Въ монастырскихъ стѣнахъ устраивались школы, жили люди грамотные, дѣписатели минувшихъ и текущихъ событій, которымъ столько обязана наша отечественная исторія; тамъ существовали благотворительныя учрежденія, странноприимные дома, богадѣльни и больницы, и къ нимъ, какъ къ центрамъ, тяготѣла вся умственная жизнь того времени. Поэтому понятна и политическая роль монастырей. Отрѣшившись отъ современныхъ эгоистическихъ и временныхъ интересовъ, они сохраняли въ себѣ болѣе широкое созерцаніе и въ нихъ никогда не умирала идея единства русской земли. Въ нихъ находились примирители и судьи княжескихъ усобицъ, безпристрастные совѣтники и въ ихъ нѣдрахъ князья искали себѣ разумныхъ

---

[1]) Лавр. лѣт. 6559, стр. 68.

пословъ. Приводить доказательства такого мнѣнія излишне; это значило бы перепечатывать всѣ наши лѣтописи. Служа убѣжищемъ для всякаго, кого поломали житейскія невзгоды, монастыри имѣли въ себѣ представителей всѣхъ элементовъ современнаго общества, начиная отъ княжескаго семейства до послѣдняго смерда и изъ этого единенія разнообразія естественно должны были зарождаться идеи болѣе широкаго объема. Можно безошибочно сказать, что только въ монастырскихъ стѣнахъ могли быть люди, подобные митрополитамъ Петру, Алексію, Филиппу, и только ихъ руководству обязаны Александры Невскіе, Даниилы Московскіе и т. п.

Въ число монастырскихъ братій нерѣдко поступали члены княжескихъ семействъ и значительныхъ боярскихъ родовъ, какъ напр. Судиславъ въ 1059 году, Николай Давыдовичъ, внукъ Святослава (извѣстный подъ именемъ Николая Святоши, причтенный церковью къ святымъ) и мн. друг. Нерѣдко, а съ XIII вѣка въ Московскомъ княжескомъ домѣ постоянно, князья передъ смертью принимали схиму, нерѣдко постриженіе служило единственнымъ средствомъ расторженія брачныхъ союзовъ. При такихъ постриженіяхъ и въ виду значительныхъ политическихъ услугъ, монастыри весьма часто получали богатые вклады, то денежные, то поземельными участками пустопорожними и населенными, съ болѣе, или менѣе широкими льготами въ платежѣ повинностей. Такимъ образомъ наше черное духовенство уже съ XIV столѣтія является собственникомъ многихъ богатыхъ селъ и деревень, управляемыхъ особою администраціею. Но такъ какъ всѣ значительные вклады или непосредственно истекали отъ княжеской власти, или зависѣли отъ ея согласія, то въ этомъ обстоятельствѣ заключалась новая причина, почему черное духовенство не смотря на обезпеченность своего положенія не только никогда не стремилось къ полной независимости, никогда не вступало въ явную борьбу съ свѣтскою властью, но даже удалялось отъ мірскихъ столкновеній и вступалось только по вызову той же свѣтской власти. Для доказательства достаточно прослѣдить характеръ участія архіепископовъ новгородскихъ въ безпрерывныхъ спорахъ Новгорода съ Москвою, достаточно указать

на послушную готовность митрополита Θеотоста исполнить волю московскаго князя Іоанна Калиты, объ отлученіи отъ церкви псковитянъ принимавшихъ участіе въ судьбѣ князя Александра-Тверскаго.

Монастыри управлялись архимандритами, или игуменами, посвящаемыми мѣстнымъ епископомъ, по избранію всей братіи изъ среды своей. Часто выборъ дѣлался по указанію предшественника архимандрита, или подъ его руководствомъ, но исполненіе совѣта не было обязательно, хотя въ дѣйствительности указаніе имѣло особенное значеніе уже по авторитетности придержащей власти. Въ виду этой-то авторитетности власти иногда, если не назначеніе новаго настоятеля, то во всякомъ случаѣ переводъ настоятеля изъ одной обители въ другую совершался по волѣ князя. Такъ Изяславъ избраннаго въ преемники къ Антонію игуменомъ Кіево-Печерскаго монастыря Варлаама назначилъ въ основанный имъ монастырь Св. Димитрія, а братія должна была приступить къ новому выбору.

Получая отъ княжеской власти свои матеріальныя, весьма для того времена богатыя средства, духовенство въ тоже время взамнно оказывало этой власти громадную услугу. Оно старалось развивать въ населеніи идею божественнаго происхожденія верховной власти и вслѣдствіе того необходимость безусловнаго ей повиновенія. Придавая князьямъ титулы христолюбивыхъ, благовѣрныхъ и о Св. Духѣ возлюбленныхъ, духовенство старалось представить ихъ представителями Бога. И конечно усилія эти немогли оставаться безплодными по мѣрѣ развитія христіанскаго ученія. Указанія на такое ученіе духовенства встрѣчаются еще при вѣчевомъ порядкѣ: такъ духовевство, уговаривая князя Владиміра Святаго на принятіе строгихъ мѣръ противъ разбоевъ, говоритъ ему „ты есп отъ Бога поставленъ на казнь злымъ,“ хотя въ то время опредѣленіе законодательныхъ мѣръ не зависѣло исключительно отъ князя. Послѣ же татарскаго погрома и возвышенія Москвы естественно почва для такого ученія оказывалась болѣе плодородною. Перенесеніемъ митрополіи въ Москву духовенство сдѣлало послѣднюю главою православнаго міра, а князей ея не только старшими, но и единственными властителями, предназначен-

ними Богомъ къ собранію русской земли. Умные московскіе князья, съумѣвъ оцѣнить значеніе поддержки духовенства, постоянно ласкали его, одаряли, но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не придавали ему полной независимости.

Далеко не видную роль играло бѣлое духовенство, хотя напротивъ, по безпрерывному непосредственному отношенію къ народу, оно должно было бы быть не менѣе вліятельно. Состоя изъ священно и церковнослужителей, оно находилось въ полной подчиненности, и подъ управленіемъ монашествующихъ іерарховъ и это подчиненіе сказывалось на немъ весьма неблагопріятно, какъ по замкнутости сферы своей дѣятельности, такъ и по скудости матеріальныхъ средствъ. Хотя въ первые вѣка по принятіи христіанской вѣры наши князья при устроеніи церквей и назначали имъ десятую часть своихъ доходовъ, каково напр. назначеніе десятины Владиміромъ и Андреемъ Юрьевичемъ „въ торгѣхъ десятіе недѣли и въ житѣхъ и въ стадѣхъ и во всемъ десятое", но во 1-хъ это пожалованіе было далеко не общимъ правиломъ и во 2-хъ оно большею частью назначалось іерархамъ чернаго духовенства. Дѣйствительность давала странное явленіе: бѣлое духовенство въ черномъ тѣлѣ и наоборотъ черное въ бѣломъ тѣлѣ. Содержаніемъ бѣлому духовенству служила руга (необязательный, впрочемъ, сборъ сельскихъ произведеній съ жителей прихода) и пользованіе незначительными землями и доходами съ нихъ. При этомъ необходимо замѣтить, что при медленномъ прониканіи христіанскихъ истинъ въ народную массу въ приходѣ количество платившихъ ругу было вѣроятно не велико. Такое невыгодное положеніе конечно не могло не отразиться на уровнѣ умственнаго образованія бѣлаго духовенства. И дѣйствительно, въ числѣ священнослужителей, исполняющихъ религіозныя требы, иногда встрѣчались лица неграмотныя и далеко не отличающіяся безукоризненною нравственностью.

Изъ всего контингента княжества одно только духовенство, перешедшее къ намъ цѣликомъ изъ Греціи, составляло нѣчто органически-цѣльное, имѣющее опредѣленныя права и обязанности, однимъ словомъ, составляло то, что обыкновенно называется извѣстнымъ состояніемъ народа. Какія же были права

и обязанности духовенства? Разумѣется, главною и существенною обязанностью было распространеніе Слова Божія, утвержденіе паствы въ правилахъ христіанскаго ученія, но кромѣ этого, къ вѣдомству духовенства принадлежали нѣкоторыя самостоятельныя отрасли правительственной дѣятельности, какъ напр. отправленіе правосудія и управленіе. Изъ дѣлъ судебныхъ нѣкоторые разряды принадлежали всецѣло юрисдикціи духовенства, другіе же по отношеніямъ личнымъ. Къ первому разряду относились дѣла брачныя, разводъ, отношенія семейственныя, преступленія противъ нравственности, нарушенія правилъ церковныхъ, завѣщанія и наконецъ мѣры и вѣсы,— безъ всякаго отношенія по различію лицъ, одинаково какъ для свѣтскаго, такъ и для духовнаго званія [1]). Ко второму же разряду относились: а) разборы дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ по обвиненію лицъ духовнаго званія. Юрисдикція послѣднихъ дѣлъ принадлежала по степенямъ подчиненности архимандритамъ, епископамъ и наконецъ митрополиту, отъ котораго зависѣло окончательное рѣшеніе: „а тяжъ Епископихъ не судити никому же, судитъ ихъ самъ Епископъ“... [2]) или „и суди судяше (мнишй) и дани и оброки пошлины емляше и нача вооружатися на священники и на иноки и на игумены, архимандриты, епископы и осуждаше и продаяше многихъ“ [3]). Затѣмъ 6) разборы дѣлъ людей всѣхъ званій, живущихъ на земляхъ, принадлежащихъ духовенству. Юрисдикція послѣднихъ дѣлъ впрочемъ являлась не иначе, какъ вслѣдствіе пожалованія отъ князя, его порученія и потому ограничивалась пространствомъ пожалованія. Обыкновенно князья, жалуя въ собственность духовенству земли, жаловали вмѣстѣ съ тѣмъ и судъ надъ тѣми людьми, которые жили на этихъ земляхъ, съ предоставленіемъ въ пользу же духовенства или всѣхъ, или нѣкоторыхъ судебныхъ пошлинъ, пеней и штрафовъ: „а что учинится между спасскими людьми, бой или татьба или душегубство или самосудъ, то все судитъ игуменъ

---

[1]) Уставы Владиміра и Ярослава о церковн. судахъ.

[2]) Уст. гр. Смол. кн. Ростислава (1150 г. сент. 30). Дополн. къ Ак. Ист. т. 1, с. 7.

[3]) Никон. IV.

и вину емлетъ въ домъ Св. Спаса, а нашимъ судьямъ не надобе“ (Грам. про домъ Св. Спаса). Въ ярлыкѣ, данномъ ханомъ Узбекомъ Петру митрополиту (1313 г.) право суда предоставлено послѣднему безъ ограниченія „въ разбои и въ поличномъ и въ татьбѣ и во всякихъ дѣлахъ вѣдаетъ Петръ митрополитъ единъ“ [1]). Иногда нѣкоторыя дѣла по важности своей (разбой, душегубство) выдѣлялись изъ юрисдикціи духовенства, иногда же не бывало никакого исключенія: „а судъ мой Великаго князя надъ владычними людьми въ душегубствѣ и въ разбои и въ татьбѣ“ [2]). Приведенная грамота относится къ концу XV столѣтія и вообще можно предположить съ большою вѣроятностью, что съ этого времени Московскіе князья въ стремленіи своемъ обезпечить и увеличить свое вліяніе начали постепенно сокращать предѣлы вотчинныхъ правъ пожалованія.

Наконецъ былъ еще судъ общій „вобчій“, происходившій въ тѣхъ случаяхъ, когда разборъ касался до лицъ различныхъ подсудностей, напр. одна сторона была изъ лицъ подсудныхъ духовному вѣдомству, а другая вѣдомству общей правительственной власти. Въ этихъ случаяхъ дѣло разсматривалось совокупно судьями обѣихъ сторонъ, а пени и штрафы шли по подсудности обвиненной стороны „а межъ моихъ людей и владычнихъ людей судъ и приставъ вобчій“.

Кромѣ суда духовенству принадлежало право управленія надъ людьми, жившими на ихъ земляхъ, взысканія съ нихъ различнаго рода доходовъ, наложенія повинностей и т. п. Такъ какъ въ ярлыкѣ Петру митрополиту упоминаются города, волости, ремесленники, принадлежащіе духовенству, то изъ этого можно заключить, что духовенству же могли принадлежать торговыя пошлины и налоги.

Въ разборахъ судебныхъ дѣлъ духовенство руководствовалось постановленіями Кормчей книги, заимствованной нами изъ Греціи. Извѣстенъ списокъ ея, сдѣланный въ 1280 году по распоряженію Великаго князя Дмитрія Александровича, но, вѣроятно, былъ и еще древнѣе.

---

[1]) С. Г. Г. и Д. т. 2, № 7, с. 8.

[2]) С. Г. Г. и Д. т. 1, № 127, с. 324.

Служилые люди. Такъ какъ политическая жизнь до разсматриваемой эпохи не могла выработать государственныхъ началъ, то, слѣдовательно, не могло организоваться отдѣльныхъ органическихъ частей, жившихъ при всей своей индивидуальности единосущно съ общимъ тѣломъ. Поэтому напрасно искали бы указаній и доказательствъ въ нашихъ лѣтописяхъ на существованіе такъ называемаго нынѣ дворянскаго состоянія, высшаго класса государственнаго контингента. Такихъ доказательствъ нѣтъ. Напротивъ того находимъ полное, неопровержимое доказательство несуществованія такого класса въ свободности перехода лица отъ одного князя къ другому безъ всякаго слѣда какого либо измѣненія въ общественныхъ отношеніяхъ. Въ лѣтописяхъ нѣтъ даже никакого намека на то, чтобы лица благороднаго, высшаго класса имѣли бы какую либо солидарность съ другими подобными себѣ, чтобъ уходъ лица производилъ какое нибудь измѣненіе въ юридическихъ отношеніяхъ. Съ уходомъ или переходомъ не оказывалось пустаго мѣста въ службѣ князя, уменьшалась только часть его силы, но товарищи ушедшаго оставались непричемъ, они ничего не проигрывали и не выигрывали, за исключеніемъ личныхъ отношеній. А при полномъ отсутствіи солидарности между членами одного состоянія не мыслимо и существованіе самаго состоянія.

Но если не было состоянія въ такомъ смыслѣ, въ какомъ оно понимается при государственномъ устройствѣ, то тѣмъ не менѣе былъ многочисленный служительскій классъ болѣе или менѣе почетныхъ, болѣе или менѣе пользующихся вліяніемъ. Этотъ классъ составлялъ нѣсколько подраздѣленій. Предварительно разсмотрѣнія въ отдѣльности этихъ подраздѣленій, необходимо упомянуть объ общей чертѣ служилаго класса. Понятіе о государственной службѣ предполагаетъ обязательство отправленія извѣстныхъ дѣйствій для удовлетворенія извѣстныхъ общественныхъ потребностей и самое обязательство заключается двумя волями, обязывающейся волей частнаго лица и обязывающей волей юридическаго лица какъ представителя общественныхъ интересовъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ обязывающая воля дѣйствуетъ лично отъ себя, въ виду лич-

ныхъ своихъ интересовъ, въ этихъ случаяхъ дѣло касается частной службы. Поэтому съ понятіемъ государственной службы необходимо связывается понятіе о соблюденіи извѣстныхъ правилъ и условій, ограждающихъ общественное благо. Посмотримъ же какой характеръ носила служба въ нашъ древній періодъ и кто именно были служилые люди.

Основаніе служилыхъ людей составила та дружина, прибывшая съ князьями, изъ которой въ первыя времена князья выбирали извѣстныхъ имъ лицъ для завѣдыванія вмѣсто себя волостями, для сбора дани, объѣздовъ полюдья и другихъ потребностей еще простой жизни. Эти дружины не соединялись съ князьями какими либо крѣпкими узами, кромѣ установленнаго договора, опредѣлявшаго ихъ взаимные интересы: дружина получала отъ князя содержаніе и долю въ добычѣ и за то составляла собою ту силу, которою могъ располагать князь въ своихъ отношеніяхъ. Непривязанные къ князю ничѣмъ, кромѣ взаимнаго интереса, дружинники служили князю на столько, на сколько было выгодно и покидали его тотчасъ же, когда находили другую дѣятельность, болѣе выгодную. Такимъ образомъ съ самаго древнѣйшаго времени, до образованія государства, право свободнаго перехода было отличительной чертой отношеній служилыхъ людей къ своимъ князьямъ. Привязать же къ себѣ этихъ людей болѣе тѣсными отношеніями, каковы напр. отношенія поземельныя, какъ это было на западѣ, князья не имѣли возможности, не обладая и сами самодержавной властью. За непмѣніемъ другихъ прочныхъ связей, князья старались скрѣпить эти связи личнымъ добрымъ отношеніемъ къ дружинѣ, отчего и образовалось понятіе, что золотомъ и серебромъ не добудешь дружины, а съ вѣрной дружиной добудешь и то и другое; отъ этого и дружинники явились истинными думцами князя, раздѣлявшими его судьбу. Чѣмъ богаче былъ князь, тѣмъ лучше было и его дружинѣ, бѣднѣлъ князь, бѣдпѣла и умалялась его вѣрная дружина, изъ которой многіе переходили къ болѣе сильнѣйшему и болѣе богатому.

Съ погрома татарскаго и съ возвышенія Москвы эти отношенія хотя и не измѣнились, но получили иной оттѣнокъ.

Присвоивъ себѣ вотчинную власть, князья заручились возможностью прикрѣплять къ себѣ служилыхъ людей — бывшихъ дружинниковъ—болѣе вѣрными узами, жалуя имъ различныя кормленія и помѣстья. Но и при такомъ порядкѣ вещей должно было поддерживаться прежнее явленіе т. е., что чѣмъ богаче былъ самъ князь, чѣмъ болѣе онъ располагалъ средствами въ раздачѣ кормленій и помѣстій и, чѣмъ устойчивѣе были его распоряженія, чѣмъ безопаснѣе пользованіе его дарами, тѣмъ болѣе и сильнѣе оказывался приливъ къ нему и служилыхъ людей. Москва представляла собою въ этомъ отношеніи особенныя выгоды, ея князья умѣли богатѣть и примышлять, умѣли оберегать *своихъ людей* и вотъ приливъ къ ней служилаго класса становится все замѣтнѣе и замѣтнѣе. Служилые люди съ охотою переходили въ Москву изъ другихъ княжествъ, зная, что съ этимъ переходомъ они только выигрываютъ, что они не лишатся своихъ прежнихъ прибытковъ, оставленныхъ ими въ другихъ княжествахъ, что ихъ съумѣютъ защитить, а при случаѣ и вознаградить съ избыткомъ московскіе князья и зная, наконецъ, что съ этимъ переѣздомъ они все таки продолжаютъ сохранять право свободнаго перехода для неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Но, увеличивая внѣшнюю силу, Московскіе князья вмѣстѣ съ тѣмъ ясно сознавали, что этотъ свободный переходъ стѣснялъ въ тоже время развитіе княжеской власти внутри самаго княжества. Вслѣдствіе этого сознанія явилась очевидная потребность *навсегда прикрѣпить* къ себѣ служилыхъ людей и удовлетвореніемъ этой потребности задались Московскіе князья, какъ это ясно видно изъ послѣдующей исторіи Московскаго княжества.

Послѣ этихъ общихъ словъ перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса—изъ кого именно состоялъ служилый классъ.

Бояре, старѣйшины, князь и мужи. Бояре извѣстны съ глубокой древности; еще въ 767 году въ Византійскихъ лѣтописяхъ они упоминаются подъ названіемъ *бойлъдовъ*. У Славянъ это были люди, выдѣлявшіеся изъ общей массы умомъ, храбростью, пользующіеся общимъ уваженіемъ и поэтому предводительствующіе въ битвахъ и руководящіе обществен-

ными дѣлами. Послѣ образованія княжествъ бояре, не утрачивая своего значенія, вѣроятно, стали къ новой княжеской власти въ тѣ же отношенія, какія существовали у князя къ племени. Но у пришельцевъ были свои дружины, во главѣ которыхъ стояли также свои бояре, а потому и должно было образоваться два различія бояръ племенныхъ или городскихъ и дружинныхъ, различія, ясно замѣчаемаго при внимательномъ чтеніи лѣтописей. Впослѣдствіи это различіе изчезаетъ естественнымъ путемъ, такъ какъ городскимъ боярамъ выгодно было поступать въ службу къ князю въ виду военныхъ добычъ, собиранія дани и полученія земель. Въ корнѣ новыхъ образовавшихся отношеній легли служебныя начала *обязательно-личныя*, служившія основаніемъ къ установленію въ нѣкоторыхъ случаяхъ зависимаго, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ положительно несвободнаго состоянія. Этими служебными обязательствами объясняются формы отношеній бояръ къ князьямъ „а мнѣ, княже, холопу твоему“. Доказательствомъ же того, что между боярами и князьями существовали отношенія только служебныя, обязательно-личныя можетъ служить совершенно свободный переходъ: боринъ, оставляя службу одного князя и переходя къ другому, не переставалъ быть собственникомъ волости оставленнаго княжества; съ переходомъ не происходило никакихъ существенныхъ измѣненій. Только впослѣдствіи, съ установленіемъ княжеской осѣдлости послѣ татарскаго ига, начинается и боярская осѣдлость, хотя право свободнаго перехода бояръ, какъ и вообще всѣхъ лицъ свободнаго состоянія сохранялось впродолженіи всего періода догосударственной жизни нашего отечества.

Боярамъ поручалось начальствованіе дружиной, управленіе областями или особыми отраслями хозяйственнаго управленія, имѣвшихъ особое названіе *путей*, веденіе переговоровъ и заключеніе договоровъ, блюденіе столицы во время отсутствія князя, участіе въ княжескихъ совѣщаніяхъ, въ думѣ и вообще исполненіе всѣхъ *личныхъ* порученій, требующихъ опытности и извѣстной доли авторитета. Наконецъ въ заключеніе остается сказать, что бояре входили въ служебныя отношенія, кромѣ князей, и къ главѣ духовенства—митрополиту, такъ какъ въ

лѣтописяхъ часто встрѣчаются названія бояръ владычныхъ. Имѣнія бояръ подлежали опредѣленнымъ повинностямъ за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, разумѣется, которыя были освобождены по распоряженію князя.

Названія *княжья мужа и старѣйшины*, кажется, не опредѣляли особыхъ какихъ либо отношеній и употреблялись до татарскаго ига вмѣсто названій бояръ.

Воеводы, намѣстники, волостели. Названіе воеводъ встрѣчается съ древнихъ временъ и всегда для обозначенія предводителя дружины изъ бояръ. Впослѣдствіи, во время татарскаго владычества, воеводы назначались въ правители городовъ, точно также какъ и намѣстники. Какъ тѣ, такъ и другіе вѣдали гражданскую и уголовную части, но различіе между ними, кажется, заключалось въ томъ, что воеводы назначались преимущественно въ города пограничные и вообще безпокойные, гдѣ требовалась постоянная военная осторожность и готовность къ военной оборонѣ, откуда воеводы *осадные и ратные;* намѣстники же—въ прочіе города, хотя съ тѣми же правами. О правительственномъ и судебномъ значеніи воеводъ, намѣстниковъ и волостелей было сказано въ статьѣ объ органахъ управленія.

Впродолженіи переходнаго состоянія князья, конечно, не могли имѣть при себѣ многочисленнаго класса для личной службы и, вѣроятно, весь ихъ дворъ, кромѣ бояръ, ограничивался отроками и гридями, а въ хозяйственномъ управленіи ключниками и тіунами, но когда они сдѣлались осѣдлыми, дворъ ихъ естественно долженъ былъ увеличиться съ развитіемъ политическихъ отношеній и хозяйственныхъ дѣлъ. Явились новыя должности отчасти по византійскому образцу, отчасти вслѣдствіе дѣйствительной потребности. Около этого времени встрѣчаются: *окольничіе, стольники, сокольничіи, ловчіе* и т. п. Должность окольничаго, кажется, въ первый разъ встрѣчается въ договорной грамотѣ 1341 года Великаго князя Симеона Гордаго съ братьями; здѣсь окольничій упоминается въ числѣ свидѣтелей, подписавшихся подъ грамотой. По имѣющимся свѣдѣніямъ трудно опредѣлить въ чемъ именно заключалась должность окольничаго и каковы были его обязанности: то

онъ вѣдаетъ границы и пограничный судъ—такъ какъ наказами губнымъ старостамъ запрещалось послѣднимъ входить въ пограничные суды, а отсылать ихъ къ окольничьимъ, имѣющимъ власть вести заграничную переписку, то онъ завѣдывалъ дорогами и вообще путями сообщенія, то принималъ пословъ, то завѣдывалъ судомъ и полевымъ боемъ. Всего вѣроятнѣе, окольничимъ назывался вообще человѣкъ приближенный къ князю, его довѣренный, неимѣющій опредѣленныхъ обязанностей, и завѣдывающій всѣмъ, что поручалось ему волею князя. *Стольники* завѣдывали столомъ князя. Такъ какъ въ 1392 году упоминается о посылкѣ митрополитомъ Кипріяномъ стольника своего Клементія къ Новгородскому Архіепископу Іоанну, то изъ этого извѣстія можно вывести, что стольники у великихъ князей существовали еще прежде. Затѣмъ сокольничьи, ловчіе и т. п. опредѣлительно характеризуются своими названіями и не оставляютъ никакого сомнѣнія въ ихъ обязанностяхъ. Наконецъ вообще должно замѣтить, что всѣ подобныя должности имѣли характеръ *лично-обязательныхъ* отношеній къ князю, неимѣющихъ никакого государственнаго значенія и зависѣли отъ произвола князя. Такъ окольничьи могли завѣдывать обязанностями стольниковъ, а послѣдніе обязанностями первыхъ.

О прочихъ княжескихъ чиновникахъ дворскомъ, казначеѣ и проч. было сказано въ органахъ управленія. Они завѣдывали имуществомъ князя и точно также имѣли къ нему личныя обязательства.

Остается упомянуть еще объ одномъ видѣ должностныхъ лицъ, о такъ называемыхъ дѣтямъ боярскихъ. Трудно сказать что нибудь положительно вѣрное относительно образованія этого класса и объ его обязанностяхъ. Самое названіе дѣтей боярскихъ встрѣчается не ранѣе XIV столѣтія и безъ опредѣленнаго значенія. Изъ сравненія различныхъ мѣстъ упоминаній о дѣтяхъ боярскихъ можно вывести предположительно, что по преимуществу обязанность ихъ состояла въ отправленіи воинской повинности, за что они получали въ помѣстье извѣстный земельный участокъ, съ котораго обязывались выставлять извѣстное число воиновъ. Хотя обязанность дѣтей боярскихъ

и касалась преимущественно вотчинской повинности, но тѣмъ не менѣе иногда встрѣчаются дѣти боярскіе и при исполненіи порученій дипломатическихъ и хозяйственныхъ.

ГЛАВА XII.

Судъ.

По общепринятому понятію задача суда — охранять, а въ случаѣ нарушенія возстановлять право, на сколько это возможно, по фактическимъ обстоятельствамъ. Соединяясь такимъ образомъ съ правомъ жизненными, неразрывными узами, судъ во всемъ существѣ своемъ раздѣляетъ его судьбу. Какъ право, расширяясь вмѣстѣ съ развитіемъ жизни, восходитъ отъ частныхъ опредѣленій выдѣляющихся общественныхъ явленій къ общимъ началамъ, точно такъ и судъ отъ частнаго самоуправства (самосуда) и возмездія переходитъ постепенно черезъ рядъ послѣдовательныхъ измѣненій къ институту государственному, къ формѣ отправленія, правильной общественной организаціи. Этотъ постепенный переходъ, вытекающій изъ самой жизни народа, отражаетъ въ себѣ современное ему состояніе общества болѣе и вѣрнѣе всякаго другаго историческаго памятника, а потому и въ настоящемъ изслѣдованіи правильный анализъ права и суда вѣчеваго и московскаго періодовъ по логической послѣдовательности долженъ привести къ правильному взгляду на сущность общественной организаціи того времени.

У народовъ младенчествующихъ право заключается въ обычаѣ, т. е. въ томъ воззрѣніи, какое всѣми въ обществѣ одинаково понимается и сознается. Въ оформленіи обычая письменнымъ закономъ не бываетъ нужды и необходимости; все идетъ по *пошлинѣ*. На такую-то пошлину и указывали славянскія племена, призвавшія князей *судить по праву*. Только впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи жизни и при внесеніи въ внутренній бытъ новыхъ элементовъ, встрѣчается надобность

въ законодательномъ опредѣленіи вновь возникающихъ отношеній. Въ жизни славянскихъ обществъ такихъ новыхъ элементовъ было два: прибытіе варяжскихъ князей съ дружиной и принятіе христіанства и эти оба новые элементы вызвали появленіе *Русской Правды*.

Русская Правда дошла до насъ въ двухъ редакціяхъ, краткой, состоящей изъ 17 статей (объ убійствѣ, о личномъ оскорбленіи свободнаго холопомъ, нѣкоторыхъ нарушеніяхъ вещныхъ правъ, о нѣкоторыхъ процессуальныхъ сторонахъ денежныхъ исковъ) и пространной. Первую обыкновенно относятъ къ эпохѣ Ярослава 1,—вторую къ временамъ послѣдующимъ. Такъ какъ Русская Правда составляетъ нашъ первый и дѣйствительно весьма замѣчательный законодательный памятникъ, то, естественно, на него преимущественно было обращено вниманіе нашихъ ученыхъ изслѣдователей. Много было по поводу ея высказано споровъ и болѣе или менѣе остроумныхъ замѣчаній, но тѣмъ не менѣе поднятые вопросы до сихъ поръ остаются не выясненными до положительной опредѣленности. Такъ до сихъ поръ остается не рѣшеннымъ вопросъ: была-ли Правда оффиціальнымъ законодательнымъ сборникомъ или только практическимъ руководствомъ для судей при рѣшеніи дѣлъ? Если на второе толкованіе наводятъ встрѣчающіяся въ Правдѣ нѣкоторыя объяснительныя выраженія, какъ напр. о пропавшемъ «рабѣ «а то есть не скотъ пензѣ рчи невѣдѣ у кого есмь купилъ», то за то на первое толкованіе указываютъ выраженія на установленіе закона княземъ. Впрочемъ вопросъ объ оффиціальной сторонѣ этого документа не можетъ имѣть особеннаго значенія при согласіи обоихъ толкованій въ дѣйствительномъ примѣненіи положеній Правды къ возникавшимъ случаямъ, а слѣдовательно и въ дѣйствительномъ выраженіи въ ея положеніяхъ состоянія современнаго общества.

Точно также не согласны наши изслѣдователи и въ вопросѣ о томъ, на сколько Русская Правда выражаетъ собою продуктъ славянской жизни и вошли ли въ нее элементы чуждыхъ правъ германскаго и византійскаго.

Большинство нашихъ ученыхъ, соглашаясь видѣть въ Русской Правдѣ вообще произведеніе славянскаго духа и

выраженіе народнаго обычая, признаютъ однако нѣкоторыя ея положенія заимствованными. Такъ установленіе виръ, т. е. денежныхъ взысканій съ правонарушителей или съ округовъ, гдѣ послѣдніе жительствовали, обыкновенно, признаютъ за германское Wehrgeld — взысканіе въ пользу обиженнаго или для примиренія съ его близкими; такъ въ нашей верви видятъ заимствованіе отъ народовъ германскихъ ихъ учрежденія Gesammtbürgschaft заключающемся въ взаимномъ поручительствѣ семейства за безопасность и поведеніе своихъ членовъ. На это заимствованіе указываетъ еще почти дословное сходство нѣкоторыхъ статей Правды, какъ напр. статьи о ѣздѣ на чужомъ ковѣ. Но такая кажущаяся наглядная убѣдительность не можетъ еще служить основаніемъ къ положительному заключенію. Весьма часто сходство обычаевъ встрѣчается у народовъ, стоящихъ на одинаковой степени развитія, хотя невозможно предполагать какихъ либо ихъ отношеній другъ съ другомъ. Извѣстно напр. поразительное сходство обычаевъ краснокожихъ американцевъ съ такъ называемыми законами варварскими (leges barbarorum) или съ обычаями кавказскихъ горцевъ. Въ виду такихъ то фактовъ встрѣчающееся сходство положеній Русской Правды съ законами германскими и невозможно считать заимствованіями—тѣмъ болѣе, что, по выраженію нашего лѣтописца, славяне имѣли до призванія князей нетолько обычаи, но даже преданья и законы отецъ своихъ.

Затѣмъ представляется вопросъ: была ли Русская Правда закономъ князя, выраженіемъ его законодательной дѣятельности или же простымъ оформленіемъ существовавшаго обычая? Каждый народъ въ своемъ младенческомъ состояніи руководствуется обычаемъ и руководствуется имъ до тѣхъ поръ, пока новое какое-либо общественное столкновеніе не вызоветъ на вопросъ, выходящій изъ рамокъ существовавшаго обычая. Рѣшеніе этихъ-то новыхъ вопросовъ на почвѣ народнаго воззрѣнія обыкновенно служитъ, какъ уже было сказано выше, побудительной причиной къ появленію законовъ письменныхъ. Редакція нѣкоторыхъ статей пространной Русской Правды ясно обнаруживаетъ обычное ихъ происхожденіе въ общемъ совѣщаніи князя съ земствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ однако

встрѣчаются и статьи, указывающія на дѣятельность князя, какъ на непосредственный, единственный источникъ закона.

Въ XV статьѣ Русской Правды говорится: „а се уставилъ Володимеръ князь Всеволодовичъ (мономахъ) по Святополчѣ сзвавъ дружину свою на берестовомъ ратибора тысячького кыевьскаго и Прокопію бѣлогородьского тысячького Станислава переяславьскаго тысячького нажира Мирослава Иванка Чудиновича Ольгова мужа и *уставиши люди* до третьяго рѣза“.... [1]) Далѣе, въ статьѣ о судѣ Ярославлихъ дѣтей изложено, что „по Ярославѣ же паки съвъкупивъшеся сынове его русьтіи князи, Изяславъ, Святославъ Всеволодъ и мужи ихъ къспячько перенѣгъ Никифоръ Кыяниинъ Чудинъ Микула и отложиша убіеніе за голову къ кунами ся выкупати а ино все якоже Ярославъ судилъ такожде и сынове его *уставиша*“. [2]) Изъ статьи же объ ударепіи холопомъ свободнаго узнаемъ, что за это оскорбленіе „великій князь Ярославъ Володимеричъ *уставилъ* убити нъ, сынове *уставиша* на куны“. [3]) По первымъ двумъ приведеннымъ статьямъ законодательная дѣятельность князя раздѣляется между нимъ и выборными лицами, такъ какъ это видно изъ самаго выраженія *уставиша люди*, третьей же статьею законодательная мѣра приписывается личной дѣятельности князя, безъ участія другой силы. Въ какихъ же отношеніяхъ и въ какомъ размѣрѣ заключалалась эта дѣятельность?

Въ главѣ о верховной власти князя вообще уже былъ разсмотрѣнъ вопросъ о законодательной отрасли этой власти и объ отношеніяхъ ея къ народному участію. По самому безпристрастному разсмотрѣнію источниковъ оказалось, что законодательная дѣятельность далеко не всецѣло принадлежала одному князю, но напротивъ, столько же, если не болѣе, принадлежала и народному собранію. Отношенія между двумя этими факторами не были опредѣленными и весьма много зависѣли отъ личности князя, его популярности. Какимъ же

---

[1]) Изсл. о Рус. Пр. Калачова стр. 86.
[2]) ibid. с. 109.
[3]) ibid. с. 94.

образомъ въ статьѣ Правды объ оскорбленіяхъ холопомъ свободнаго человѣка ни слова не упоминается объ участіи народа? Чѣмъ же объясняется такое важное противорѣчивое указаніе? Для разъясненія его необходимо принять на видъ слѣдующія соображенія.

Предварительно должно замѣтить, что редакцію статей Русской Правды невозможно считать положительно вѣрной. Лѣтописцами (краткая и пространная Русская Правда находится въ различныхъ лѣтописяхъ и сборникахъ церковныхъ законовъ, кормчихъ и мѣрилахъ праведныхъ) и переписчиками были монахи, т. е. именно тѣ люди, которые по византійскимъ традиціямъ и личнымъ отношеніямъ склонны были видѣть въ князѣ представителя полной самодержавной власти, отъ которой, по божественному происхожденію ея, исходили всѣ функціи отправленія всѣхъ общественныхъ отношеній. А вслѣдствіе такого коренного убѣжденія лѣтописца, или переписчика становится весьма естественнымъ указаніе его на личную дѣятельность князя „устави“, тогда какъ въ дѣйствительности это установленіе было дѣломъ общимъ, совмѣстнымъ князя, дружины и представителей народныхъ.

Переходимъ затѣмъ къ разсмотрѣнію вопроса, не было ли случаевъ, когда и князь могъ быть установителемъ закона? Князья призывались *судить по праву*. Вслѣдствіе этого кореннаго положенія князья и ихъ представители по уполномочію были облечены судебною властью примѣнять существовавшіе законы-обычаи къ возникавшимъ случаямъ. До тѣхъ поръ пока случаи правонарушеній ограничивались сферой обиходно существовавшаго порядка, для рѣшенія ихъ оказывалось достаточнымъ всѣмъ извѣстныхъ опредѣленій обычая, но когда въ жизни возникли новыя явленія, новыя отношенія, пришедшія извнѣ, то вслѣдствіе этого новыя правонарушенія потребовали новыхъ разрѣшеній. Къ этимъ-то новымъ возникавшимъ въ дѣйствительной жизни случаямъ, требовавшимъ неотложнаго рѣшенія княземъ, его тіуномъ, или его боярином примѣнялись новыя опредѣленія въ видѣ рѣшеній данныхъ случаевъ. И если эти рѣшенія соотвѣтствовали народ-

ному воззрѣнію, казались справедливыми, то они немедленно служили руководствомъ или примѣрами на послѣдующее время для всѣхъ подобныхъ правонарушеній.

Такимъ образомъ устанавливался новый законъ и установленіе его естественно приписывалось монахами-лѣтописцами князю, какъ главному верховному судьѣ, хотя, въ дѣйствительности, виновниками новаго закона былъ нетолько не князь и его тіунъ, но просто какой нибудь вліятельный дружинникъ или какое-нибудь значительное земское лицо. Частая же повторяемость одинаковыхъ случаевъ или особенная важность ихъ по временамъ доходила до разсмотрѣнія и обсужденія высшей законодательной власти, т. е. князя и земскихъ выборныхъ людей—тогда эти послѣднія опредѣленія принимали общеобязательную форму закона. На эти-то обстоятельства и указываютъ приведенныя статьи Русской Правды, на которыя ни въ какомъ случаѣ невозможно смотрѣть какъ на исключительный источникъ законодательной дѣятельности князя. Слѣдовательно, въ источникахъ права должно видѣть прежде и главнѣе всего обычаи, затѣмъ судебныя рѣшенія и наконецъ опредѣленія законодательной власти, составляющейся при общемъ соучастіи князя и народа. Наконецъ, къ источникамъ права должно отнести и опредѣленія византійскаго права «закона суднымъ людямъ», но эти опредѣленія имѣли силу, вѣроятно, только въ случаяхъ, подлежащихъ обсужденію духовенства. Такой порядокъ формулированія права продолжался во весь древній вѣчевой періодъ нашей исторіи.

Съ татарскаго ига внутренній общественный порядокъ измѣнился на столько, насколько измѣнились фактическія отношенія элементовъ. Значительное разрѣженіе свободнаго класса не могло не ослабить значенія народнаго голоса вообще въ общественныхъ дѣлахъ и, въ особенности, въ законодательной его дѣятельности, на развитіе которой по отношенію народнаго участія въ нашихъ памятникахъ уже не встрѣчается дальнѣйшихъ указаній. При разгромленіи народа татарскимъ игомъ должна была бы повидимому выдвинуться законодательная дѣятельность князя, но и этого не видимъ вслѣдствіе, вѣроятно, приниженнаго положенія князей, какъ покор-

ныхъ улусниковъ ханскихъ. Дѣйствующимъ правомъ продолжала существовать Русская Правда съ дополненіями, заключающимися въ законахъ духовенства и въ договорныхъ опредѣленіяхъ князей между собою и съ иностранцами. Князья, ихъ тіуны, намѣстники и волостели судили и рѣшали дѣла по пошлинѣ, по старому обычаю, по Русской Правдѣ и по тому, какъ Богъ на душу пошлетъ. Потребности въ законодательной дѣятельности въ смыслѣ государственномъ не возникало, да и не могло возникнуть. Получивъ осѣдлость и не встрѣчая самостоятельнаго противодѣйствія со стороны народа князья начинали смотрѣть на свои волости, какъ на собственность. Въ Московскомъ же княжествѣ такой взглядъ естественно долженъ былъ сложиться вслѣдствіе своихъ поземельныхъ вотчинныхъ отношеній.

Между тѣмъ, по мѣрѣ распиренія Московскаго княжества, правильное отправленіе правосудія становилось затруднительнымъ. Отдаленнымъ поселеніямъ съ одной стороны могли быть незнакомы и чужды постановленія Русской Правды, а съ другой не могли не казаться обремѣнительными и несправедливыми денежныя взысканія за преступленія и вознагражденія за отправленіе правосудія. Кромѣ того, отдаленность отъ центра, отъ княжескаго стола давала полную возможность намѣстникамъ, волостелямъ и тіунамъ безнаказанно увеличивать тяжебные поборы и тѣмъ возбуждать безпрерывныя жалобы поселеній на стѣсненія. Для отстраненія подобныхъ злоупотребленій князья стали издавать такъ называемыя уставныя и судныя грамоты. Изъ нихъ первыя имѣли цѣлью установить, по возможности, порядокъ управленія, вторыя же предназначались преимущественно для дѣлъ судебныхъ. Въ содержаніи послѣднихъ заключаются руководящія правила намѣстникамъ и волостелямъ при разборѣ дѣлъ, излагаются нѣкоторые законы, по преимуществу охранительные, исчисляются денежныя пени и судебныя пошлины, опредѣляются доказательства, способы собиранія ихъ и наконецъ рѣшенія дѣлъ и исполненія. Такое содержаніе грамотъ ясно указываетъ на цѣль ихъ изданія: на обузданіе своеволія и злоупотребленій намѣстниковъ и для охраненія отъ нихъ мѣстныхъ жителей.

Уставныя и судныя грамоты имѣютъ вполнѣ характеръ инструкцій: онѣ не опредѣляютъ ничего новаго и въ нихъ нельзя видѣть какого либо новаго законоположенія, какъ продукта законодательной дѣятельности въ смыслѣ государственномъ. Хотя изданныя уставныя и судныя грамоты относятся къ времени послѣдующему 1-й половины XIV столѣтія, но нѣтъ никакого основанія отвергать существованія ихъ и въ это время, но только не дошедшихъ до насъ, или еше не обнародованныхъ. Вѣроятно, въ нашихъ монастырскихъ архивахъ хранится подъ спудомъ много еще драгоцѣнныхъ матеріаловъ, изданіе которыхъ прольетъ много свѣта на нашу минувшую общественную жизнь. Впрочемъ и изданныхъ до сихъ поръ матеріаловъ достаточно для вѣрнаго опредѣленія общаго ихъ типа,—типа. выражающаго частную заботливость князя-собственника, частнаго владѣльца-хозяина.

По разсмотрѣніи общихъ чертъ существовавшаго права, остается прослѣдить тѣ формы, въ которыхъ проводились въ жизнь опредѣленія началъ права, формы прммѣненія послѣдннхъ къ возникавшимъ случаямъ, формы судопроизводства. Вопросъ о судопроизводствѣ, по отношенію къ настоящему изслѣдованію, не лишенъ серьезнаго значенія. Производство суда—дѣло общественное, и потому по необходимости должно носить на себѣ вѣрный отпечатокъ современнаго общественнаго склада.

Обыкновенно первобытная форма разсмотрѣнія и рѣшенія всѣхъ спорныхъ гражданскихъ и обсужденіе уголовныхъ дѣлъ заключается у всѣхъ младенчествующихъ народовъ, равно какъ и у славянъ, въ безапеляціонныхъ изрѣченіяхъ главъ семействъ и родоначальниковъ, изреченіяхъ, выражающихъ собою народное воззрѣніе. Затѣмъ по мѣрѣ распаденія и разрушенія родоваго начала, авторитетъ родоначальниковъ слабѣетъ и вмѣсто него естественно развивается личный произволъ въ видѣ самоуправства, самосуда. Такимъ образомъ, первыя формы судопроизводства у нашихъ предковъ славянъ состояли въ *мировомъ разборѣ* родоначальника, свято-обязательномъ для спорящихъ по живому еще сознанію единства происхожденія и солидарности членовъ. Только когда это живое сознаніе со-

лидарности изчезаетъ, въ обществѣ обнаруживается личное преслѣдованіе каждымъ своего права, какъ это и видимъ въ явленіяхъ родовой мести. Господство самоуправства и самосуда, конечно, не могло не произвесть общественнаго нестроенія и вотъ «вста родъ на родъ и быша усобица.»

Призваніе новой судебной власти въ видѣ княжеской, имѣло цѣлью вручить постороннему элементу, чуждому и потому безпристрастному къ мѣстнымъ взаимнымъ отношеніямъ, охраненіе внутренняго порядка и судебный разборъ. Эта власть, вслѣдствіе своего установившагося положенія, строго ограничивалась цѣлями призванія. Если бы княжеская власть обладала законодательной дѣятельностью, то тогда и власть судебная получила бы болѣе широкое значеніе, но, не имѣя законодательной опоры, послѣдняя должна была занять низкое положеніе. Оттого-то въ дѣятеляхъ судебнаго вѣдомства видимъ лицъ, не только не обладавшихъ общественнымъ значеніемъ, но даже изъ лицъ несвободнаго класса. Самое дѣло отправленія правосудія разсматривалось, какъ доходная статья князя. Въ качествѣ такого главнаго финансоваго характера, судъ и не могъ получить даже въ общихъ чертахъ должной организаціи, какъ судебнаго института. Не было опредѣленныхъ правъ и обязанностей судебныхъ органовъ, ни ихъ юрисдикцій.

Какъ доходная статья, какъ *кормленіе* — судъ отдавался, то учрежденіямъ (монастырямъ, церквамъ), то частнымъ лицамъ, то передача происходила въ полномъ объемѣ, то касалась только нѣсколькихъ сторонъ. Все высказанное ясно указываетъ на частный характеръ суда, несмотря даже на то, что, по основной природѣ своей, судъ — дѣло общественное. Самимъ современникамъ, судъ представлялся только частнымъ тягломъ и повинностью. «Изъ начальниковъ дружины они (князья) превратились въ вотчинниковъ, говоритъ г. Чичеринъ въ трудѣ своемъ объ областныхъ учрежденіяхъ Россіи въ XVII вѣкѣ (М. 1856 г.), но характеръ управленія остался тотъ же: не было еще понятія объ общественныхъ потребностяхъ, составляющихъ предметъ государственнаго управленія; какъ въ частномъ хозяйствѣ, вся цѣль состояла въ полученіи

дохода княземъ и его слугами. Князь по прежнему имѣлъ право суда и дани. То было тягло, лежавшее на землѣ; всѣ жители княжеской вотчины подвергались этимъ повинностямъ точно также, какъ суду и повинностямъ монастырскимъ подвергались всѣ жившіе на монастырскихъ земляхъ. Общимъ правиломъ было: «а судомъ и данью тянути по землѣ и по водѣ.»

Слѣдовательно и обозрѣніе судебной стороны общественной жизни привело къ тому же убѣжденію въ совершенномъ отсутствіи государственнаго начала, какъ въ вѣчевомъ періодѣ нашей исторіи, такъ и въ періодѣ московско-вотчинномъ.